

INSPIRIA

ДОМ

СТРАХА

ПОПАСТЬ СЮДА ЛЕГКО...

МАЙК ОМЕР

Annotation

Детектив Ханна Шор из Гленмор-Парка ведет дело о похищении дочери своей подруги. Чтобы вернуть девочку домой, она объединяет усилия с ФБР. Но даже матерые агенты Бюро в растерянности: похитители разместили требование выкупа и фото похищенной в социальной сети, и...

ОНО СТАНОВИТСЯ ВИРУСНЫМ.

Ситуация быстро выходит из-под контроля. Теперь на детективов смотрит весь мир. Слухи распространяются со скоростью лесного пожара, а онлайн-линчеватели подливают масла в бушующее пламя. В городок со всей страны едут доморощенные сыщики.

И НАЧИНАЕТСЯ ХАОС...

Расследование заходит в тупик — похитители рассчитали всё до мелочей и не оставили никаких следов. А время стремительно утекает. И тогда в Гленмор-Парк, отложив свое расследование в Техасе, приезжает профайлер ФБР Зои Бентли. Ее выводы становятся лучом света в кромешной тьме. Теперь детективы будут искать направленно. А главное, они поняли, что...

ЭТО ПОХИЩЕНИЕ СОВЕРШЕНО НЕ РАДИ ВЫКУПА...

-
- [Майк Омер](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
-

Майк Омер
Дом страха

РОМАНЫ МАЙКА ОМЕРА

Внутри убийцы
Заживо в темноте
Глазами жертвы
Как ты умрешь
Сеть смерти
Дом страха

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В СЕРИИ «ВНУТРИ УБИЙЦЫ»

Виктор Метос «Жена убийцы»
Виктория Селман «Границы безумия»
Мэри Бёртон «Последний ход»
Изабелла Мальдонадо «Шифр»
Виктор Метос «Ночные твари»
Мэри Бёртон «Последнее испытание»
Лайза Рени Джонс «Поэзия зла»

МАЙК ОМЕР

ДОМ СТРАХА

INSPIRIA

Москва
2022

Глава 1

Простенькая карусель из стальных труб медленно проворачивалась на ледящем ветру, оглашая темную детскую площадку пронзительным скрипом. Грейси Дарем не сводила с нее глаз, поеживаясь от холода и страстно желая оказаться сейчас дома, в теплой постели. Но все равно продолжала упорно сидеть на одном конце стоящих рядом качелей, напротив Эбби. Перекладина качелей основательно проржавела, и из-под лохмотьев желтой краски кое-где проглядывал порыжевший металл. Грейси выдохнула, выпустив в студеной ночной воздух облачко пара.

— Думаю, что он не придет, Эбби, — нарушила она молчание.

— Придет, — твердо отозвалась та, прикусив губу.

— Он скинул тебе эсэмэску?

Эбби заглянула в свой телефон.

— Нет. Но он придет. В смысле... сейчас ведь всего лишь пять минут девятого.

День святого Патрика, на улицах не протолкнуться от пьяных взрослых, орущих и гогочущих. По пути сюда Грейси заметила, как какого-то мужика безудержно тошнит на углу. А через несколько минут им попалась слившаяся в объятии парочка, зигзагом бредущая навстречу, — парень запустил руку прямо в штаны девице. Грейси надеялась, что никогда не вырастет, — это ведь так отвратительно... Она испытала заметное облегчение, когда весь этот разгул остался позади и они наконец свернули в сторону детской площадки на Бейбл-лейн, где Эбби договорилась встретиться с Ноэлем.

Грейси думала, что лучше б им встретиться днем, а не вечером. Ни ей, ни Эбби не разрешалось выходить из дому так поздно, тем более в учебный день, и если родители Грейси прознают, что ее не было дома, то просто оторвут ей голову. Но она дала Эбби обещание, а сама Эбби всегда была готова ее поддержать. Вступалась за нее перед Тарой и ее подружками, когда те цеплялись к ней из-за того, как она одевается... В прошлом году, в пятом классе, взяла на себя вину, когда миссис Морено застучала их за списыванием, хотя виновата была Грейси... И всегда поддерживала ее музыкальные увлечения.

Эбби — просто классная подруга. И отправиться с ней на встречу с Ноэлем было последним, что она могла для нее сделать.

Грейси огляделась по сторонам, зябко обхватив себя за плечи. Днем они частенько бывали на этой детской площадке. Эбби уверяла, что и познакомились-то они именно здесь, катаясь на карусели, хотя Грейси была уверена, что произошло это в школе, на обеде. Но как бы там ни было, они торчали здесь часами, когда были помладше, — качались на качелях, съезжали на попе с горки, тут же забираясь обратно прямо по спуску, хотя полагалось подниматься по лесенке. И даже когда немного подросли, по-прежнему тусовались тут, болтая про школу, музыку, мальчиков, книги — да про всё на свете. Просто болтали и болтали. Иногда делили на двоих пакетик «Скиттлз» или «Ризис»^[1], или (когда мама Эбби категорически запретила той ежедневно есть конфеты) сочное хрустящее яблоко.

Однако вечером эта детская площадка виделась в совершенно другом свете. Поблизости находились только два уличных фонаря, и сооружения на площадке отбрасывали длинные жутковатые тени. А единственными звуками были лишь поскрипывания карусели под особо сильными порывами ветра. Днем этот скрип казался довольно забавным — ребятня раскручивала эту штуковину еще сильнее, отчего звук становился еще более пронзительным. Но теперь это заунывное поскрипывание казалось неприятным, даже зловещим, и у Грейси от него по спине бежали мурашки. Кое-где на земле лежали заплатки снега, бело-голубые в окружающей мгле.

Металлическое сиденье качелей было невероятно холодным, и Грейси казалось, что она вот-вот отморозит попу даже в теплых толстых штанах. Она поерзала, пытаясь по возможности подсунуть под себя полы куртки.

— Есть что? — наконец спросила она.

Эбби опять глянула на экран, на миг осветивший ее личико.

— Нет, — отозвалась она несколько упавшим голосом.

— Надо идти, Эбби. Он наверняка просто не смог.

— Угу. — Та кивнула, тоже слегка поежившись, причем разочарование в ее голосе казалось едва ли не осязаемым. — Пошли.

У Грейси возникло чувство, будто Эбби вот-вот расплачется. У той уже три дня только и разговоров было, что про сегодняшний вечер, — она была в полном восторге, что наконец-то встретится

с Ноэлем. Ладно, утешить подругу можно будет и позже, но теперь пора двигать домой, пока они окончательно не превратились в сосульки. Спрыгнув с качелей, Грейси протянула руку Эбби, оказавшись при этом лицом к парку неподалеку. Темные деревья надежно скрывали за собой городские огни.

При виде высокой фигуры, шагающей в их сторону по тянущейся от парка тропке, Грейси даже вздрогнула. Мужчина двигался как-то странно, будто с опаской, и она сжалась; в голове промелькнула совершенно неожиданная мысль: «Он не хочет, чтобы мы его услышали». Ей понадобилась еще секунда, чтобы осознать, что она не может различить его лицо — не из-за темноты, а потому что на нем лыжная маска с дырками для глаз.

Но в этот момент он уже двигался куда быстрее.

— Эбби... Беги! — выкрикнула Грейси, хватая подругу за рукав.

Та нерешительно застыла, но Грейси, все еще крепко держа Эбби за руку, бегом потащила ее в сторону улицы. А когда бросила взгляд вбок, мужчина оказался уже куда ближе, так быстро перебирая ногами, что они смазались в одно размытое пятно. На бегу ее разум отметил сразу несколько мелких деталей. Какой-то маленький предмет у него в руке — что-то белое. Его глаза, поблескивающие в темноте и сузившиеся, когда он погнался за ними... Их длинные тени, взявшиеся за руки, на темной тропе... Более крупная тень, нависающая над ними, наступающая их...

Эбби прибавила ходу. Она всегда была лучшей спортсменкой, быстрее и сильнее, чем Грейси. И теперь это уже она тянула за собой Грейси, а не наоборот.

Ведущий на улицу проем в ограде был уже совсем близко. Оттуда оставался лишь короткий рывок ко все еще работающей бензоколонке через дорогу — и они в полной безопасности.

И тут откуда-то с улицы, взревев мотором, к ним устремился темный фургон. Скрипнув тормозами, ударился передними колесами о бордюр тротуара прямо перед ними, перекрыв выход. Распахнулась дверца, и из него выпрыгнула еще одна темная фигура. Тоже в лыжной маске.

Грейси в ужасе взвизгнула, когда та метнулась прямо к ним. За спиной она слышала быстрый топот ног их преследователя, смешивающийся со стуком ее собственного сердца. Эбби почти не

замешкалась — вильнула вправо с тропы на замерзшую в камень землю парка. Но Грейси не отпустила ее руку, рывком увлекая подругу за собой. Обе спотыкались, тяжело дыша. Грейси попыталась что-то крикнуть, но не смогла — легкие горели огнем, страх клещами сжал горло. Не оставалось ничего другого, кроме как бежать без оглядки.

Земля под ногами стала слякотной, скользкой, неровной. Грейси оступилась, запнулась, выпустила руку Эбби, и теперь они уже бежали по отдельности. Грейси, на глазах отставая, наконец обрела голос.

— Помогите! — выкрикнула она. — Кто-нибудь, помогите!

В голове у нее оформилась безумная мысль. Может, залезть на дерево, пока ее не поймали? Это у нее всегда хорошо получалось.

Недалеко от нее и впрямь росло большое дерево, и она резко вильнула вправо, устремляясь к нему. Ей было видно, что оба преследователя по-прежнему гонятся за Эбби, но один из них бросил на нее взгляд, глазами хищника проследив за ее маневром. Грейси лихорадочно обшаривала взглядом ветки — какая тут пониже, чтобы залезть, — но было слишком темно, чтобы хоть что-то разглядеть, не то чтобы забраться на дерево.

Отчаяние затопило ее с головой.

Земля под ногами была скользкой — грязь вперемешку со слякотным снегом. Грейси поскользнулась, запнулась, упала, пытаясь прикрыть голову, но не успела вовремя вскинуть руки и ударилась головой прямо в дерево. Ослепляющая боль поглотила ее целиком.

* * *

Чуть раньше тем же вечером детектив Ханна Шор успела свайпнуть вправо в «Тиндере»^[2] и теперь по полной программе влипла в свидание с двадцатипятилетним безработным «старичком» в шляпе лепреккона^[3]. И сама до конца не понимала, что ее больше раздражает: что этот Боб Миллз счел умилительным явиться на свидание в такой шляпе или что она сразу не развернулась и не ушла, едва ее увидев. Это было жульничество, самое натуральное. На фото в «Тиндере» не было у него никакой шляпы, и ни в его описании самого себя, ни в тегах ничего подобного не упоминалось. Боб просто написал, что парень он приветливый и веселый и что любит собак.

Хотя, если честно, помимо шляпы вид его вполне радовал глаз. Он был на шесть лет младше ее, с небрежной копной взлохмаченных светлых волос и широкими плечами. Когда парень отошел в туалет, она убедилась, что и попка у него тоже вполне ничего. Ханна была уже готова полностью простить ему эту выходку со шляпой. Тем более что он сразу же снял ее, едва они успели усесться за столик, в конце-то концов.

Новый знакомый улыбнулся ей, продемонстрировав превосходные зубы, и она улыбнулась в ответ, отбросив вбок свои спутанные каштановые волосы. Ханна надеялась, что выглядит лишь намеренно небрежно и по-свойски, а не так, словно у нее просто не было времени принять душ, накраситься или даже как следует взглянуть на себя в зеркало, — чем, собственно, все это и объяснялось.

А потом он начал говорить.

Увы, но Боб Миллз страдал тем, что Ханна называла «синдромом Совы». Названный в честь Совы из «Винни Пуха», этот синдром наполняет людей чувством, будто они знают обо всем на свете и что этим знанием надо в обязательном порядке поделиться с окружающими. Муторное заболевание, но редко когда смертельное, если не считать отдельных экстремальных случаев.

С этой минуты привлекательность Боба резко пошла на убыль.

Про День святого Патрика он знал почти все, чем и не преминул сразу же поделиться. Спросил ее, почему она не оделась по-праздничному. От самого очевидного ответа Ханна воздержалась, — всегда считая, что праздник этот самый что ни на есть дурацкий, — и взамен ответила, что она иудейка. Оказалось, что Боб — специалист и по иудаизму. Равно как и по Израилю. Последовал длинный монолог про ситуацию на Ближнем Востоке, в ходе которого ее разум разделился надвое — углубившись в воспоминания, Ханна сравнивала эту встречу с другими своими жуткими свиданиями. Это тянуло на семь с половиной баллов по шкале Дэвида Фергюсона — свидание с которым оказалось худшим в ее жизни, что включало в себе отвратительный секс, загубленную блузку и бурные рыдания... с его стороны.

Ханна в отчаянии огляделась по сторонам. Люди в баре явно наслаждались жизнью и самими собой, словно им было совершенно плевать на то, насколько ей не повезло с ухажером. Компашка

симпатичных двадцатилетних девчонок радостно взвизгнула и разразилась аплодисментами, когда одна из них одним махом выдула целую кружку пива, пролив половину себе на грудь. За другим столиком у какой-то парочки хватало духу *держаться за руки*, словно чтобы специально позлить ее! Официантки, разносящие пиво, порхали вокруг с улыбками на лицах и зелеными париками на головах в честь ирландского праздника. День святого Патрика наверняка был весьма выгодным в плане чаевых. А она вот где: с мистером «Давай-ка я объясню, в чем *настоящая* проблема с импортом овощей» — и уже всерьез подумывает встать и уйти.

Боб Миллз, когда молчал в тряпку, выглядел как человек, с которым вполне можно было бы неплохо провести время. Пожалуй, стоило бы сразу пригласить его к себе домой, пока он еще не растерял те последние клочки сексуальной привлекательности, которые в нем еще оставались.

Но тут Боб принялся вещать про отдел полиции Гленмор-Парка — и свидание было официально обречено. Теперь это уже тянуло на восемь с половиной баллов по шкале Дэвида Фергюсона.

От полиции Гленмор-Парка, как объяснил Боб заинтересованно кивающей Ханне, нет абсолютно никакого толку. В Гленмор-Парке один из самых высоких уровней преступности в Массачусетсе, и Боб из первых рук знает, что дело тут лишь в полицейской коррупции и некомпетентности.

— Это ужасно, — поддакнула Ханна.

— Да при таком бюджете... вы вообще в курсе, что копы Гленмор-Парка — самые высокооплачиваемые во всем штате?

— Возмутительно! — с деланным пылом отозвалась Ханна. — Обычно думаешь, что они пытаются обеспечить нашу безопасность, по меньшей мере.

— Куда там! В прошлом месяце меня оштрафовали за скорость. Клянусь, я ехал чуть меньше ограничения! Я запросто мог бы оспорить это в суде, но сами знаете, каково это. Не стоит руки марать, верно?

— Совершенно верно. Кому хочется выступать против коррумпированных копов в суде? — Ханна печально покачала головой, удрученная столь неутешительным состоянием правосудия. — В смысле... у них же все судьи, наверное, куплены.

— Наверное? Я бы сказал наверняка!

Ханна мысленно прокляла себя за отсутствие плана аварийной эвакуации. У любой женщины, отправляющейся на свидание, есть подруга, которая звонит ей в условленный час, — такой звонок может потенциально превратиться в экстренный, если к этому призовет ситуация. У любой, но только не у Ханны Шор. Нет уж... Ханна Шор идет на любое свидание, как будто оно настоящее, — словно собирается выйти за парня из «Гиндера» замуж.

Ну что ж, замуж за Боба она точно не пойдет, и даже секса у них не будет, несмотря на его широкие плечи и тугую попку. Просто придется сослаться на головную боль. Хотя он наверняка произнесет спич и на тему головной боли. Боб наверняка знает, как правильно лечить и этот недуг.

— Послушайте, — произнесла Ханна, так потирая виски, словно за ними бушевал настоящий мигреновый ураган. — Я не...

И тут зазвонил ее телефон. Чудо Дня святого Патрика! Она вытащила его из сумочки. Номер неопознанный, но все равно классно. В данный момент Ханна была готова пообщаться с кем угодно, лишь бы улизнуть с этого свидания.

— Алло? — ответила она.

— Ханна? — Знакомый голос, к которому не удалось с ходу пристроить имя и фамилию.

— Да, это я. А кто это?

— Ханна, это Наамит.

Точно, осознала она. Наамит, мамина подруга. И где же маменька с этой женщиной подружилась? В синагоге? Или на каких-то занятиях по пилатесу^[4]? Подробности ускользали, но Наамит и мать Ханны вот уже пару лет были добрыми приятельницами.

— Здравствуйте, Наамит, как вы? — произнесла она в трубку.

— Не особо, — отозвалась женщина, и тут Ханна осознала, что ее собеседница всхлипывает. — Ханна, ты не смогла бы приехать? Нам тут очень пригодилась бы твоя помощь.

— Ну конечно, — ответила она, нахмурившись. — А в чем проблема?

— Эбигейл, — произнесла Наамит. — Она пропала.

— Какой адрес?

— Лаветта-уэй, двадцать три.

— Уже еду, — пообещала Ханна, после чего отключилась. — Мне надо идти.

— А в чем дело? — спросил Боб.

— Одной подруге срочно нужна моя помощь. Это полицейский вопрос.

В голове у Боба несколько секунд прокручивались шестеренки.

— Так вы — коп?

— Угу. Детектив. — Ханна бросила на столик две купюры.

— О! — вымолвил несостоявшийся ухажер.

Ханна встала.

— Все было просто замечательно, — произнесла она таким тоном, что становилось ясно: замечательно, как чирей на задку.

— Может, как-нибудь еще разок состыкуемся, — пролепетал Боб.

— Обязательно, — заверила его Ханна.

Да ни в жисть! Даже если этот Боб с Дэвидом Фергюсоном останутся последними мужчинами на земле.

* * *

Когда Наамит открыла дверь, Ханна даже вздрогнула. Та была одета в ярчайшую малиновую юбку и черные леггинсы; усыпанная крошечными блестками блузка сияла и переливалась в свете фонаря у входа. Губы густо-красные, и кое-где на лице оставались блеклые следы макияжа, но глаза и нос распухли и покраснели. Наамит явно недавно плакала.

— Ханна, — произнесла она, шмыгая носом. — Спасибо, что пришла.

— А как иначе? — отозвалась та. — Что случилось?

— Мы где-то час назад вернулись домой, а Эбигейл нет! Поначалу подумали, что она пошла к подруге. Но телефон у нее выключен, и никто из ее подружек не знает, где она.

— И подружки не знают? — переспросила Ханна, проходя вслед за Наамит в дом и далее в гостиную. Это оказалась совсем небольшая комнатка, с простецкой потертой мебелью. На поблекшем белом ковре стояли два дивана, между ними — круглый деревянный кофейный столик.

— Ну да... Ее лучшая подруга, Грейси, не отвечает на звонки, ее родители тоже. Рон поехал к ним домой, но там темно, и никто не открыл.

— Понятно. Может, они взяли Эбигейл с ее подругой с собой в кино или еще куда-нибудь?

— Ничего не сказав нам? — возразила Наамит. — Я не могу в это поверить.

У Ханны сразу возникло чувство, что именно произошло. Тем не менее она не намеревалась высказывать свое предположение вслух — речь шла о пропавшем ребенке.

— А сколько лет сейчас Эбигейл? — осведомилась она.

— Двенадцать, — дрожащим голосом отозвалась Наамит.

— Хорошо, где вы сами были, когда она ушла из дома?

— На вечеринке, — ответила Наамит. — Нельзя было оставлять ее одну! Я хотела позвонить своей маме, попросить ее приехать, но Эбигейл все твердила, что она уже не маленькая, что нянька ей не нужна...

— Так-так... На вечеринке? Не по случаю Дня святого Патрика? — Ханна приподняла брови.

— Нет, не совсем, — сказала Наамит. — Это был корпоратив, у нас в офисе. И все знали, что мы иудеи, так что праздновали и День святого Патрика, и Пурим^[5].

— Ах да. — Пурим и вправду был уже на носу. Ну что ж, по крайней мере, это объясняло наряд Наамит. — А когда начался этот корпоратив?

— Начали в шесть, но мы немного опоздали. И вышли-то из дому только около семи.

— Понятно. А вы сказали Эбигейл, когда вернетесь?

— Сказали, что нас не будет где-то до полуночи, но вечеринка закончилась чуть раньше. Фирма у нас совсем небольшая. Все мои коллеги там были, но даже с супругами едва дюжина народу набралась. И мы решили не засиживаться.

Ханна вздохнула. В общем, дочка решила, что раньше полуночи родителей ждать не стоит, настояла на том, чтобы никто с ней не оставался, а родители вернулись гораздо раньше, чем обещали. Ее лучшая подруга тоже пропала, вместе со своими родителями. Ханну подмывало ответить, что Эбигейл с минуты на минуту войдет в дверь

и выяснится, что она просто ходила на какой-нибудь концерт, на который мама не разрешила ей пойти, или что-нибудь в этом духе.

— А где Рон? — спросила Ханна.

— Ездит по району, ищет ее, — ответила Наамит.

— Послушайте, — начала было Ханна, но вдруг на секунду примолкла. — Вы сказали, что телефон у нее выключен?

— Верно.

Если и была какая-то подробность, которая вызвала у Ханны смутное беспокойство, то это она и была.

— А Эбигейл иногда выключает телефон? — спросила она.

— Нет. Всегда посылает или читает эсэмэски, или разговаривает с кем-нибудь, или еще что. Эта штука постоянно вибрирует.

— И вы сказали, что у Грейси и ее родителей телефоны включены — просто не отвечают, я правильно поняла?

— Да. Но я не думаю, что она с ними. И Эбигейл не отправилась бы куда-нибудь на ночь глядя, не предупредив меня.

Еще как отправилась бы, но Ханна не видела причин это оспаривать.

— Хорошо, можете дать мне свежее фото дочери?

— Ну конечно. — И Наамит поспешила из комнаты.

Присев на краешек одного из диванов, Ханна припомнила саму себя в подростковом возрасте. Бунтовщицей тогда ее вряд ли можно было назвать, но даже она порой отличалась не лучшим поведением. Тырила мамины сигареты и втихаря курила их со своей подругой Тиной. Первый раз напилась в пятнадцать — вернулась домой в таком виде, что сразу же рухнула в кресло, едва войдя в дверь. Украдкой выскальзывала из дому посреди ночи, чтобы встретиться с Гэри Джонсом — первым мальчиком, с которым целовалась. Ханна даже улыбнулась, припомнив этот поцелуй, неловкий и конфузливый, — его рот открыт, ее губы крепко сжаты, оба не совсем хорошо понимают, что делают...

И где же в данный момент Эбигейл?

Вернувшись, Наамит сунула Ханне маленькую фотографию в рамке.

— Это с ее последнего дня рождения, — объяснила она.

Ханна посмотрела на робко улыбающуюся девчонку. Эбигейл была в том неуклюжем возрасте, когда различные части тела растут, не

договариваясь друг с другом. Ступни у нее были большие, руки длинные, но личико сохраняло детские черты, с щенячьим жирком на щечках. Золотисто-каштановые волосы опускались чуть ли не до самого копчика. По бокам от нее стояли Наамит и Рон, гордо ухмыляясь в объектив.

Ханна набрала центральную диспетчерскую со своего телефона. Ответ на звонок поступил практически мгновенно.

— Отдел полиции Гленмор-Парка, у телефона Кэндис.

— Кэндис? Это Ханна.

— О, привет, Ханна! — жизнерадостно отозвалась Кэндис. Всем сотрудникам отдела нравилось, когда она оказывалась за пультом — сообразительная, быстрая, славная.

— Послушай, у меня тут пропавший ребенок. Эбигейл Лисман, двенадцать лет, вышла из дома где-то между семью и девятью вечера, до сих пор не вернулась.

— Ладно, давай описание и адрес.

— Лаветта-уэй, двадцать три. Рост около пяти футов, европейская внешность, светло-каштановые волосы. С ней может быть еще одна девочка, примерно того же возраста, зовут Грейси... — Она бросила взгляд на Наамит.

— Дарем, — подсказала та.

— Дарем.

— Ладно, нет проблем, Ханна, сейчас передам патрульным.

— Спасибо. — Детектив отключилась. Оставалось надеяться на то, что кто-то из патрульных отыщет Эбигейл и привезет ее домой, предварительно напугав до усрачки. Чтобы неповадно было потом смываться вот так из дому. С детишками такое регулярно происходит. Ханна была озабочена, но особо не переживала.

— Поезжу немного по округе, — сказала она. — Может, и сама ее найду.

— Ладно, спасибо тебе огромное...

Но тут слова Наамит перебил телефонный звонок. Она бросилась к своей сумочке, порылась в ней и вытащила мобильник.

— Алло? Да? — Пару секунд послушала, глаза ее расширялись все шире. — Нет. Здесь ее тоже нет. Мы уже звонили в полицию, их сотрудница уже у нас. Мы никак не могли до вас дозвониться, Рон ездил к вам, и... — Она ненадолго примолкла, кивая, потом

встретилась взглядом с Ханной. — Нет, конечно. Я ей передам. Да, пожалуйста.

Наамит отложила телефон.

— Это Карен — мама Грейси, — объяснила она дрожащим голосом. — Они ходили на День святого Патрика. Грейси тоже пропала и до сих пор не отвечает на звонки. Ее родители уже едут сюда.

— Сейчас позвоню напарнику, — сказала Ханна, кивнув.

Вот теперь она действительно распереживалась.

Глава 2

Бернард Глэдвин всем сердцем любил своих детей. Больше ничего на свете его так не заботило. Тем не менее они отнюдь не стремились упростить ему жизнь. И их было слишком уж много.

Пока их было всего двое, он неплохо с ними управлялся. С двумя детишками много чего можно сделать. К примеру, можно рассказывать одному сказку, в то время как его жена Кармен играет со вторым. Один родитель против одного ребенка — честная игра.

Вообще-то это представлялось настолько посильной задачей, что они с Кармен решили: третий ребенок — это просто отличная мысль.

Дело в том, что Бернард не понимал, что трое — это уже слишком, только пока они не завели этого третьего, — а в тот момент уже не вернешь младенца в магазин, точно? Теперь, с тремя, он мог рассказывать одному сказку, в то время как его жена Кармен играла со вторым, а третья тем временем ставила дом на уши: втыкала вилки в электрические розетки, пыталась поджечь на себе одежду и выбрасывала игрушки брата в унитаз. Все это напоминало работу циркового жонглера, которую Бернард так пока и не освоил. И подозревал, что никогда и не освоит.

Теперь они с Кармен пытались разобраться с другой непростой ситуацией — сексом. Все-таки неплохо заниматься этим делом время от времени. Но у детей было другое мнение по этому вопросу, особенно у Рори, пребывающего в младенческом возрасте. Похоже, у младшенького резались зубки, хотя никаких наглядных свидетельств тому пока не наблюдалось. Рори не знал, как сказать: «У меня режутся зубки, пожалуйста, помогите!» — или еще хоть что-нибудь, раз уж на то пошло. Просто просыпался каждый час или два и истерически орал, напрочь отказываясь уgomониться. Кармен говорила, что дело просто в зубах. Но временами Бернард подумывал: уж не является ли этот младенец воплощением зла? Иногда он подмечал в глазках Рори злобный огонек — такой, который до сих пор видел лишь в глазах у психопатов.

Секс практически недоступен, когда знаешь, что в любой момент тебя прервет орущее дитя. Наверное, это был невольный рефлекс,

призванный сократить уровень конкуренции. «Никакого секса» означало «больше никаких мелких братьев и сестер». Бернарду хотелось сообщить Рори, что тому не о чем беспокоиться. Больше братьев и сестер у него не будет. Никогда. Не будет, пока от Бернарда в этом доме еще хоть что-то зависит.

Хотя нынешний вечер выглядел многообещающе. Рори проспал без просыпу целых *три часа подряд*, а Джина с Томом вроде как не намеревались что-нибудь отчебучить. Перед Бернардом забрезжил лучик надежды.

Они с Кармен сидели на диване перед телевизором. Он даже не вникал, что там показывают. Его жена привалилась к нему, забросив свои длинные ноги ему на колени. На ней были черные шорты для йоги в обтяжку, и между ним и экраном маячили изгибы ее бедер и попки, полностью затмевая смысл того, что творилось в телевизоре. Бернард бросил взгляд на ее лицо — она завороченно уставилась в экран, широко распахнув свои карие глаза и слегка раздвинув губы. На ней была одна из его собственных футболок; ее широкий ворот открывал ее золотисто-коричневую кожу, и изгиб одной из грудей так и манил к себе. Да, определенно было самое время. Но сначала требовалось привести ее в нужное настроение.

— Эй! — шепнул он. — Как насчет секса?

Кармен покосилась на него, ухмыльнувшись.

— А что, неплохая мысль.

Да, он настоящий мастер совращения!

Правда, не ему одному пришлось просидеть без секса почти две недели.

Он склонился над ней, одна рука его скользнула ей под футболку, другая стала ласкать щеку. Бернард нежно поцеловал ее, его пальцы нашли что-то, что можно пощекотать и стиснуть...

И тут зазвонил его телефон. Он бросил на него взгляд.

— Даже не думай! — прошипела Кармен.

Бернард на секунду замер, потом ухмыльнулся.

— Ну естественно, — отозвался он, проводя пальцем по ложбинке между ее плечом и шеей. — Я, по-твоему, с ума сошел?

Кто бы это ни был, вполне может подождать. У них сейчас дела поважнее.

Они позволили телефону трезвонить дальше. Бернад лизнул горло Кармен, она возбужденно задышала, ее спина выгнулась, их тела стали тереться друг о друга...

И тут послышался звук, которого так страшился Бернад, — Рори. Плачет. Телефон разбудил его, и ребенок вспомнил, что обязан и дальше рушить жизнь своего отца.

— Вот черт, — буркнула Кармен.

— Угу.

— Продолжение следует? — бросила она, выскользывая из-под него.

— А то, — отозвался он совершенно упавшим голосом.

Кармен на цыпочках поспешила в комнату Рори.

Бернард с ненавистью глянул на телефон. Эта штукавина до сих пор звонила. Он бросил взгляд на экран. «Ханна». Подобрал его, ответил:

— Хей.

— Привет, Бернад. Я тебя ни от чего не оторвала?

— А если даже и так? Ты что, повесишь трубку и оставишь меня в покое?

Пауза.

— Нет, — наконец ответила она. — Мне очень жаль.

— Не думаю... Так в чем дело, Ханна?

— У нас две пропавшие девочки. Двенадцати лет.

Он бросил взгляд на наручные часы. Начало двенадцатого.

— Когда они пропали?

— Где-то между семью и девятью. Есть причины для беспокойства, Бернад. Не думаю, что они просто засиделись в гостях.

— Угу, — отозвался он, уже направляясь в прихожую одеваться. — По-любому уже поздно. Они наверняка уже вернулись бы домой.

— Верно... И я знаю мать.

Вот блин!

— Где ты сейчас?

— У нее дома. У матери, в смысле.

— Ладно, — сказал Бернад, бросая виноватый взгляд на свою жену, которая вопросительно смотрела на него, держа на руках Рори. — Уже еду.

Ханна сидела в гостиной, Рон и Наамит устроились напротив нее. Правой рукой Рон обнимал жену, левой нервно теребя подол рубашки. Одет он был в белые брюки и белую же рубашку, с черными кружочками, прилепленными к одежде, — маскарадный костюм для Пурима. Видать, Рон изображал то ли пятнистую собаку, то ли корову — трудно было сказать. Ханна даже сомневалась, что он сейчас сможет это припомнить.

Наамит перестала плакать, что оказалось большим облегчением, но ее глаза были широко раскрыты и пусты, и Ханна отчетливо видела в них страх. Она просто не могла представить себе весь тот ужас, который сейчас испытывала эта женщина. Ханна и сама была очень озабочена, хорошо представляя себе возможные варианты развития событий, начавшихся хорошо и закончившихся не столь весело: бойфренд постарше, или две девчонки пошли прогуляться по охваченным праздником улицам и потерялись, — и мысленно молилась, чтобы это оказался как раз тот случай, хотя была хорошо знакома и с совсем другими исходами. Педофилы и извращенцы, хватающие детей и затаскивающие их в темные переулки... Пьяные водители, которые сбивают случайных прохожих и тут же уезжают прочь, оставив свои жертвы истекать кровью на асфальте... Дети, которые исчезают и никогда больше не объявляются, оставаясь в памяти лишь в виде лица в полицейской ориентировке: «Внимание! Пропал ребенок!»

И сегодня был День святого Патрика. Пиво и напитки покрепче лились рекой, а алкоголь всегда увеличивает уровень опасности и риска.

— Думаю, вам обоим стоит переодеться, — деликатно посоветовала Ханна, жалея, что сейчас с ней нет Бернарда. Он хорошо умел обращаться с людьми, буквально излучая ауру спокойствия и утешения.

Наамит и ее муж переглянулись — похоже, только сейчас осознав, что до сих пор облачены в маскарадные костюмы.

— Я... конечно, — произнес Рон — высокий худощавый мужчина со светло-каштановыми волосами, в круглых очках. Лицо у него было слегка вытянутое, словно у персонажа на экране телевизора с

неправильно выставленным соотношением сторон. Встав, он опять застыл на месте, обращаясь к супруге:

— Не хочешь первая?.. Или лучше я?..

Наамит наверняка нуждалась в том, чтобы муж взял бразды правления на себя, но было понятно, что это ему не по нутру. Он неуклюже пытался вызнать, что предпочитает она, вместо того чтобы быть самым сильным из супругов, который знает, что нужно делать дальше. Ханна понимала, что намерения у него самые добрые, но Рон пытался позволить своей жене быть сильной и самой всем командовать, тогда как было совершенно ясно, что сейчас ей больше всего хотелось опустить руки и полностью потерять контроль над собой.

— Давай иди, — отозвалась она пустым голосом. — Я после тебя.

Он вошел в их спальню, прикрыв за собой дверь.

— Может, мне следует самой поискать... — произнесла Наамит, уставившись в стену. — Я хочу сказать... Если она где-то потерялась и вдруг увидит мою машину...

— Вам лучше ждать здесь, — твердо сказала Ханна. — Она может в любой момент прийти домой. Или позвонить на домашний.

— Она никогда так не делает, — отсутствующе отозвалась Наамит. — Всегда звонит на мобильный.

— А можете вы мне показать... — начала было Ханна, но тут ее перебил стук в дверь.

Они одновременно встали. Наамит быстро подошла к двери и распахнула ее, словно ожидая увидеть стоящую на пороге Эбигейл. Но, разумеется, та не стала бы стучать.

— Тони. Карен. Заходите, пожалуйста. — Наамит отступила назад, взмахом руки приглашая их в дом. Все трое — с родителями Грейс был еще маленький мальчишка — нерешительно вошли. Тони был крупным мужчиной, лысым, с татуировкой в виде рыбы на шее. Его мягкое и встревоженное лицо не особо вязалось с этим образом крутого парня. Карен была стройной блондинкой с полными губами. Глаза у нее были припухшие и мокрые, и она постоянно шмыгала носом и вытирала их тыльной стороной руки.

— Это детектив Ханна Шор, — представила ее Наамит. — Она здесь, чтобы помочь нам.

— Вы что-нибудь знаете? — спросил Тони. Голос у него был низкий и жесткий, а в речи его проглядывал некий акцент, который Ханна так и не сумела окончательно распознать. — От кого-нибудь из них ничего не слышно?

— Пока нет, — отозвалась Ханна. — Но патрульным дано задание прочесать улицы.

— Зачем? — спросил он.

— На случай если они заблудились, — объяснила Ханна. — Или...

— Если они заблудились, то почему просто не позвонили? Почему Грейси не отвечает на звонки?

— Они могли просто потерять свои телефоны или оставить их где-нибудь, — сказала Ханна, после чего добавила: — Или их кто-нибудь украл. Мистер и миссис Дарем, у вас есть какие-то мысли, куда могла пойти Грейси?

— Нет, — ответила Карен ломким голосом. — Она ничего не сказала. Вообще-то она должна была присматривать за Донни.

Маленький мальчик поднял лицо, когда его мать произнесла эти слова, и Ханна внимательно посмотрела на него — бледного и тихого. Глаза у него были узкие — почти азиатские, похожие на отцовские, — и направлены они были только на Ханну.

— Донни, — произнесла она, присев перед ним на корточки. — Грейси не говорила тебе, куда собирается?

Он нерешительно кивнул.

— Что? Почему же ты нам ничего не сказал? — Голос у Тони стал стальным. — Куда она пошла? А ну-ка говори немедленно!

Донни съежился за спиной у матери.

— Тони! — рявкнула Карен. — Ты его пугаешь!

Ханна взяла в руку ладошку Донни. Та была холодная, как лед.

— Так куда, — сказала Грейси, — она собиралась, Донни?

— Она сказала, что собирается встретиться с ка-ким-то другом Эбби, — произнес мальчишка тоненьким голоском. — Она обещала, что это ненадолго. И велела мне звонить, если что-то будет не так. — Он едва сдерживал слезы. — И я ей звонил. Все звонил и звонил. Мне было страшно! Я хотел, чтобы она вернулась домой! Но она не отвечала на телефон! Она обещала, что будет отвечать на телефон!

Ханна встала, чувствуя дурноту. Если Грейси сказала, что будет отвечать на звонки, то тот факт, что она не выполнила обещание, был куда более тревожным. Детектив призадумалась на секунду, после чего произнесла:

— Простите, но мне нужно позвонить.

Ханна вышла через переднюю дверь. Снаружи было морозно, и она обхватила себя руками, чтобы сохранить тепло. Набрала номер капитана Бейли, очень надеясь, что разговор будет недолгим.

Ему понадобилась всего пара секунд, чтобы ответить.

— Привет, Ханна.

— Капитан, у меня тут случай с пропавшими детьми. Исчезли две двенадцатилетние девочки...

— Никто не ставил меня в известность о пропавших детях. Как вы получили вызов?

— Вот я сейчас и ставлю вас в известность, сэр. Мать одной из девочек — подруга моей матери. Их зовут Эбигейл Лисман и Грейси Дарем. Одна не отвечает на звонки, у другой звонок сразу уходит на автоответчик. Есть некоторые указания на то, что все серьезно.

— Какие указания?

— Эбигейл Лисман выключила мобильник, а ее мать говорит, что она никогда этого не делает. А Грейси не отвечает на свой телефон, хотя ее брат говорит, что она велела ему звонить, если что-то будет не так.

— Пока что не очень большие причины для беспокойства, — заметил Бейли. — Что-нибудь еще?

Ханна нерешительно замешкалась. Да, может, пока и рано бить тревогу, но у нее было нехорошее чувство.

— В основном моя интуиция, — наконец призналась она.

— Ладно, — произнес капитан, голос которого зазвучал серьезней. — Я позвоню Манкузо — ее обязательно следует известить. ФБР может отследить телефоны быстрее нас.

— Хотите, я сама ей позвоню, капитан? Чтобы не играть в испорченный телефон?

Короткая пауза.

— Да, так будет лучше. Повиси на трубочке, сейчас дам тебе ее номер.

— У меня уже есть, — сказала Ханна.

— Отлично. Держите меня в курсе, детектив. — Голос у него был натянутый. Пропажа ребенка любого заставит напрячься.

Ханна поискала номер Манкузо. На это у нее ушло несколько секунд — замерзшие пальцы плохо слушались, пока она водила ими по экрану. К тому моменту как Манкузо ответила, Ханна уже откровенно поеживалась.

— Алло? — Голос агента звучал хриловато, словно она только что проснулась.

— Агент Манкузо? Это детектив Ханна Шор из отдела полиции Гленмор-Парка. Мы с вами встречались, когда расследовали...

— Я вас помню. Что стряслось, детектив Шор?

Ханна повторила все то же самое, что только что изложила капитану.

— Понятно, — произнесла агент Манкузо. К облегчению Ханны, в ее голосе не звучало скептических ноток.

— Думаю, что нам понадобится помощь ФБР, — добавила Ханна. — Это явно не тот случай, когда две девчонки просто улизнули в гости.

— Хорошо, — сказала Манкузо. — Начнем с главного. Вы говорите, что одна из них не отвечает на звонки. Телефон точно включен?

— Насколько мне известно.

— Я попрошу телефонную компанию дать нам приблизительное местоположение.

Ханна заморгала.

— Вот так запросто?

— Да. Будем надеяться, что мобильный все еще при ней и что местоположение будет более-менее точным. Какой номер у девочки, у которой включен телефон?

— Минутку. — Ханна зашла в дом. — Какой номер у Грейси? — спросила она у Карен. Та дала ей номер, и Ханна продиктовала его агенту Манкузо.

— Хорошо, — отозвалась та. — Через пару минут перезвоню.

В трубке зазвучали короткие гудки. Ханна повернулась к родителям. Они сидели на диванах в гостиной. На столике стояли шесть дымящихся кружек. Наамит успела переодеться, отметила Ханна; теперь на ней были черные брюки и светло-голубая блузка.

— С кем это вы разговаривали? — спросил Тони.

— Со своим начальником и с ФБР, — ответила Ханна через секунду. Она не была уверена, успокоит или же, наоборот, встревожит родителей новость о привлечении к делу федералов.

Судя по всему, ответ был «и то, и другое». У Тони и Рона вроде немного отлегло от сердца, в то время как Наамит и Карен явно напряглись.

— Они помогают нам определить местонахождение телефона Грейси, — добавила Ханна, пытаясь подпустить в голос обнадеживающие нотки.

Тони кивнул.

— Хорошо.

— Я тут чаю сделал, — подал голос Рон, показывая на кружки.

Ханна отсутствующе кивнула. Чай ее никогда особо не вдохновлял. Ей сейчас требовался кофе. От чая просто захочется в туалет.

Опять послышался стук в дверь. На сей раз Ханна поспела к двери раньше Наамит. Вошел Берnard, окинув взглядом обе пары и маленького мальчика, которые все уставились на его высокую фигуру.

— Это детектив Берnard Глэдвин, — представила его Ханна. — Мой напарник.

Прежде чем все успели представиться в ответ, опять зазвонил телефон Ханна. Это была агент Манкузо.

— Итак, у меня есть местоположение.

— Где она?

— Ну, не знаю, как она, но телефон находится на углу Бейбл-лейн и Кимболл-уэй — в пределах шестисот футов туда-сюда.

* * *

Было уже четверть первого ночи — у патрульных Танессы Лонни и Сержио Бертини только началась рабочая смена. И они ожидали, что забот у них будет полон рот — День святого Патрика был всегда печально знаменит тем, что целое множество народу по всему городу под влиянием выпитого теряли контроль над собой. Конечно, это был праздничный вечер, полный радости и веселья, но ближе к ночи кому-

то приходилось разбираться с пьяными, которые устраивали драки или решали, что они уже достаточно протрезвели, чтобы сесть за руль. Танессу это далеко не вдохновляло.

— Послушай: все, что я хочу сказать, — это что тебе просто надо разок попробовать. Если не понравится, я не буду больше к тебе насчет этого приставать, — втолковывал ей Сержио, пока она медленно вела машину по Клейтон-роуд.

— Сержио, да не собираюсь я заниматься серфингом в марте! — отозвалась Танесса, у которой предложение напарника просто не укладывалось в голове. Вот уже третью смену подряд тот пытался приобщить ее к своему хобби, которое можно было назвать лишь заигрыванием с гипотермией. — Посмотри по сторонам! На прошлой неделе снег шел! Если хочешь помереть от пневмонии, флаг тебе в руки, но почему ты пытаешься и меня за собой утащить?

— А «мокрые» гидрокостюмы^[6] на что? Было бы о чем говорить!

— Так они же *мокрые*! Я ухитрюсь отморозить жопу всякий раз, вылезая из машины, а на мне куртка, два свитера и шарф — и все они абсолютно сухие. Ты хочешь, чтобы я напялила на себя мокрые штотки и прыгнула в ледяную воду? Ты просто псих.

— Да не почувствуешь ты холода!

— Может, *ты* и не почувствуешь. Твой мозг давно отмер — ты вообще ничего не почувствуешь. Послушай, забудь, я не собираюсь...

Эту увлекательную беседу прервало потрескивание рации.

— Четыре пятьдесят один, центральной.

— На связи, — отозвалась Танесса в микрофон на плече.

— Четыре пятьдесят один, вы нужны на углу Бейбл-лейн и Кимболл-уэй; нужно определить местонахождение пропавшего ребенка в этом районе.

— Принято, центральная, — сказала Танесса. — Это не насчет тех девчонок, за которыми нам велено присматривать?

— Четыре пятьдесят один, подтверждаю.

— И кто позволяет своим детям шататься по улицам посередь ночи? — пробурчал Сержио, когда Танесса повернула руль, разворачивая машину.

— Не думаю, что кто-то им это позволил, — отозвалась она. — В смысле... я и сама, бывало, смывалась из дома, когда была в их возрасте. Мои родители так ничего и не просекли.

— Это вопиющая нерадивость, вот что я тебе скажу! Люди должны присматривать за своими детьми.

— А ты сам и за попугаихой своей едва ли способен присматривать! — ответила Танесса, бросая взгляд на компашку молодых людей, с хохотом бредущую по улице — наверняка в очередной бар.

— Габриэла — очень сложное создание, понятно? У нее просто бывают капризы.

— Угу, у детей тоже бывают капризы.

Доехав до указанного адреса, они припарковали патрульный автомобиль возле черного «Доджа Чарджер» и двух белых «Шевроле». По соседству стояла группа людей, среди которых выделялась внушительная фигура Бернарда — высокого здоровяка было трудно не заметить. Он возвышался над большинством остальных на несколько дюймов. Танесса даже вздрогнула, осознав, что рядом с Бернардом стоит капитан Бейли. Тот не сводил взгляда с женщины, стоящей перед собравшимися, — агента ФБР Манкузо, с которой Танесса до сих пор пересекалась только раз, вскоре после того как ее едва не убил Джован Стоукс^[7].

Манкузо была женщиной эффектной, с властными манерами и острым взглядом — со светло-коричневой кожей, едва тронутой возрастом, черными волосами, подернутыми серебристой сединой, и пикантной родинкой возле губы, делающей ее лицо незабываемым. Она что-то говорила остальным мужчинам и женщинам, засунув руки в карманы куртки, когда Танесса и Сержио присоединились к ним. Агент замолчала на секунду, кивнула Танессе, после чего продолжила:

— Грейси Дарем и Эбигейл Лисман числятся пропавшими уже больше трех часов, так что есть все основания для беспокойства. Телефон Грейси проследили до этого района, с погрешностью в пределах шестисот футов. К счастью, он по-прежнему включен, и мы постоянно на него звоним. Если окажемся где-то близко, то услышим мелодию звонка.

Манкузо огляделась по сторонам.

— Здесь поблизости несколько многоквартирных и офисных зданий, так что нужно устроить подомовой обход. Этим займутся капитан Бейли, детектив Шор и детектив Глэдвин, при содействии агентов Фуллера и Мэннинга. Начните с бензоколонки, узнайте, не

видел ли кто что-нибудь. А все остальные, включая патрульного офицера Лонни и ее напарника, которые только что присоединились к нам, проверят улицы, переулки и детскую площадку. — Она показала на скопление простеньких аттракционов в двухстах футах от них. — Нам неизвестно, до сих пор ли телефон Грейси при ней и вместе ли девочки, так что не будем делать поспешных выводов... О'кей, приступим. Уже поздно, и я хочу вернуть девочек родителям не позднее чем через час.

Группа рассыпалась. Бейли, Ханна и Бернارد посмотрели в сторону Танессы и кивнули с мрачными лицами. Похоже, они были сильно встревожены. А если уж и столь опытные детективы чувствуют себя не в своей тарелке, то явно не без причины. Танесса страстно надеялась, что эта ее смена не закончится обнаружением мертвого тела двенадцатилетней девочки.

— Рада вас видеть, офицер^[8] Лонни, — произнесла агент Манкузо, зябко поджав плечи от холода. — Вроде... хорошо выглядите.

Последний раз они виделись через два дня после того как Танессу похитили и едва не убили. У нее тогда были проблемы со сном, и всю следующую неделю она почти ничего не ела — неудивительно, что агент Манкузо решила, что теперь она выглядит значительно лучше.

— Спасибо, — отозвалась Танесса. — Вы тоже.

— Ладно, — продолжила Манкузо. — Давайте найдем этих девочек. Я хочу, чтобы вы двое осмотрели детскую площадку. Мы займемся улицей.

Танесса кивнула и вместе с Сержио направилась в указанном направлении.

— Ты что, знаешь эту тетку? — спросил тот.

— Разок встречались, — бросила в ответ Танесса.

— На вид крутая, — заметил он.

— Думаю, что не только на вид.

Ночной холод становился все более неприятным. Он пролезал за воротники двух свитеров Танессы, сквозь подошвы ботинок и даже сквозь многочисленные слои одежды. Морозный воздух, попадая в легкие, расплзался по всему телу. Защищало нос и уши.

Она терпеть не могла мерзнуть. Вот что самое мерзкое в Гленмор-Парке, — холодные зимы. Интересно, думала Танесса, неужели эти

девчонки до сих пор на улице? Если так, то они могли замерзнуть до смерти.

Дойдя до детской площадки, окруженной низенькой металлической оградой, они продвигались вдоль нее, пока не дошли до небольшого проема, служившего входом. Грязную тропинку внутри усыпали десятки отпечатков ног. По обеим сторонам ее лежали небольшие холмики еще не успевшего растаять снега, тускло подсвеченные бледным светом уличного фонаря. Площадка оказалась довольно большой. Здесь был участок с каруселью, горкой и несколькими качелями, а глубже маячили баскетбольные щиты и темнел сплошной ряд деревьев.

— Ну и темнотища, — пробормотал Сержио, снимая с ремня фонарик и включая его. Танесса последовала его примеру. Но лучи ручных фонарей не особо справлялись с темнотой, когда они вошли за ограду. Танесса напряженно прислушивалась, ожидая услышать звонок или вибрацию мобильного, но пока слышала только их с Сержио шаги, хрустящие по гравию тропки.

Она и сама как-то потерялась в детстве. Когда ей было восемь, мать взяла Танессу и ее братьев на вечернюю прогулку. Танесса умчалась вперед, глядя на собственную тень, которая то удлинялась, то укорачивалась в свете уличных фонарей. И не заметила, как мать остановилась, чтобы поговорить с кем-то — очевидно, с кем-то из фанатов. Ее мать тогда была актрисой, и ее чуть ли не каждый день останавливали поклонники с просьбой дать автограф или сфотографироваться с ней. На улице было полно народу, когда Танесса вдруг осознала, что матери и братьев позади больше нет. Застыла на месте, высматривая их, страх наполнил сердце. Она была уже на грани слез, когда к ней подошел какой-то мужчина и спросил, всё ли в порядке. Она до сих пор помнила его запах — потный, кислый, неприятный. И зуб с черным пятном. Маленькая Танесса завизжала, отступила назад и разразилась слезами.

Митчелл и Ричард за какие-то секунды оказались рядом. Они были совсем неподалеку. Все они заорали на ошеломленного мужчину, который всего лишь хотел помочь. Танесса прорыдала после этого, казалось, несколько часов. Это была самая страшная вещь, когда-либо случавшаяся с ней в детстве.

Может, Грейси и Эбигейл сейчас тоже одни где-то на улице, плачут? Если так, почему они не отвечают на звонки?

— Они наверняка в какой-то квартире в этом районе, — предположил Сержио. — Может, зашли к кому-нибудь в гости...

— Угу, — отозвалась Танесса, но у нее было очень нехорошее чувство, что это не тот случай. Слишком уж поздно, девочки слишком уж маленькие, и тот факт, что они не отвечают на...

— Слышишь? — вдруг спросила она, замерев на месте.

— Что слышишь?

— Заткнись.

— Ты спросила меня...

— Да заткнись ты, блин, на секундочку!

Оба молча постояли, и Танесса услышала это опять. Едва различимую мелодию, далеко справа.

— Вон там, — сказала она, уже шагая по промерзшей земле с вдруг быстро забившимся сердцем. Луч ее фонарика хаотически метался во все стороны, выискивая источник звука, а потом замер на маленькой неподвижной кучке, темнеющей неподалеку. Танесса бросилась бегом, едва не поскользнувшись на ледяной тропе, и наконец подбежала к лежащему на земле телу. Присев на корточки, осторожно перевернула его, открывая лицо.

Это была девочка-подросток с высохшей кровью на лбу. Обмякшая, с бледной, почти синей кожей.

— Вызывай сюда «Скорую», быстро! — закричала Танесса на Сержио. Приложила руку к груди девочки, опустила ухо к ее рту. Телефон пиликал где-то поблизости, отчего Танессе было трудно сосредоточиться на дыхании ребенка, но наконец она услышала и почувствовала его — едва уловимое поверхностное дыхание.

Девочка была все еще жива.

Сняв перчатку, Танесса прикоснулась к ее щеке. Щека была просто ледяная. Она стащила с себя куртку, не обращая внимания на минусовую температуру, и укутала ею девочку, все время продолжая негромко с ней разговаривать.

— Все хорошо, зайчик. Мы тебя нашли. Держись. Открой глазки. Посмотри на меня. Держись, сейчас придет помощь.

Глава 3

— Сожалею, — произнес врач, — но я и вправду не могу вас впустить. Ребенок сильно истощен, и мы не хотим его беспокоить.

Макушка у него была лысая, с пучками седых волос по бокам, и Ханне хотелось ухватиться за них и трясти его до тех пор, пока он не сменит тон.

— Я не буду повторять этого еще раз, доктор, — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Но где-то там на улице еще одна девочка, и мы ее до сих пор не нашли. Ваша пациентка может знать, где ее подруга. Нам нужно опросить ее прямо сейчас.

— Ну... насколько я понимаю, ее нашли в парке, — произнес врач. — Вы уже обыскали парк?

Ханна была готова взорваться.

— Я знаю, как выполнять свою работу, спасибо. А теперь — дорогу!

Она решительно шагнула вперед, вынуждая его посторониться, и дернула двойную дверь. Та была заперта. За ней, сквозь маленькое окошко в двери, ей был виден коридор, по сторонам которого протянулись палаты, залитые резким люминесцентным светом. Медленно подошла медсестра, толкая больничную тележку. Ханна принялась колотить в окошко, издавая глухой стук.

— Откройте эту чертову дверь!

— Как я уже сказал...

Вышедшая из лифта агент Манкузо решительно направилась прямо к ним, уже показывая значок.

— Агент Манкузо, ФБР, — сказала она. — Нам нужно поговорить с Грейси Дарем прямо сейчас.

Врач заморгал.

— Как я уже сказал вашей коллеге, Грейси Дарем в данный момент...

— Это федеральное расследование. Жизнь другой девочки в опасности.

Доктор помедлил.

— Ну хорошо, — наконец произнес он. — Но только пять минут. Палата триста девять.

Подойдя к панели сбоку от двери, ввел четырехзначный код. Дверь со щелчком открылась.

— Столько, сколько понадобится, доктор, — поправила его агент Манкузо, распахивая дверь и проходя внутрь. Ханна поспешила вслед за ней.

— Удобная штука, этот ваш жетон, — заметила она.

— Да, у него и вправду есть свои преимущества.

Подойдя к палате Грейси Дарем, они открыли дверь. Бежевые стены, унылая обстановка... Грейси, белая как бумага, лежала на больничной койке, наполовину укрытая тонким одеялом; к руке ее сбегала трубка капельницы. На ней была зеленая больничная пижама. На тумбочке возле кровати стоял одинокий искусственный цветок — единственное украшение унылого интерьера. Рядом с девочкой на светло-коричневом стуле сидела ее мать, стиснув зубы и держа дочь за руку.

— Миссис Дарем, нам нужно задать вашей дочери несколько вопросов, — обратилась к ней агент Манкузо.

Женщина кивнула, шмыгнув носом.

— Конечно, — отозвалась она.

По ее глазам Ханна поняла, что Грейси уже что-то успела ей рассказать. Что-то, что оказалось для матери сильным ударом.

— Грейси, меня зовут Кристин, а это Ханна, — сказала агент. — Не возражаешь, если мы зададим тебе кое-какие вопросы?

Девочка закивала головой.

— Ты знаешь, где сейчас Эбигейл?

Грейси опять закивала.

— Какие-то люди ее захватили, — шепотом произнесла она. — Люди в черных масках.

Ханна почувствовала себя так, будто по затылку у нее сползает пчела. Эбигейл похитили!

— Пожалуйста, расскажи нам, как это случилось, — попросила агент Манкузо.

— Мы были на детской площадке, — прошептала девочка тонким, еле слышным голоском. — И уже собирались идти домой, когда появился какой-то человек. Человек... в черной маске. Мы побежали, а

он за нами погнался. Потом к нему присоединился еще один. Тоже в маске. Они схватили Эбби. А я убежала.

Она умолкла.

— А что произошло дальше? — Агент подалась вперед; ее поза указывала на то, что вот-вот последуют еще несколько вопросов. Ханна позволила ей вести беседу.

— Я не помню.

— Их точно было двое?

— Да.

— Можешь их описать?

Грейси помотала головой.

— А что на них было надето, помимо масок?

— Вроде что-то темное... Правда не помню.

— Ты видела, куда они потащили Эбби?

— Вроде там был фургон... Но я не видела, как они ее схватили, я убегала... Не знаю.

— Какого рода маски?

— Лыжные.

— Можешь описать тот фургон?

Грейси опять помотала головой.

— Он был белый? Синий? Красный?

— Пожалуйста, она больше ничего не знает! — взмолилась Карен Дарем. — Она всего лишь маленькая девочка.

Как и Эбигейл. И ту кто-то похитил. Ханна повернулась к Карен.

— Простите, миссис Дарем, но даже самая мельчайшая деталь может помочь нам найти Эбигейл. Мы вынуждены задавать эти вопросы, причем именно сейчас.

— Но...

— Что вы там с ней делали, Грейси? — спросила Ханна, не обращая внимания на почти обезумевшую Карен. — Что вы делали в парке?

Широко раскрыв глаза, с трясущейся нижней губой, Грейси посмотрела на свою мать.

— Тебе не грозят никакие неприятности, Грейси, — мягко произнесла Ханна. — Но нам нужен твой правдивый ответ. Это поможет найти твою подругу.

— Мы собирались встретиться с Ноэлем. — Грейси упорно смотрела в одеяло, голос ее звучал совсем робко. — Бойфрендом Эбби.

— А какая фамилия у этого Ноэля? — спросила агент Манкузо.

— Я не знаю.

— Где его можно найти?

— Не знаю... Понятия не имею, где он живет.

— И давно они с Эбби вместе?

— Две... три недели, наверное, — ответила Грейси. Ее вроде уже охватывала дремота. — Трудно сказать. В смысле... Это не то чтобы они по-настоящему встречались или еще чего.

— А как они познакомились? — спросила Ханна.

— Они общались в интернете, — ответила Грейси, опуская голову на белую подушку. — Довольно давно уже.

— Ты знаешь, как он выглядит?

— Да. Эбби показывала мне фотку, которую он прислал.

— Фотку? А до этого она с ним не встречалась?

Девочка ничего не ответила. Ее глаза были закрыты, и она глубоко дышала.

— Грейси, — произнесла Ханна, трясая ее за руку. — Грейси!

Та лишь жалобно заскулила.

— Оставьте ее в покое, — проворчала Карен, безропотная покорность которой напрочь испарилась.

— Грейси! — громко сказала Ханна. — Это очень важно! Она когда-нибудь встречалась с этим Ноэлем в реальной жизни?

— Нет, — выдохнула Грейси со все еще закрытыми глазами. — Сегодня они собирались встретиться первый раз.

— А он появился?

Девочка никак не отреагировала, но Ханна уже знала ответ. И поняла, что агент Манкузо тоже его знает.

* * *

Эбигейл поеживалась от холода. Она невольно обмочилась, когда грубые руки заталкивали ее в фургон; моча пропитала ее леггинсы. А теперь мокрая ткань леденяще холодила кожу, и ноги чесались там, где леггинсы прилипли к ней. Эбби попробовала потереть ноги друг о

друга, но стало только хуже, и она в отчаянии заскулила. Ей очень хотелось, чтобы можно было снять эти чертовы шмотки хотя бы на секундочку, но она не могла. Руки были связаны у нее за спиной.

Эбигейл ничего не видела — ее окружала полнейшая тьма. Когда они бросили ее сюда, она успела заметить, что это какая-то серая комната со стулом и маленьким матрасом, на который они ее свалили. А потом закрыли дверь, и она провалилась во тьму. Иногда ей казалось, что видны очертания стула, но она не была уверена, что это не обман зрения. В какой-то момент показалось, будто вокруг нее столпились десятки темных фигур, придвигающихся все ближе и ближе. Эбби хрипло взвизгнула в тряпку, которую затолкали ей в рот, а потом осознала, что все это ей просто почудилось. Никого с ней не было. Она была одна.

Эбигейл хотела увидеть свою маму. Хотела увидеть Грейси. Хотела, чтобы хоть кто-то оказался сейчас рядом с ней, чтобы сказал ей, что все будет хорошо. Дома она всегда спала с маленьким ночником. Эбби была уже не маленькая — не боялась всяких чудищ, — но свет придавал уверенности, успокаивал, когда она вдруг просыпалась посреди ночи. Ей отчаянно требовался маленький свет, хотя бы крошечный огонек.

Эбигейл кричала и умоляла сквозь тряпку, не зная, слышит ли ее кто-нибудь. Казалось, будто она вот-вот задохнется — слизь и слезы забила нос, тряпка перекрыла другой источник воздуха. Потом она сморкнулась посильней, и одна ноздря открылась. Эбигейл ощутила склизкое прикосновение собственных соплей к лицу и потерлась щекой о матрас, часть стерев, а часть размазав.

Ее родители найдут ее или найдет полиция. Во всех книжках, которые она читала, во всех телесериалах, которые смотрела, копы всегда находили преступников или дети ухитрялись сбежать.

Вот только разве...

Несколько месяцев назад, когда родителей не было дома, Эбигейл посмотрела один фильм по телику. Это было поздно вечером, и вообще-то ей не полагалось его смотреть. Он был из категории «восемнадцать плюс», а ей тогда только стукнуло двенадцать. Но фильм казался таким увлекательным, и она решила, что достаточно взрослая, чтобы решать самой. Ребята в классе вечно хвастались

просмотром фильмов ужасов или даже клипов для взрослых в интернете, и ей самой захотелось так же похвастаться.

В нем некий офицер полиции расследовал похищение семилетнего мальчика и где-то на середине фильма обнаружил его тело. В этот момент она поспешно выключила телевизор — не сумела досмотреть до конца. И потом три ночи не могла спать без того, чтобы несколько раз не проснуться с криком. Эбигейл не знала, чем там кончилось дело, но даже если преступников поймали... мальчик все равно был мертв.

Она расплакалась опять, уткнувшись лицом в матрас, пытаясь выдавить «Мамочка!» сквозь тряпку — слово вышло приглушенным до неузнаваемости, но она повторяла его вновь и вновь, словно мама могла сейчас услышать ее и прийти, как это бывало дома, когда Эбигейл звала ее. Словно мама сейчас обнимет ее, и взъерошит ей волосы, и скажет, что все будет хорошо.

И вдруг свет. Дверь была открыта, и кто-то стоял на пороге.

На нем была та же черная лыжная маска, что и в тот раз. Эбигейл заскулила, пытаясь забиться в угол кровати, когда он приблизился. Он убьет ее прямо сейчас, как убили того мальчика в фильме? У него было что-то в руках — какой-то черный комок. Эбигейл попыталась выдавить «пожалуйста!», но тряпка во рту по-прежнему проглатывала слова, и она закашлялась и затрясла головой.

— Я собираюсь вытащить кляп у тебя изо рта, — сказал мужчина. — И если ты хотя бы пикнешь, я сразу затолкаю его обратно, поняла?

Эбигейл закивала, широко раскрыв глаза.

Плавным спокойным движением он вынул из кармана ножницы. Как только их лезвия приблизились к лицу, Эбигейл быстро задышала через нос, не сводя глаз с сияющего металла.

Единственным щелчком он срезал тряпку, и ее рот опять стал свободен. Она открыла и закрыла его несколько раз, подвывая от облегчения.

— Ты дрожишь, — сказал мужчина. — Я принес тебе одеяло.

Он приподнял ком в руке. Это оно и было — свернутое одеяло.

— А не могли бы вы меня отпустить, ну пожалуйста! — умоляюще попросила Эбигейл.

— Если будешь хорошо себя вести, — произнес мужчина, — то в момент окажешься дома. Хорошо?

— Хорошо.

— Ну вот и отлично. Тебе не нужно в туалет или... — Тут он заметил мокрое пятно на ее леггинсах. — О-о...

Эбигейл закрыла глаза. Он теперь разозлится? Подумает, что она плохо себя вела? Она ведь так испугалась! Это вышло случайно! Но она не знала, что он может подумать.

— Потом принесу тебе чистые штаны, — сказал мужчина. — Давай-ка... Вставай.

Он помог ей встать на ноги. На матрасе осталось темное пятно там, где с ним соприкасались пропитанные мочой леггинсы. Мужчина перевернул матрас, так что промокшая сторона теперь оказалась внизу, на раме. Потом он развернул ее, и она услышала, как вновь щелкнули ножницы, и почувствовала, что ее руки свободны.

— Ну вот, — сказал мужчина. — Так будешь хорошо себя вести?

Она кивнула.

— Ну ладно. — Вытащив свой телефон, он посмотрел на нее. — Стой вот так, не двигайся.

Мужчина отступил на несколько шагов, и на ка-кой-то безумный момент Эбигейл подумала, не рвануть ли к выходу. Дверь у него за спиной была не заперта, он был слишком далеко, чтобы перехватить ее, и... и...

Она заставила себя стоять неподвижно. Этот мужчина в секунду ее перехватит. Он высокий, ноги длинные, тело мускулистое. А она всего лишь двенадцатилетняя девчонка. Если попытается сбежать, он опять ее свяжет. Опять заткнет рот кляпом. Оставит ее в темноте.

Сверкнула крошечная вспышка телефона, когда мужчина сделал снимок, потом другой. Перед глазами у Эбигейл заплясали яркие точки, и она несколько раз моргнула. В комнате словно потемнело. Он развернулся и двинулся к выходу из комнаты.

— А нельзя оставить свет, пожалуйста? — попросила она.

Мужчина на миг задумался.

— Пожалуйста... — прошептала Эбби, по щеке у нее сползла слезинка. Если эта комната вновь погрузится во тьму, она просто умрет.

Он коротко кивнул и вышел, закрыв за собой дверь. Щелкнул замок.

Стащив с себя мокрые леггинсы, Эбигейл улеглась на матрас, завернувшись в одеяло. Она все еще жива. У нее есть свет. И она не связана.

Эбби опять расплакалась — и так и не могла остановиться, пока, полностью истощив силы, не уснула.

* * *

В груди у Наамит словно колотил отбойный молоток. Пока больничный лифт медленно поднимался вверх, останавливаясь на каждом этаже, ей хотелось завизжать, вытолкать всех наружу, чтобы метнуться на площадку и отыскать лестницу.

Никто ей ничего не говорит.

Ханна не отвечала на звонки. Коп, который появился в доме Наамит, сказал, что Грейси уже нашли — только Грейси, но не Эбигейл, — и теперь везут в больницу. Пока что вроде та заявляет, будто не знает, что произошло.

Кто-то знал, где сейчас Эбигейл и что с ней случилось. Но никто не говорил об этом ни Рону, ни Наамит. Рон остался дома, ожидая возвращения Эбигейл, а Наамит поехала в больницу.

Наконец двери лифта открылись, и она тараном вырвалась из него, лихорадочно выискивая глазами кого-нибудь, кто мог бы знать, где палата Грейси. Грейси расскажет ей, что произошло. Грейси...

Тут ее взгляд упал на Ханну, выходящую из отделения первой помощи. Ее сопровождала агент ФБР. Наамит бросилась к ним.

— Ханна, — взмолилась она, почти задыхаясь. — Что случилось? Где Эбигейл? С ней все хорошо?

Детектив посмотрела на нее — зубы стиснуты, лицо бледное. Она не улыбнулась, не положила руку Наамит на плечо, не сделала ни одну из тех вещей, которые люди делают, когда пытаются успокоить кого-нибудь, дать понять, что волноваться не о чем.

— Пожалуйста! — Голос Наамит застрял у нее в горле. — Где Эбигейл?

Ханна взяла ее за руку, подвела к скамейке, стоящей возле стены. Обе сели.

— Эбигейл похитили, — негромко произнесла Ханна.

Всего два слова. Вот чего хватило, чтобы разбить весь мир Наамит на куски, чтобы поток страха и отчаяния вновь обжег все ее тело. Похитили. Ее девочка. В руках у... у...

— Кто... что?.. — запинаясь, выдавила она, пытаюсь сформулировать вопрос, который принес бы ей хоть какое-то утешение, пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь.

— Похоже, что это было профессионально исполненное похищение, спланированное заранее, — произнесла Ханна все так же негромко, глядя Наамит прямо в глаза. — А значит, это не был какой-то... — тут она вроде замешкалась, но сразу же уверенно продолжила: — ...какой-то случайный педофил, рыскающий по улицам и хватающий первых попавшихся детей.

Разум быстро прихлопнул образы, возникшие в голове при этой последней фразе, тут же напомнив, что они моментально вернуться обратно, как только она останется одна.

— Тогда кто?

— Мы пока не знаем, — сказала Ханна. — Но делаем все возможное. В ФБР создана группа, чтобы помочь нам в расследовании. Мы собираемся разослать ориентировку о пропаже ребенка.

Для спутанного разума Наамит, пытающегося осознать происходящее, слова Ханны окончательно потеряли всякий смысл. Ориентировка о пропаже ребенка... Сколько раз она видела на экране телевизора или в интернете детское личико и представляла себе, насколько напуганы сейчас родители? Потерять свое собственное дитя, захваченное каким-то злобным чужаком, намерения которого неизвестны... Не знать, увидят ли они когда-нибудь вновь улыбку своего ребенка... Теперь она и сама была этим родителем.

И, что еще хуже, этим ребенком была Эбигейл.

Эбигейл, которая иногда объявлялась у нее в спальне, потому что ей приснился страшный сон, и спрашивала, нельзя ли ей поспать в их постели. Которая как-то раз, когда Наамит на десять минут опоздала забрать ее из детского садика, рыдала так, что ее даже стошнило, — потому что была в полном ужасе от того, что мамочки все нет и нет. Ее похитил кто-то, кто держит ее в неволе, под замком, не понимающую,

что происходит. Наверняка она прямо сейчас плачет, отчаянно желая вернуться домой. Наамит чуть ли не наяву слышала всхлипывания дочери, и ее сердце разрывалось на миллион кусков.

— ...в ФБР хорошо умеют раскрывать такие дела, — говорила в этот момент Ханна. — Вы в надежных руках. Я лично знаю агента Манкузо, и...

— Нет! — Наамит схватила Ханну за руку, все крепче сжимая пальцы. — Пожалуйста. Ханна. Ты должна остаться и помочь. Они не знают Эбигейл. Они не знают меня. Пожалуйста, останься в этом... — «Деле»? Эбигейл теперь «дело»? — В этом деле. Ты просто невероятный детектив — твоя мама всегда так говорит. Ты сможешь вернуть мне мою девочку.

Ханна уставилась на Наамит. Туповато кивнула.

— Конечно, — произнесла она. — Мы все будем искать. Мы сделаем все возможное, чтобы вернуть Эбигейл, хорошо?

Вернуть Эбигейл. Это было то, что Наамит хотела услышать. То, что ей было нужно услышать. Что кто-то решительно настроен вернуть ей ее девочку.

— Спасибо, — шепнула она.

Встала, пошатываясь, и уставилась на дверь в отделение первой помощи. Грейси была там, с Карен. Карен вернули ее дочь. Наамит любила Грейси — та была чудесным ребенком, — но волна гнева и горечи захлестнула ее. Почему не могли похитить Грейси? Почему это не Карен стоит сейчас здесь, умоляя о помощи?

Наамит всегда лучше заботилась об Эбигейл, всегда старалась знать, где в тот или иной момент времени находится дочь, постоянно напоминала ей не доверять незнакомым людям. Карен и Тони как-то сказали Наамит, что детям нужно научиться самим о себе заботиться. Они разрешали Грейси одной ездить в общественном транспорте, позволяли ей иногда самой возвращаться домой из школы... Почему это не могла быть Грейси?

Наамит больше не могла сдерживать слезы. Она хотела, чтобы ее дитя вернулось.

Глава 4

Наамит открыла глаза солнечному свету, льющемуся из окна ее спальни. Рон лежал рядом, все еще спал. Они провалились в сон, обняв друг друга, — Наамит всхлипывала, а Рон гладил ее по волосам. Муж никогда на самом деле не отличался разговорчивостью, и он уже знал, что никакими словами не умерить страх и боль, которые они оба испытывали.

Наамит посмотрела на его лицо, такое бледное и усталое, на стиснутые даже во сне челюсти. Осторожно выпуталась из его объятий и встала. Сердце ее упало, когда она проверила телефон и не обнаружила ни одного нового сообщения, ни одного пропущенного звонка. Она надеялась увидеть сообщение от Ханны — что появилась какая-то ниточка, что ФБР раскрыло это дело, что они нашли похитителя. Даже сообщение, что они работают круглые сутки, тоже было бы утешением.

Было около семи утра. Проспала Наамит не больше полутора часов, но спать и дальше уже просто не могла. Поплелась в кухню, сварила себе чашку кофе. Прикинула, что бы съесть, но знала, что любая еда застрянет в горле.

Дали ли Эбигейл что-нибудь поесть? Ее дочь всегда была настолько привередлива в еде, что порой доводила Наамит буквально до белого каления. У Эбигейл «нормальной» едой считались только гамбургеры и хрустящие картофельные шарики. Будет ли похититель заморачиваться с тем, чтобы принести ей то, что она попросит? Станет ли вообще ее кормить? Наамит почувствовала, как опять возвращаются слезы, но больше не могла видеть собственных слез. Изгнала эти мысли из головы, заставив себя думать лишь о технической стороне приготовления кофе. Налить в кружку темную жидкость. Ложка без горки сахара. Чутьочку молока со сливками, совсем немного.

Она сидела в гостиной, потягивая из кружки, когда зазвонил ее телефон. Наамит кинулась к нему, глянула на экран, уже ощущая всеокрушающее разочарование. Это была всего лишь Вэлери, мать одной из подружек Эбигейл. Наамит звонила ей вчера вечером, чтобы

узнать, не у них ли дома Эбигейл. Та наверняка просто лишь хочет узнать, как дела.

— Алло? — ответила Наамит. Слабым, дрожащим голосом.

— Наамит, я так сочувствую! Просто не могу представить, что тебе пришлось вынести! Когда я увидела фото Эбигейл, то просто не могла поверить! Бедная девочка...

Наамит изо всех сил пыталась понять, о чем это толкует Вэлери. Откуда она узнала? Какое еще фото? И тут осознала, в чем дело.

Розыскная ориентировка! Естественно. Фото Эбигейл теперь повсюду.

Она тупо слушала, как Вэлери продолжает вещать в телефон — уверяет, насколько она сочувствует, как не может поверить, что такое произошло, спрашивает, не нужна ли Наамит и Рону какая-то помощь...

— Спасибо, что позвонили, — наконец произнесла Наамит. — Я вам очень благодарна.

— Пожалуйста, дайте нам знать, если будут какие-то подвижки.

— Конечно, — отозвалась Наамит и нажала на «отбой». Интересно, подумалось ей, неужели Вэлери и вправду считает, что она будет держать ее в курсе всех подвижек?.. Покачала головой. Вэлери просто пыталась найти какие-то правильные слова.

И что бы она сама сказала родителям, у которых похитили ребенка? На этот счет не существует каких-либо четких правил. И такого вроде как не должно происходить с людьми, которых ты хорошо знаешь.

Наамит уставилась на экран телефона, на котором застыли цифры: 7:13. Через несколько секунд они сменились на 7:14. Она по-прежнему не сводила с них глаз. После того, что показалось вечностью, — уже 7:15. Вот что теперь ей предстоит — просто таращиться на сменяющие друг друга цифры времени, пока ее дочь не вернется домой.

Телефон у нее в руке опять зазвонил. Номер она не узнала, но ответила сразу же. Сердце быстро забилося.

— А... алло?

— Миссис Лисман? Это агент Манкузо. Я вас не разбудила?

— Нет... нет. Я не спала.

— Очень хорошо. Я хотела сообщить вам, что ориентировка только что разослана по всем средствам массовой информации.

— Да, я уже знаю. Подруга позвонила.

Секунда тишины.

— Подруга? — переспросила Манкузо.

— Да, мама одной из... Во всяком случае, она сказала, что видела сообщение.

— Правда? Удивительно. Я полагала, что его только сейчас выпустили... Выходит, они сработали быстрее, чем я думала.

— Да. — Наамит нерешительно помедлила. — А нет каких-то других новостей?

— Пока нет.

— Ладно. Спасибо, что держите в курсе.

— Не за что... А она точно сказала, что видела объявление?

— Да, точно.

— Ладно. Спасибо, миссис Лисман. Будем оставаться на связи.

Наамит отложила телефон. Подумала, не позвонить ли Вэлери и не спросить, где та видела ориентировку, но была не силах в очередной раз выслушивать истерический монолог этой женщины.

Телефон зазвонил опять. Дебра. Еще одна знакомая. Наамит позволила телефону звонить, пока тот не умолк.

И почти сразу же опять звонок. Лайла на сей раз — ее дочь Тамми училась в одном классе с Эбигейл. Наамит хотелось швырнуть телефон в стенку, но таких звонков и приходилось ждать. Все они хотели помочь.

— Алло?

— Наамит, я так тебе сочувствую! Тамми была просто потрясена, когда увидела фото Эбигейл. Просто не могу поверить, что с ней сделали!

— Да, — пустым голосом отозвалась Наамит. — Это ужасно.

— Ты уже вызвала копов?

— Я... конечно. Вот потому-то и появилась ориентировка.

— О, выпустили ориентировку? Супер. Я слышала, что такие вещи отлично работают. Вот увидишь — они найдут Эбигейл, не успеешь и...

— Погоди-ка, — перебила Лайлу Наамит, крепко сжав телефон в руке. — Разве ты только что не сказала, что Тамми видела ориентировку?

— Нет, — ответила Лайла. — Она видела фото.

— Фото?.. — Наамит изо всех сил старалась уловить смысл. — Фото в ориентировке?

— Нет! Фото на страничке Эбигейл в «Инстаграме»^[9].

Наамит машинально нажала на «отбой» и дрожащими руками открыла «Инстаграм» на своем телефоне. Она была подписана не так уж на многих людей — вообще-то говоря, открывала приложение от силы раз-другой в неделю.

Ей не пришлось долго водить пальцем по экрану — это оказался самый верхний пост в ее ленте.

Фото лица Эбигейл в какой-то темной комнате. Глаза у дочери припухшие, губы кривятся, будто она вот-вот расплачется, все лицо в бледных и розовых пятнах. Фото было размещено через аккаунт Эбигейл.

Подпись внизу гласила: «Если хотите когда-либо увидеть Эбигейл живой и здоровой, лучше начинайте готовить выкуп. 3 миллиона долларов. Мы будем на связи. #ЭбигейлУНас».

Наамит вскрикнула так, что разбудила Рона.

* * *

В отделе полиции Гленмор-Парка Ханна проработала уже больше восьми лет. И быстро ощутила изменение атмосферы в отделе. Порывистость, с которой люди перемещались с места на место, напряженные лица, неулыбчивое лицо офицера Маклур за стойкой в дежурке...

— Детектив, — обратился он к ней, когда она проходила через вестибюль отдела, — в конференц-зале номер два организован штаб расследования. Капитан Бейли просил вас к ним присоединиться, как только вы появитесь.

Кивнув, Ханна быстро направилась на второй этаж. Конференц-зал номер два, расположенный напротив кабинета оперативников, гудел как растревоженный улей. Агент Манкузо и капитан Бейли уже были там, что-то обсуждая над развернутой перед ними крупномасштабной картой Гленмор-Парка. За столом расположились несколько не знакомых ей людей, перед каждым стоял раскрытый лэптоп. Кто-то из техников протягивал провода, пытаясь собрать в

одно целое какую-то сложную цифровую систему, состоящую из черных ящиков, клавиатур и огромного экрана. Ханна предположила, что это фэбээровский эквивалент белой доски, на которую в ходе расследования вывешиваются материалы по делу.

— Детектив Шор... — Капитан Бейли поманил к себе Ханну, и она подошла. Манкузо передала ей свой телефон. Ханна недоуменно глянула на экран — и сразу ощутила противный холодок, как только осознала, что смотрит на фото Эбигейл Лисман.

— Это размещено на аккаунте Эбигейл Лисман в «Инстаграме» этой ночью, — объяснила Манкузо. — Не с ее телефона, так что мы полагаем, что похитители получили от нее пароль и запостили это с одноразового мобильного. В данный момент мы не можем отследить этот телефон, поскольку он уже не в сети, но сейчас пытаемся приблизительно вычислить место, с которого похитители могли разместить этот пост.

— Три миллиона долларов? — изумилась Ханна. — Сомневаюсь, что у Лисманов есть такие деньги.

— Нет у них таких денег, — коротко отозвалась Манкузо. — Мы до сих пор не знаем, не ошибка ли это, или же попытка просто сбить нас со следа. Фото размещено в тринадцать ночи. Мы исходим из предположения, что Эбигейл до сих пор жива — фото было снято совсем незадолго до этого.

Ханна кивнула.

— Сейчас мы начинаем собирать все записи с камер наблюдения в районе парка и посадили людей анализировать их — пытаемся определить, в какую сторону уехал тот фургон и какой у него номерной знак. Мы уже провели подомовые и поквартирные обходы в пяти-сотфутовом радиусе от места похищения, и пока что ни одного свидетеля. Также сейчас получаем ордер на биллинг мобильных телефонов в этом районе.

— А ориентировка? — спросила Ханна.

— Распространена по всем каналам. Все аэропорты и пограничные переходы тоже оповещены.

— А удастся отследить любые будущие посты на этой странице в «Инстаграме»?

— Да, — Манкузо кивнула.

Ханна посмотрела на большую карту на столе.

— Вы сосредоточили внимание на Гленмор-Парке? — спросила она. — Похитители давно уже могут быть в Бостоне.

— Или в Техасе, — добавила Манкузо. — Мы отрабатываем все возможные направления. Но наш самый лучший вариант — собрать все, что возможно, именно в Гленмор-Парке. Очень похоже, что похитители были знакомы с девочкой. Мы полагаем, что они либо живут здесь, либо работают. Если нам удастся найти свидетельства, которые укажут куда-то еще, то мы двинемся туда, куда поведут нас зацепки. Через Гленмор-Парк проходят две большие автомагистрали, по которым с наибольшей вероятностью эти люди могли уехать. На обеих есть дорожные камеры. Сейчас анализируем поступающую информацию, собираем номерные знаки, пытаемся определить, покинули ли они город после похищения...

— Ясно, — сказала Ханна.

— И пытаемся вычислить этого так называемого Ноэля, на встречу с которым пришли Эбигейл и Грейси, — добавила Манкузо. — Мы полагаем, что такого человека не существует, но хотим в этом окончательно убедиться. Может, получится найти компьютер или телефон, который использовался от его имени.

— ФБР и городской отдел полиции работают вместе, — сказал Бейли. — В настоящий момент мы придаем федеральных агентов местным патрулям и детективам, чтобы закрыть это дело как можно быстрее.

— Придаете для чего? — спросила Ханна.

— Собирать показания, записи с камер наблюдения, проверять зацепки, — перечислила Манкузо. — К вам мы прикрепили агента Уарда.

Ханна огляделась по сторонам.

— А кто...

— Он еще едет из Бостона, — перебила Манкузо. — А пока нам нужно, чтобы вы занялись кое-чем еще. Наамит Лисман вышла на меня и попросила, чтобы вы держали ее в курсе касательно подвижек по делу.

— Так ведь нет пока никаких подвижек, — заметила Ханна.

— Подвижки всегда есть, — отозвался Бейли, раздраженно нахмурившись. — Нам нужно, чтобы Наамит была готова к сотрудничеству. На случай если похититель опять выйдет с ней на

связь. Когда это произойдет, будет лучше, если она сразу оповестит нас. Пожалуйста, поезжай-ка туда и утешь ее — скажи, что мы делаем все возможное.

— Ладно, — сказала Ханна. — А потом что?

— Если это профессиональное похищение с целью получения выкупа, то у нас есть какое-то время, — сказала Манкузо. — Эбигейл наверняка пока что ничего не грозит. Но если это требование выкупа лишь для отвода глаз, то нам надо действовать гораздо быстрее. Нужно проверить всех осужденных за половые преступления в Гленмор-Парке, посмотреть, не проделал ли это кто-то из них. Вот вы с Уардом этим завтра и займетесь.

— Думаете, это может быть кто-то из осужденных за такие преступления? — переспросила Ханна. — Грейси сказала, что видела двоих мужчин. Я не знаю никого из этой публики в наших краях, кто работал бы в паре.

— Согласен, — кивнул Бейли. — Но нам нельзя рисковать. Если Эбигейл похитил какой-то педофил, то неизвестно, сколько он продержит ее живой.

Глава 5

Ханна встретила с Наамит и Роном, чтобы в подробностях посвятить их во все усилия, предпринимаемые ФБР и полицией. Ее описания всего проделанного, похоже, пропали втуне — неуслышанными и бесполезными, словно их всосало в какую-то глубокую пустую воронку посреди гостиной. Наамит уставилась на нее пустым взглядом, затерявшись в собственных темных мыслях. Рон постоянно бросал тревожные взгляды то на супругу, то на Ханну; его глаза так и заклинали ее сказать хоть что-нибудь, что улучшит ситуацию, что даст им какой-то реальный осколок надежды. Но Ханне было нечего им предложить.

— У нас нет трех миллионов долларов, — вдруг произнесла Наамит.

— Знаю, — отозвалась Ханна.

— Если мы даже продадим этот дом, залезем в фонд Эбигейл на колледж, возьмем очень большой кредит, то может, и наберем... где-то с полмиллиона долларов.

Ханна кивнула, не зная, что сказать.

— Думаешь, они согласятся? — спросила Наамит. — Когда поймут, что у нас нет таких денег? Может, мы можем это как-то доказать, послав им выписку с нашего банковского счета? Ханна, нам никак не найти три миллиона долларов!

— Я знаю это, Наамит. Мы с этим разберемся.

— Почему они требуют такую огромную сумму? Ты сказала, что они профессионалы. Разве они не понимают, что...

— Мы этого пока не знаем, — сказала Ханна.

Комната погрузилась в молчание. И тут зазвонил телефон Ханны. Она быстро ответила:

— Алло?

— Детектив Шор? Это агент Уард. Я на улице. Напротив... — секунда тишины, — дома двадцать три по Лаветта-уэй. Это тот адрес?

— Да, — ответила Ханна. — Ждите там. Через минуту буду.

— Какие-то подвижки? — спросила Наамит, когда Ханна убирала телефон в сумку.

Детектив покачала головой.

— Просто надо проверить кое-какие зацепки, — сказала она.

— Какие зацепки?

— Нам нужно опросить... кое-каких криминальных элементов в этом районе. Кто-то из них может быть связан с похищением.

— А-а, — только и сказала Наамит. Это ее явно не успокоило.

— Как только будут какие-то новости, сразу дам вам знать.

Пара вроде как едва услышала ее слова. Ханна вышла, ощутив облегчение от возможности наконец-то оказаться на улице. Ее глаза, уставшие от недостатка сна, невольно прищурились, когда в них ударил яркий солнечный свет. Полуослепшая, она порылась в сумке в поисках солнечных очков. Надела их, и мир сразу окрасился в расслабляющий коричневатый оттенок. Неподалеку у тротуара стоял зеленый «Шеви» с работающим мотором. Подойдя к машине, она постучала в стекло пассажирской двери. Стекло опустилось, и водитель улыбнулся ей — сияющей, безупречной улыбкой.

— Детектив Шор?

— Она самая. А вы — агент Уард?

— Да, это я. Залезайте.

Распахнув пассажирскую дверцу, она забралась в машину. Там было чисто, пахло сосновым автомобильным освежителем. Ханна сразу представила себе свою собственную тачку: пустые пластиковые бутылки от воды на полу, маленькое мусорное ведерко, переполненное использованными бумажными платками и обертками от шоколадных батончиков... Она была рада, что сейчас им предстоит ездить на машине Уарда.

— Можете называть меня Ханна, — сказала она.

Уард опять улыбнулся ей. Он был чисто выбрит, кожа тепло-коричневая, волосы черные, коротко стриженные. Широкие плечи, и он вроде был довольно высокого роста, хотя трудно было понять, поскольку ее временный напарник сидел за рулем.

— Годится, — отозвался он. — Привет, Ханна!

Выждав момент, она спросила:

— И я только что вроде как назвала вас агентом...

— Ну, друзья называют меня Эйджи^[10], — сказал он, после чего разразился смехом. — Вообще-то меня зовут Клинт.

— Рада познакомиться, Клинт, — ухмыльнулась Ханна. Приятно было видеть хотя бы кого-то в хорошем настроении после трудного часа с Наамит и Роном. — Итак... пообщаемся с кое-какими извращенцами? С кого начнем?

Протянув длинную руку на заднее сиденье, агент Уард достал оттуда черный плоский чемоданчик и уложил себе на колени. Открыв его, порылся внутри и вытащил светло-коричневую папку.

— Думаю, что начнем с некоего... Лайонела Коула?

— А не больше ли смысла начать с осужденных по более тяжким статьям? — спросила Ханна. — Лично я бы...

— Лайонел Коул был осужден по трем эпизодам развратных действий, совершенных с особым цинизмом в отношении детей от девяти до пятнадцати лет, — произнес Клинт, нахмурившись. — По мне так достаточно серьезно. И нашей потерпевшей двенадцать полных лет, что укладывается в эту возрастную категорию.

— Лайонел Коул был осужден по трем эпизодам развратных действий в отношении детей, потому что окружной прокурор хотел сделать из него пример, — нетерпеливо произнесла Ханна. — Дети в данном случае не были *потерпевшими* — они просто при этом присутствовали. Он не метил в детей. И вообще ни в кого не метил, раз уж на то пошло. Он просто...

— Можем обсудить это по дороге, — отозвался Клинт, закрывая папку и засовывая ее обратно в чемоданчик. — Я уже сделал выборку, но буду только рад услышать и ваше мнение. Давайте все-таки начнем с мистера Коула.

Ханна посмотрела на него, чувствуя, как густо краснеет.

— Да ради бога, — отозвалась она стальным голосом. — Ну что ж, давайте пообщаемся с этим особо опасным сексуальным хищником.

* * *

Всю дорогу до дома Лайонела Ханна хранила ледяное молчание. Агент Уард вроде как ничуть против этого не возражал. Парнем он оказался разговорчивым и успел в подробностях поведать ей, как некогда выслеживал серийного насильника в Уорчестере. Ханна отстраненно слушала. Эта история, похоже, была хорошо

отрепетирована. Она подозревала, что агент Уард рассказывал ее уже десятки раз, дабы произвести впечатление на своих друзей и на дам, к которым подбивал клинья.

На нее этот рассказ впечатления не произвел.

Наконец они остановились перед домом Лайонела. Находился тот в бедном районе, и большинство домов здесь были простыми на вид, а участки в лучшем случае обнесены прогнившим штакетником или оградами из обвисшей стальной сетки. Дом же Лайонела окружала шестифутовая каменная стена, отчего он сразу выделялся среди прочих. Эта стена практически закрывала вид на дом с улицы.

Ханна слышала, что вся улица скинулась, дабы ее возвести.

Выйдя из машины, Клинт уставился на это капитальное сооружение.

— А это точно его дом? — спросил он.

— Да.

— Ни фига себе заборчик...

— Думаю, он предпочитает приватность, — сказала Ханна, прекрасно зная, что все совсем наоборот. Это *соседи* хотели обеспечить Лайонелу уединение. Самому же хозяину дома было на приватность совершенно начхать, и вообще-то он наверняка злился на эту стену.

— Ладно, пошли поговорим с ним.

— Ну конечно, хотя... Один важный момент — не спугните его.

— Простите? — Клинт в полном недоумении уставился на нее.

— Он становится непредсказуемым, когда его пугают. Может удрать.

— Ладно... — Клинт поднял брови. — Хотя не совсем пойму, о чем это вы... В этом доме живет человек, обвиняемый в половых преступлениях. Он может что-то знать о пропавшей девочке. И вы хотите, чтобы я... что? Был с ним любезен? Не задел его чувства?

— Нет, но нам совсем ни к чему, чтобы он смылся, поскольку...

— Детектив, нам нужны ответы! И я не собираюсь тут разводить сопли в сахаре только ради того, чтобы поберечь чью-то тонкую душевную конституцию.

Ханна ухмыльнулась.

— Вы полностью правы, — сказала она. — Берите бразды на себя.

Клинт подошел к калитке — такой же высокой, как и стена. Подергал ручку, и деревянная створка сразу открылась.

— Кой толк от этой здоровенной стены, если не запирается? — пробурчал он.

Ханна лишь пожала плечами.

Двор был пуст — только затвердевшая от мороза земля и несколько бетонных плиток, ведущих к входной двери. У дома были необычно большие окна, и Ханна заметила за одним из них какое-то движение. Лайонел явно был дома.

Уард постучал в дверь. Через миг она распахнулась.

Ханна прекрасно знала, чего ожидать, и теперь с удовольствием наблюдала, как глаза у Клинта широко раскрылись и отвалилась челюсть. В двери стоял худой мужичонка средних лет с длинными всклокоченными седыми волосами и неухоженной бородой. Он был совершенно голый, и его пенис дрябло болтался между ног, когда он посмотрел на агента и Ханну. Лайонел даже не сделал попытки хоть как-то прикрыться.

— И че? — поинтересовался он.

Ханна секунду выждала. А когда поняла, что агент по-прежнему не знает, что делать, обратилась к хозяину дома:

— Лайонел, я детектив Шор. А это агент Уард из ФБР.

— Насчет чего?

— Не могли бы вы сообщить нам, где находились вчера в восемь и десять часов вечера?

— Зачем?

— Потому что нам нужно знать.

— И че?

Клинт вроде как очнулся от долгого оцепенения.

— Мы расследуем исчезновение маленькой девочки, — ответил он, уже резко и рассерженно.

Вздыхнув, Ханна позволила ему продолжать.

— И че? — повторил Лайонел.

— А то: где вы были вчера вечером?

— Здесь.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Нет.

Агент повысил голос.

— Мистер Коул, вчера вечером из парка неподалеку пропала девочка. Вам об этом что-нибудь известно? Может, вы увидели ее и решили, что ей хочется немного поразвлечься? Может, схватили ее и...

— Не видел я никаких девочек...

— Вам ведь нравятся маленькие девочки, так ведь, Лайонел? Вам нравится думать про них, гладить их...

Развернувшись, Лайонел бросился внутрь дома. Ханна уже устремилась к задней двери, прекрасно понимая, что не успеет туда вовремя. Бегала она быстро, но не настолько же.

Он вырвался из задней двери — болтающийся пенис шлепал его по ногам на бегу — и метнулся прямо к стене, окружающей участок. Рассчитывал перепрыгнуть? Прыжок был бы не из простых, особенно для...

Подскочив к внушительной оgrade, Лайонел подпрыгнул, уцепился за край и подтянулся наверх, словно какой-то голый полоумный Питер Пэн^[11]. Ханна ухватила его за ноги, но они оказались невероятно сильными. Пару раз лягнув ее, он был таков.

— Где? Где? — услышала она вопль Клинта. Тот стоял у задней двери, с видом удивленным и сконфуженным.

— За стеной! — резко бросила ему в ответ Ханна.

Отступив на несколько шагов, она разбежалась и подскочила в воздух — сила инерции забросила ее на верх стены. Перевалилась через нее и спрыгнула на противоположной стороне, смягчив удар согнутыми коленями. Оглядевшись по сторонам, увидела вдалеке бледные ягодицы Лайонела, с невиданной прытью улепетывающего по Фэлкон-драйв.

Клинт, спрыгнувший рядом с ней, лихорадочно вертел головой.

— Вон он! — выкрикнул он, устремляясь вслед за Лайонелом.

Ханна лишь покачала головой. Вот же придурок... Старательный придурок, но все равно придурок. Ему в жизни не догнать Лайонела, хотя надо отдать Клинту должное — бегуном он оказался неплохим.

Сама же она побежала в сторону Кардинал-драйв. Обе улицы пересекались, и кратчайший путь к перекрестку был как раз по Кардинал-драйв. Оставалось надеяться, что удастся перехватить Лайонела там. Хотя, если честно, настроена она была скептически.

Лайонел Коул пользовался сомнительной славой самого быстрого голого бегуна во всех Соединенных Штатах. Его главным хобби был

бег в голом виде, и как раз по этой причине в его криминальном досье фигурировало так много приводов за непристойное поведение в общественных местах и развратные действия в отношении несовершеннолетних. Дети, перед которыми он предстал в таком виде, попросту оказывались у него на пути во время его пробежек. Но общественность была глубоко возмущена, поскольку детям не полагается любоваться на пенис, болтающийся между ног бегуна на скорости двадцать миль в час. После нескольких обвинений в развратных действиях Лайонел присел в тюрьму на девять месяцев.

И теперь он занимался все тем же самым, преследуемый агентом ФБР и детективом местного отдела полиции.

* * *

Марта Фицуильям медленно вела машину, затерявшись в собственных мыслях и приглядываясь к дороге сквозь очки с толстыми стеклами. Артрит опять давал о себе знать, и она старалась не обращать внимания на боль в пальцах, вцепившихся в рулевое колесо.

Ехала она в свой книжный клуб и все пыталась придумать, что бы там такого сказать. Ее приятельница Эдит выбрала для чтения в этом месяце книгу «Сто лет одиночества»^[12], и Марте этот выбор пришлось решительно не по вкусу. Все остальные в клубе предпочитали дамские романы или старомодные детективы, и Марта знала, что Эдит выбрала это произведение исключительно из желания продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство.

Сама она даже не одолела его до конца. Это был крайне экстравагантный роман, полный странных, необъяснимых событий. Когда одна из героинь, Ремедиос, вдруг ни с того ни с сего вознеслась душой и телом на небеса, Марта раздраженно захлопнула книгу и не стала заморачиваться с выяснением того, чем там дело кончилось.

Но, что хуже всего, за месяц до этого у Эдит хватило наглости подорвать обсуждение собственного выбора Марты — романа «Проект „Рози“»^[13]. Вот та книга действительно доставила ей удовольствие — смешная, пленяющая и по всем статьям замечательная, просто мед на сердце! Марта всю неделю предвкушала эту встречу в клубе, не в

силах дожидаться возможности поговорить о своих любимых эпизодах этой чудесной книги. Но буквально через пять минут после начала этого обсуждения Эдит вдруг обмолвилась о каком-то происшествии, случившемся с ней в ходе покупки столовой скатерти, и книга была моментально забыта.

И вот теперь Марте хоть тресни надо было придумать, что бы такое сказать про эти «Сто лет полной скучищи». Упомянуть лишь про первые тридцать или сорок страниц книги было не с руки, поскольку Эдит моментально просекла бы, что она ее не дочитала. Но по ходу чтения книга становилась все «страньше и страньше», и пока единственным глубокомысленным замечанием, которое приходило ей в голову, было «ну, это весьма своеобразное произведение».

Тут ее внимание привлекло какое-то движение на улице впереди. Это был мужчина, бегущий вдоль по улице и одетый в какой-то странный бежевый спортивный костюм. Бежал он очень быстро, и Марта ударила по тормозам, опасаясь, что он может внезапно выпрыгнуть под машину. Он вроде как состязался с другим мужчиной, одетым куда более формально. Марта замороженно наблюдала за ними, пока они приближались к ее машине. С костюмом бежавшего впереди было определено что-то не то.

Это оказался не костюм. Бегун был голый.

— О боже, — пролепетала Марта, ни к кому конкретно не обращаясь. Присмотрелась сквозь очки, просто чтоб окончательно убедиться, но нет, все верно: мужчина и впрямь был совершенно голый.

За всю свою жизнь Марта видела лишь троих голых взрослых мужчин: своего супруга Джорджа, своего сына (она случайно натолкнулась на него в ванной, когда он вылезал из-под душа), и еще раз, в одном крайне новаторском балете, когда танцовщик вдруг полностью разоблачился прямо посреди своей партии. И вот теперь, точно как тогда на балете, кровь бросилась ей в голову, и она ощутила легкое головокружение. Подумала, не отвести ли взгляд, но тело словно отказывалось реагировать помимо ее воли.

Добежав до ее машины, голый остановился. Рассмеялся — радостным, беззаботным смехом, — три раз подпрыгнул на месте, причем член двигался вместе с ним, подскакивая вверх, когда он падал вниз, и опадая, когда он взлетал вверх. Потом бегун подпрыгнул еще

выше, и его босые пятки шлепнулись на капот машины. Теперь ей были видны только его ноги и кончик пениса, оказавшийся возмутительно близко к ее лицу. Мужчина еще раз подпрыгнул — его пятки на сей раз шлепнули об асфальт на противоположной стороне машины — и помчался дальше.

— ФБР! Стой! — заорал его преследователь, устремляясь за ним. Он уже явно совсем выдохся, лицо его было перекошено от злости. Обежав ее автомобиль, мужчина продолжил гнаться за голым.

Марта бросила взгляд в зеркало заднего вида. Ей по-прежнему была видна бледная задница непонятого бегуна, улепетывающего прочь и все больше и больше отрывающегося от агента ФБР.

— О боже, — выдохнула она опять.

Посидела совершенно неподвижно минуту-другую, а потом опять тронулась с места, чувствуя себя как во сне. Губы ее изогнулись в едва заметной улыбке.

Теперь ей будет что рассказать, когда все начнут обсуждать эти несчастные «Сто лет одиночества»!

* * *

Ханна бежала со всех ног, ругая себя за то, что поехала с Клинтом, а не взяла свою собственную машину. Преследовать Лайонела на своих двоих было задачей, заранее обреченной на провал. Уард должен был включить мозги и запрыгнуть в свою машину, но опять-таки — откуда ему было знать, что Лайонел такой резвый бегун? Разумеется, если б он только *послушал*, что ему говорят...

Добежав до перекрестка с Фэлкон-драйв, Ханна с удивлением обнаружила, что до Лайонела еще ярдов пятьдесят. Что-то, видно, его задержало — он оказался не таким быстрым, как обычно. Теперь у нее появился шанс. Оставалось только все правильно рассчитать. Она вся подобралась — в крови забушевал адреналин, глаза остановились на цели, которая становилась все ближе и ближе. На бегу Лайонел постоянно оборачивался за спину, с широкой и несколько безумной ухмылкой на лице. Ну, еще чуть-чуть... еще немножко...

Ханна скакнула вперед, надеясь, что правильно рассчитала дистанцию. Лайонел повернул голову, заметил ее — но он бежал

слишком быстро, и она оказалась прямо у него на пути. Он попробовал вильнуть в сторону, чтобы обойти ее, но было уже слишком поздно. Ханна врезалась в него, и они единой кучей повалились на землю.

Пока она вытаскивала наручники и грубо заламывала ему руки за спину, Лайонел осыпал ее проклятиями. Клинт подбежал как раз в тот момент, когда щелкнули стальные браслеты. Глаза у агента были выпучены, и дышал он, как заядлый курильщик.

— Что... за... черт... — выпалил он, хватая воздух ртом.

— Лайонел, вы ведь жопу себе отморозите, если будете бегать голышом в такую погоду, — спокойно произнесла Ханна, помогая тому подняться.

— Пустите меня!

— А как... почему... — Клинт все никак не мог найти слов.

— Лайонел — самый быстрый голый бегун во всех Соединенных Штатах, — объяснила ему Ханна. — Он как-то пробежал голышом шестьсот ярдов за минуту и шестнадцать секунд.

— За минуту пятнадцать и две сотых секунды, — с обиженным видом поправил ее Лайонел.

— Ну да, простите... В общем, как я уже говорила, не стоило его пугать, он очень нервный.

— Отпустите меня! — опять выкрикнул Лайонел.

— Ладно, пошли. — Ханна потащила его обратно в сторону дома. — Вы замерзнете до смерти, если будете оставаться тут голым, а свою куртку я вам не дам.

Она решительно поволокла Лайонела за собой, а тот все продолжал крыть почем зря ее и Клинта. Агент поплелся сзади, явно с пристыженным видом, так что забава того стоила.

Наконец они водворили Лайонела обратно в дом. Ханна заволокла его внутрь, агент зашел следом и тщательно запер дверь.

— Одевайтесь, — приказал Клинт.

Лайонел вызывающе проигнорировал это требование.

— Не думаю, что у него вообще есть одежда, — заметила Ханна.

Дом был настолько пуст и грязен, что это зрелище вгоняло в тоску. В гостиной перед старым телевизором стоял единственный диван. Ханна подтащила Лайонела к нему и усадила. Потом подобрала одну из валяющихся на диване подушек и бросила ему на колени.

— Прикройтесь, — распорядилась она. — Так вы не будете смущать агента Уарда. Он очень чувствительный.

— Ну да, чувствительный, как моя жопа, — пробурчал Лайонел, но подушку не сбросил.

— Лайонел, вчера вечером в парке неподалеку пропала двенадцатилетняя девочка, — начала Ханна. — Ваша фамилия всплыла в ходе расследования, по причине ваших многочисленных приводов.

— Я не похищаю маленьких девочек, — буркнул Лайонел, глядя в пол.

— Было бы хорошо, если б кто-нибудь видел вас вчера вечером, — продолжала Ханна.

— А?

— Кто-нибудь вас видел?

— Угу.

— Вы опять пробежали мимо кафе «У Тони»? — прозорливо поинтересовалась Ханна, бросив выразительный взгляд на Лайонела, который, приподняв брови, покосился на нее в ответ.

— Угу.

— В какое время?

— Да вроде около половины девятого, — пробормотал Лайонел.

— Ладно, мы это обязательно проверим. И постарайтесь держаться подальше от неприятностей, договорились?

Голый поднял взгляд.

— Так вы меня не арестуете? — спросил он.

Ханна ухмыльнулась.

— Никакого ущерба не причинено, — отозвалась она. Помогла ему встать, сняла с него наручники и направилась к выходу.

Клинт тихо последовал за ней, и они сели в машину.

— Выходит, этот малый регулярно такое проделывает? — спросил он.

— Точно.

— Так что нам остается проверить, не жаловался ли кто-нибудь на голого мужчину, пробегающего мимо... кафе «У Тони», — продолжил он. — А потом...

— Не будет никаких жалоб, — перебила его Ханна. — У Лайонела с этой кафешкой в некотором роде симбиоз.

— Простите?

— Жрачка «У Тони» отвратная. а кофе даже еще хуже. Люди ходят туда, потому что знают: есть хороший шанс полюбоваться, как Лайонел пробегает мимо.

Клинт уставился на нее.

— Серьезно?

Ханна кивнула.

— Погодите минутку. — Вытащив свой телефон, она отыскала номер кафе «У Тони» и нажала на «позвонить».

— Алло?

— Здрасьте, это детектив Шор из отдела полиции Гленмор-Парка. Это «У Тони»?

— Ну да. Что вам надо, детектив?

— Просто короткий вопросик. Лайонел Коул не пробежал ли мимо вас вчера вечером?

Секунда молчания.

Ханна закатила глаза.

— Я не собираюсь его арестовывать, — заверила она в трубку. — Просто хочу подтвердить его алиби по совершенно другому делу.

— А-а, ясно. Ну да, он был здесь. Пронесся перед витриной быстрее, чем какой-нибудь чертов Дорожный Бегун^[14], болтая хером. Реально не пойму, как он у него вообще не отвалился в такой колотун. Он был практически малиновый. В смысле... Все-таки мороз на дворе. Парень натурально чокнутый.

— Хорошо. В какое время вы его видели?

— Ну... совсем уж точно не помню... Хотя погодите. Я как раз пробивал чек на кассе. Заказ был реально странный — четыре разных человека все разом заказали спагетти карбонара.

— О, просто чудесно; можете проверить?

— Конечно, уже смотрю... Дикость какая-то, правда? Четыре человека, и всем подавай карбонару? В смысле... иногда весь столик заказывает шоколадный торт на десерт, это я еще понимаю. Но четверо, и всем вперлись макароны с беконом? Не думаете, что это странно?

Ханна побарабанила пальцами по приборной панели.

— Да, это очень странно, — отозвалась она. — Так когда там...

— Да, вот оно, нашел. Они оплатили счет в двадцать тридцать семь, и вот тут как раз Коул промчался мимо. Блин, они были рады до задницы! Орала и хлопала, будто он какая-то кинозвезда.

— Ничуть не сомневаюсь. Спасибо.

— Нет проблем. Коулу от меня привет.

Ханна отключилась.

— Итак, — обратилась она к Клинту. — У Лайонела Коула железное алиби. И кого думаете посетить следующим?

Клинт ухмыльнулся, вновь демонстрируя свои превосходные зубы.

— Вот что я вам скажу, — сказал он. — Думаю, что нам стоит заскочить куда-нибудь перекусить, а пока мы будем есть, вы можете пробежаться по списку и сказать мне, кто у нас дальше на очереди.

— По-моему, хорошая мысль, — отозвалась Ханна.

Глава 6

Ханна с Клинтом поехали в «Рэд-пиццу» неподалеку от отдела полиции. Официантка проводила их к маленькому квадратному столику возле окна. Усевшись и взяв у официантки меню, Ханна тут же отложила его в сторону. И так уже почти выучила его наизусть.

— Что тут хорошо готовят? — спросил Клинт, бегая взглядом по строчкам.

— Пиццу, к примеру, — ответила Ханна, пожав плечами. — А вот пасту я здесь ни разу не пробовала. Маффины у них тут тоже хороши, но не уверена, что это особо существенная еда для обеда.

— Хм-м... Тогда, пожалуй, возьму просто пиццу с пепперони.

— Давайте закажем одну большую, — предложила Ханна. — Она достаточно большая, на двоих хватит.

— Годится, — отозвался Клинт, откладывая меню.

— Ну вот и чудесно. Можно мне ваш списочек извращенцев?

Агент покопался в своем чемоданчике.

— Если бы я получал доллар всякий раз, когда женщина мне это говорит... Вот. — Он передал Ханне папку.

— Так, давайте посмотрим... — Ханна открыла папку. Пробежалась взглядом по списку фамилий, распечатанному на страничке под грифом «ФБР — для служебного пользования». — Так-так. Ваш номер два и вправду стоит внимания — явный педофил, нацеленный на девочек от десяти до шестнадцати... но ему уже семьдесят четыре. Не могу представить, как он гонится за двенадцатилетней девочкой в темноте и тащит ее в фургон.

— Уже надумали?

Ханна подняла взгляд на официантку — молодую девицу с густо накрашенной физиономией и здоровенным засосом на шее.

— Большую пиццу с пепперони, — отозвался Клинт. — И воду с газом для меня.

— А мне колу, пожалуйста, — добавила Ханна, не отрывая глаз от шеи девицы.

Кивнув, официантка ушла. Многозначительно откашлявшись, Ханна вновь опустила взгляд на список.

— Двоих вы тут пропустили, — заметила она.

— Тут все, у кого есть приводы за половые преступления в отношении детей в Гленмор-Парке, — возразил Клинт.

— Верно, только тут у нас имеются еще два типа, осужденных за развратные действия в отношении взрослых, но есть информация, что и малолетними девочками они тоже не гнушаются... Дайте-ка чем написать.

Он передал ей ручку. Когда Ханна брала ее, их пальцы случайно соприкоснулись. У него они оказались теплыми и на удивление мягкими. Выдернув ручку у него из руки, она дописала еще две фамилии. А потом тщательно пронумеровала список.

Официантка принесла им напитки, и Ханна надолго приникла к стакану с холодной колой, смакуя вкус насыщенной сахаром коричневой жидкости, после чего вновь сосредоточилась на странице. Наконец положила папку и ручку на стол и подвинула их Клинту. Тот взял папку, открыл и, нахмурившись, пробежался взглядом по ее содержимому.

— Что? — спросила Ханна.

— Просто... пытаюсь разобрать ваш почерк.

— У вас проблемы с моим почерком?

— Нет, несколько! Почерк очень... изящный. Вот здесь — это «Б» или «Д»?

— Это «О».

— Ну конечно же! Так вы предлагаете сделать следующую остановку... у мистера Артура Оуттона?

— Да. Он только что вышел из тюрьмы, отсидев два года, приставал к девочкам в интернете, дважды осужден за попытку изнасилования — и ему чуть за тридцать, так что он без всяких проблем одолел бы двенадцатилетнюю девчонку.

— Но стал бы он похищать ее?

— Вряд ли, — признала Ханна. — Но тут вообще нет таких, которые, по моему мнению, стали бы. Мы даже точно не знаем, похитил ли Эбигейл Лисман кто-то из этой категории, особенно если учесть, что, по словам Грейси, их было двое. Хищники из этого списка никогда не выказывали особой любви к компании.

— Ладно, — кивнул Клинт. — Но все равно надо проверить.

Когда официантка поставила на их столик блюдо с пиццей, Ханна сразу цапнула с него ломтик и впилась в него зубами, причем едва не обожгла язык. Округлила рот, чтобы остудить его. Ухитрилась наконец проглотить кусок и быстро откусила следующий.

— Не спешите, детектив, — с ухмылкой посоветовал Клинт. — У нас еще есть минутка-другая.

— Жутко есть хочу, — призналась она с набитым ртом. — После погонь за голыми бегунами всегда разгуливается аппетит.

— Вы меня просто восхитили, кстати, — заметил Клинт. — Никогда бы не подумал, что вы так вот запросто перемахнете через стену.

— А почему? — поинтересовалась Ханна, приподняв бровь.

— Потому что... э-э... — Он нерешительно замолчал, явно сознавая, на какое минное поле собирается ступить. Сам откусил от своего ломтика, стал медленно жевать, а Ханна с вопросительным видом откинулась на стуле, сложив руки на груди.

— Из-за ваших волос, — произнес он наконец. — Не знал, что люди с каштановыми волосами способны так высоко прыгать.

Ханна разразилась смехом.

— Из-за волос, говорите? — отозвалась она. — Не потому, что я коротышка?

— Детектив Шор! Я в ужасе! — проникновенно произнес Клинт, прикладывая руку к сердцу. — Вы хотите обвинить меня в дискриминации по ростовому признаку? Для меня рост никак не сказывается на способности к прыжкам. У меня и в мыслях такого не было!

— Ладно, ладно... — Ханна покачала головой. — Вы и сами неплохо себя показали. Заставили Лайонела поднапрячься, а он, между прочим, чемпион Соединенных Штатов по бегу в голом виде.

— Слушайте, а это что, правда? — заинтересовался Клинт, подаваясь вперед. — Действительно был такой забег?

— По крайней мере, насколько я слышала, — ответила Ханна. — Сама при этом не присутствовала, но наверняка зрелище было еще то.

— И он получил медаль?

— Надеюсь, что так.

— И чемпионат мира в этом виде есть?

— Вас, гляжу, крайне заинтриговала данная тема, — заметила Ханна. — С чего бы это вдруг? Подумываете и сами участвовать? Это очень непростой вид спорта.

Клинт опять ухмыльнулся. Он вообще часто улыбался — чаще, чем большинство людей, которых она знала. У него была открытая, заразительная улыбка, и из-за этого Ханна наконец-то немного расслабилась. Чего ей никак не удавалось со вчерашнего дня — с того момента, как ей позвонила Наамит.

Мысли о Наамит вызвали у нее чувство вины. Вот она где сейчас — объедается пиццей, улыбается, смеется, пока Наамит пребывает в натуральном аду, не зная, что происходит с ее дочерью. Ханна чувствовала, что надо что-то делать, но в данный момент все, что ей оставалось, — это лишь проверять имеющиеся зацепки и работать в как можно более тесном контакте с ФБР.

— Что-то не так? — спросил Клинт. — У вас лицо вдруг стало, как у грустного щеночка с открытки.

Пожав плечами, Ханна помотала головой.

— Просто задумалась про наше дело, — сказала она. — Я знаю мать потерпевшей, так что никак не могу абстрагироваться. Это задевает меня за живое.

— Все-таки похищение двенадцатилетнего ребенка, — негромко произнес Клинт. — Ну как тут не задеть за живое?

— А вам много приходилось работать по делам о пропаже детей? — спросила Ханна.

Он кивнул.

— Только в прошлом году трижды. По-моему, более чем достаточно.

— Надо думать.

— Ну а вы? — спросил Клинт. — Чем вы обычно занимаетесь в качестве детектива полиции Гленмор-Парка?

— Ну, в отделе уголовного розыска Гленмор-Парка у детективов нет какой-то особой специализации. Так что... наркоторговля, проституция, кражи... да практически всем.

— И вам нравится? В смысле, ваша работа, а не... проституция и убийства.

— В основном да, — произнесла Ханна после некоторой паузы. — Хотя иногда тяжеловато это выносить. Я думала, что наращу

толстую кожу, и иногда кажется, что так и есть, — но когда за нее все-таки что-то пролезает, то так и остается со мной.

Клинт с серьезным выражением лица кивнул.

— Эта беседа начинает немного напрягать, — пробормотала Ханна. — Мне было больше по вкусу, когда мы обсуждали всяких педофилов в наших краях.

— Давайте тогда сменим тему, — жизнерадостно отозвался Клинт. — Как вы отпраздновали День святого Патрика?

Ханна лишь удивленно заморгала при такой смене темы.

— Я не праздную День святого Патрика.

— В самом деле? Почему?

— Потому что я иудейка.

— О! — Клинт на секунду примолк. — Так что, вы ничего не делали?

Ханна замешкалась с ответом.

— Не совсем так. А вы что делали?

— Ничего. — Он пожал плечами. — Хотел вначале пойти на парад — в Бостоне его проводят с большой помпой. Но подвернулась очередная работенка. Так вы еврейка?

— Да, — кивнула она.

— Выходит, отмечаете еврейские праздники вроде Рош ха-Шана и, э-э... — тут он на секунду замялся. — Йом Кипур?

— Ну, формально говоря, Йом Кипур не празднуют, — уточнила Ханна. — Во время него постятся и молятся.

— Точно. И вы тоже?

— Нет. Я не особо следую традициям. А вот мой папа — тот да. Ходит в синагогу, молится и все такое. — Отец Ханны особо обратился к вере после развода с ее матерью, но она предпочла не делиться такими подробностями.

— Интересно.

— Правда? — спросила Ханна, скептически изогнув губу.

— Думаю, что да. — Клинт пожал плечами.

— А вы верующий?

— Нет, не особо.

— А ваши родители?

— Да. Католики. А я — нет.

— А почему?

— Потому что мой брат умер шести лет от роду, — ответил Клинт. — Мне сказали, что это Бог его забрал. Чушь собачья...

— О... — выдохнула Ханна, смутившись. — Сочувствую.

— Спасибо.

— А как он умер?

— Погиб в ДТП. Ехал на велике и вдруг свернул на проезжую часть. Никто не знает почему. Водитель был не виноват, да и скорость не превышал. Просто такое уж стечение обстоятельств.

Клинт почти молитвенным жестом переплел пальцы и положил руки на стол. Уставился на них. А когда опять заговорил, голос его звучал совсем тихо.

— Мне было восемь, и я ехал сразу за ним. — Он поднял глаза к потолку и заморгал. — Я нечасто про это рассказываю. А потом, это случилось давным-давно.

Ханна внезапно испытала побуждение схватить его за руки, крепко сжать их, сказать ему, насколько она сожалеет.

— Давайте-ка лучше двинем, — сказала она вместо этого. — Нам надо опросить следующего извращенца.

* * *

Бернард шагнул в пустой кабинет оперативников. В голове глухо пульсировало. Поспать ночью практически не удалось, а все утро он прокатался на пару с агентом ФБР, оказавшимся даже еще более болтливым, чем его тетя Лорена. А что касается болтовни, то тут превзойти тетю Лорену практически нереально. В конце концов Бернард сказал этому агенту, что ему надо срочно заняться какой-то бумажной работой — только чтобы избежать потока слов, изливающегося на его истощенный мозг. Прикрыв глаза, он сделал глубокий вдох, наслаждаясь блистательной тишиной кабинета.

— Детектив Глэдвин?

Со вздохом повернувшись, он узрел агента Манкузо, стоящую в дверях кабинета.

— Приветствую, — отозвался он. — Просто заскочил забрать, э-э... — тут пришлось обвести взглядом письменные столы, стулья и компьютеры, — кое-что.

— Есть минутка пообщаться? — спросила она.

— Конечно.

Манкузо устроилась в кресле Митчелла Лонни. Бернارد сел в собственное, подкатив его ближе к ней.

— Мы уже опросили персонал школы, в которой училась Эбигейл Лисман, — сообщила она, — и определили подозреваемого.

— Ого! — обрадовался Бернارد. — Это хорошо. Кто-то из учителей?

— Нет, — ответил Манкузо. — Насколько я понимаю, вы с ним знакомы. Некий Юрген Адлер.

Бернارد в полном изумлении уставился на Манкузо.

— Тут, должно быть, какая-то ошибка...

Та выгнула бровь.

— А что? Разве вы не знаете Юргена Адлера?

— Естественно, я его знаю! То, что я хотел сказать, — это что он никак не может быть главным подозреваемым.

— И почему же?

— Потому что он никогда не похищал малолетних девочек.

— В самом деле? — Агент Манкузо вытащила из своего плоского чемоданчика светло-коричневую папку, открыла ее и проглядела первую страницу. — Разве он не подозревался во взяточничестве и подтасовке улик, когда вы были напарниками?

— Было дело, но его не осудили, даже обвинения не предъявляли.

— Тут также говорится, что на него поступали много-численные жалобы...

— Которые были отозваны, — перебил ее Бернارد. — Послушайте, я понимаю, к чему вы клоните. Юрген Адлер далеко не ангел, но он и не похититель.

Вздохнув, агент Манкузо достала из папки три распечатанные фотографии. Выложила их в ряд на столе Митчелла. Бернارد глянул на них, ощутив дурноту. На всех трех был хорошо знакомый ему синий «Форд Фиеста». А на одном из фото Бернارد сразу узнал Эбигейл Лисман, выходящую из здания с кучкой подростков. На следующей был хорошо виден Юрген Адлер, высунувший объектив фотоаппарата из водительского окна машины.

— Все три фото — с камер наблюдения, расположенных вокруг школы, — объяснила агент Манкузо. — Снято в три различные даты, в

течение последних шести недель.

— Юрген Адлер сейчас частный детектив, — сказал Берnard. — В основном работает, снимая изменяющих друг другу жен и мужей. Он наверняка следил за кем-то из учителей, пытаясь добыть доказательства супружеской измены.

— Это объяснение кажется мне несколько притянутым за уши, — заметила агент Манкузо.

Бернард пожал плечами.

— Ну не знаю, случаются и более странные вещи. И Юрген — не похититель. Послушайте: вызовите его для допроса, и он в пять секунд вам все прояснит.

— Мы уже установили за ним наблюдение и прослушиваем его телефон, — сказала Манкузо. — Хотим посмотреть, не приведет ли он нас к девочке. Если мы вызовем его на допрос, его сообщники могут скрыться.

— Да нет у него никаких сообщников! Вы идете по ложному следу, агент.

Манкузо поджала губы и без единого слова посмотрела на него.

— А от меня-то вы чего хотите, во всяком случае?

— Вы были его напарником, — веско объявила она. — Вы знаете его лучше любого другого. Нам нужно знать — если мы его арестуем, выдаст ли он сообщников? Насколько близко ему понятие верности? Что им движет? Мы не можем позволить себе оборвать этот след. Нам надо выяснить про него все, что только возможно.

Насколько верен Юрген? Хороший вопрос. Бернард так до сих пор и не был готов на него ответить. Когда они были напарниками, Бернард был уверен, что готов доверить этому человеку даже собственную жизнь. Да и потом, когда набрались улики, он стоял на стороне напарника. И стоял до того дня, пока Юрген не ушел из органов, признавшись с глазу на глаз Бернарду, что большинство собранных против него свидетельств как минимум частично соответствуют истине.

— Послушайте, — произнес Бернард, — Юрген не из тех, кого легко расколоть. И понять его тоже непросто. Все приемы допроса ему прекрасно известны. Он — один из умнейших людей, которых я только знал. Расследование против него займет месяцы, и все равно не

получится ничего ему реально предъявить. Он никогда ни в чем не признается, пусть даже если и будет наверняка виновен.

— Если мы его все-таки арестуем, — сказала Манкузо, — то нам понадобится ваша помощь при допросах.

— Моя помощь? Зачем?

— Мы думаем, что ваше присутствие выбьет его из колеи.

Бернард помедлил.

— Я сделаю все, что прикажет мне капитан, — произнес он наконец. — Но сомневаюсь, что от меня вам будет много толку — Юрген способен читать меня, как раскрытую книгу. Он будет знать, что я не верю в его виновность. Да, я знаю его, но это палка о двух концах. Честно говоря, я практически уверен, что он знает меня гораздо лучше, чем я его.

— Ну что ж, — заключила Манкузо, собирая фото и укладывая их обратно в папку, — я надеялась, что вы окажетесь более полезны. В конце концов, в свое время этот человек поставил вас в весьма неловкое положение... Насколько я понимаю, вы и сами проводили кое-какие изыскания?

Бернард стиснул зубы, сдерживая гнев.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть эту девочку, — сказал он, — и буду только рад сесть рядом с вами и разобрать мою историю с бывшим напарником по косточкам. Но еще раз говорю вам — он не похититель.

— А вот на этот счет посмотрим, — отозвалась Манкузо, вставая.

Глава 7

Во рту у Ханны стояла горечь, и казалось, будто все тело покрыто какой-то слизью. Бывали дни, когда она не чувствовала себя чистой, сколько бы раз ни принимала душ. Клинт вез ее на своем «Шеви» к ее машине. Благодушной атмосферы, окружавшей их, когда они вышли из «Рэд-пиццы», как не бывало. Дело было уже к ночи, и они успели посетить и опросить двух насильников, растлителя малолетних и педофила, на ноутбуке у которого как-то нашли больше семисот порноклипов с детьми. Ханна просто не могла так долго сохранять спокойствие и профессиональную отстраненность. Эти больные на всю голову представители человечества в самом своем худшем проявлении пролезли ей под кожу, проникли в кровь, присосались к сердцу.

Клинт тоже притих, его лицо было серьезным. Раз или два он шевельнул губами, словно бормоча что-то про себя, хотя ничего не произнес вслух. Интересно, подумала она, часто ли ему приходилось заниматься чем-то подобным, находил ли он этот день столь же мерзким, что и она. Ханна, конечно, знала, что такие люди существуют на свете, но от разговоров с ними, от того, каким образом они реагировали, услышав о пропавшей девочке, становилось еще хуже.

И разумеется, все это оказалось совершенно бесполезно. Двое из опрошенных предоставили железобетонные алиби. У двух других алиби не нашлось, но обоих вряд ли можно было отнести к вероятным подозреваемым, и они полностью отрицали, что хоть что-либо знают о случившемся. Когда пропадает ребенок, порядок требует навестить всех известных извращенцев, и это вполне имеет смысл. Но в данном случае это казалось просто копанием в дерьме без всякой веской причины.

Клинт остановил машину на темной улице, напротив дома Лисман. Несколько секунд они сидели в молчании — еле слышный шум дорожного движения вдалеке был единственным звуком, помимо их собственного дыхания.

— Ну как вы? — спросил Клинт.

Ханна пожала плечами.

— Нормально. А вы?

Клинт повернулся к ней лицом.

— Бывало и лучше, — ответил негромко.

Она посмотрела на него, обнаружив, что его большие карие глаза нацелены прямо на нее. Быстро отвела взгляд.

— Да уж, — только и сказала она.

— Через какое-то время все это пролезает внутрь до самых печенок, — произнес Клинт. — Я знаю, каково это.

— Мерзкое ощущение, — призналась Ханна, глядя в боковое окошко машины. В стекле ей было видно его смутное отражение — он по-прежнему наблюдал за ней.

— Да уж... — Клинт вздохнул. — Не хотите об этом поговорить?

Она прикусила губу. Говорить на эту тему не хотелось, но Ханна поймала себя на том, что все равно говорит.

— Когда я была маленькой, то думала, что все люди по определению хорошие. Это то, что всегда говорила мне моя мама. Что каждый появляется на свет с добрыми намерениями. И я верила ей.

— Это просто замечательно — верить.

— Нет, нисколько. Потому что, когда вы обнаруживаете, что это не так — что есть люди, способные взять десятилетнего ребенка, уткнуть его лицом в подушку и... и... использовать его, как кусок мяса... Когда вы понимаете, что такое действительно происходит — причем не где-то там далеко, а совсем рядом, может, даже у ваших соседей, — тогда вы больше уже ничему не верите, вам приходится заново строить все с нуля, потому что весь ваш взгляд на мир искажен и не соответствует действительности, и...

Клинт тронул ее за руку, и это прикосновение отдалось покалыванием на коже. Ханна поежилась, набрала полную грудь воздуха, с шумом выдохнула.

— Простите, — сказала она. — Что-то я разболталась. Несу какой-то бред... Это был долгий день.

— Да, долгий, — согласился Клинт. — Но все нормально. И не думаю, что это бред.

Повернувшись к нему, она слегка улыбнулась.

— Спасибо. У меня редко бывают такие эмоциональные вспышки. Вы застали меня не в лучший момент.

— Сомневаюсь.

Ханна посмотрела на него, не зная, что сказать.

— Как бы там ни было, ваша мама была, по крайней мере, частично права, — продолжил Клинт. — Некоторые люди и вправду по определению хорошие. Вы, например.

— Вы совсем меня не знаете, — прошептала она.

— Уже достаточно хорошо знаю.

Ханна смущенно уставилась на свои ладони.

— Ну что ж, — произнес Клинт, откашлявшись. — Спасибо за все, Ханна. Ваша помощь была... просто бесценной.

Она кивнула.

— Жаль только, что все это оказалось пустой тратой времени.

— Ну, откуда нам это было знать...

— М-да.

Молчание стало затягиваться.

— Вам всегда удавалось вернуть похищенных детей? — спросила вдруг Ханна.

— Да, но... — Тут он нерешительно замолк.

— Но что?

— Большинство похищений раскрывается достаточно быстро. В течение нескольких часов.

— Несколько часов, — напряженно повторила Ханна. Эбигейл похитили уже больше суток назад.

Пауза.

— Так что... что теперь? — спросила она.

Клинт глянул на наручные часы.

— Уже больше полуночи, — сказал он. — А я на ногах с шести утра. Мне нужно хотя бы пару часиков поспать. А потом посмотрим, что скажет Манкузо.

— Ясно, — сказала Ханна.

— Нормально до дому доедете? — спросил он.

— Ну да, конечно, — отозвалась она. — Это недалеко.

Клинт улыбнулся ей. Улыбка у него была печальная, усталая и почему-то красивая.

Ханна испытала внезапное побуждение наклониться и поцеловать его. Но лишь кивнула и протянула ему руку.

— Тогда надеюсь увидеть вас завтра.

— Можете не сомневаться, — заверил он, отвечая на рукопожатие. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — отозвалась Ханна, открывая дверцу. На миг замешкалась, а потом все-таки выбралась из машины, прикрыв за собой дверцу.

Зеленый «Шеви» укатил, оставив ее одну на темной улице. Наамит Лисман наверняка еще не спит, подумала Ханна, почувствовав себя последней сволочью — что не заглянула проведать ее и Рона. Но все-таки села в свою машину и завела мотор. Коротко прикинула, не стоит ли поступить так, как сказала Клинту, и не поехать ли домой.

Но уже знала, что домой не поедет. Так что двинула в сторону отдела полиции.

* * *

Эбигейл никак не могла понять, сколько сейчас времени. Окон не было, телефон у нее отобрали, часов она не носила. Это с равным успехом могли быть полночь или полдень, а то и раннее утро.

Но ее похитители исправно приносили ей поесть и попить примерно каждые два часа. Сэндвич в пластиковой обертке — судя по вкусу, вроде не сильно просроченный. Бутилированную воду.

Сэндвичи и бутылки с водой явно где-то регулярно покупались.

Приносил их тот самый мужчина. Входил, отдавал ей сэндвич и тут же выходил, — не сказав ни слова, никак не реагируя на ее просьбы, слезы и гневные крики. Появившись во второй раз, он принес пару темных леггинсов — на замену тем, которые она обмочила.

Эбигейл без устали разрабатывала планы побега. Поначалу прятала все пустые упаковки от сэндвичей под матрасом, подумывая сделать из них пластиковую веревку и задушить ею своих похитителей. Хотя и сомневалась, что ей удастся это проделать, а связав между собой пару-тройку оберток, поняла, что они просто рвутся при растягивании. Подумала, не использовать ли для этих целей грязные штаны, но так и не нашла какой-то разумный способ, как это осуществить.

В комнате стояло ведро, в которое Эбби уже дважды успела пописать. И уже прикидывала, не выплеснуть ли его содержимое в физиономии похитителей, а потом быстро рвануть из комнаты.

Еще можно было залезть под кровать. Спрятаться под ней, а когда они начнут ее искать, она... она...

Но в том-то все и дело. Это были всего лишь фантазии. Они просто немного повышали ей настроение, дарили иллюзию контроля над ситуацией. Она не просто торчала в этом подвале — она *выжидала подходящий момент*. Но когда Эбигейл и в самом деле как-то залезла под кровать и стала ждать, пока появится кто-то из похитителей, сердце чуть ли не выскакивало из груди. Страх клещами стиснул горло, словно какой-то здоровенный жирный паук. Они сразу поймут, что она под кроватью — здесь это единственное место, в котором можно спрятаться. А потом что? Эта женщина вытащит ее оттуда, пинающуюся и визжащую? Или мужчина повалит кровать набок, вздернет ее на ноги?

Вновь припомнилась та сцена из фильма, в которой детектив находит убитого мальчика. Пытался ли этот мальчик сбежать? Как раз поэтому его и убили? Тот мужчина сказал, что если она будет себя хорошо вести, то они вернут ее домой.

Прятаться под кроватью — явно не образец хорошего поведения. Плеснуть из ведра мочой в похитителей тоже. Она мельче их, заперта в ловушке и испугана. Даже если удастся выскочить из этой комнаты, совершенно непонятно, где она. В Гленмор-Парке? Получится ли добежать до какого-то из соседних домов, криком взывая о помощи? Может, они вывезли ее из города куда-то далеко, и это нечто вроде дачи, на которой они с Грейси иногда бывали? Будет ли толк от побега, если бежать некуда?

Эбигейл постоянно колебалась, то планируя побег, то плача по маме. Никак не могла успокоиться, никак не могла расслабиться.

Открылась дверь. По ступенькам процокали высокие каблуки. На сей раз это была женщина. Она спускалась по ступенькам, темная лыжная маска скрывала ее лицо. В руке у нее был сэндвич в пластиковой обертке — точно такой же, как те, что приносил Эбигейл мужчина.

— Пожалуйста, — проговорила девочка прерывающимся голосом. — Пожалуйста, отпустите меня! Я никому ничего не скажу,

клянусь. Просто отпустите меня!

Пройдя через комнату, женщина нависла над Эбигейл. Протянула сэндвич.

— Пожалуйста, — повторила Эбигейл, всхлипывая. — Мне страшно. Я скучаю по маме с папой. Я просто...

Рука женщины резко дернулась, шлепнув Эбигейл по щеке и повалив ее на матрас. Секунду она лежала на койке в шоке, чувствуя покалывание в быстро немеющей щеке. А потом нахлынула боль — казалось, будто половина лица горит огнем. Эбигейл расплакалась, свернувшись на матрасе и обхватив себя руками. Закрыла глаза, надеясь, что женщина не ударит ее еще раз. Через несколько секунд услышала, как та уходит — поднимается по ступенькам и выходит из подвала.

Эбигейл прикоснулась к щеке и сразу всхлипнула, когда боль расцвела опять. Она и не думала, что пощечина может причинить такую боль. Ее мама как-то раз тоже шлепнула ее по щеке, когда ей было года четыре, и Эбби до сих пор помнила тот день. Но нет, это не было даже близко к тому, что она чувствовала прямо сейчас.

Понемногу Эбигейл успокоилась. В животе забурчало. Она проголодалась. Открыла глаза и огляделась в поисках сэндвича.

Его нигде не было. Женщина забрала его с собой.

Шло время. Или не шло. Эбигейл никак не могла этого понять. Жар в щеке немного поутих. А потом она услышала, как в замке проворачивается ключ. На миг сжалась. Как только дверь откроется, можно юркнуть мимо того, кто стоит за ней. Она умела бегать очень быстро — лучше всех в классе. И на ее стороне был фактор неожиданности.

Туфли на высоких каблуках опять спускались по ступенькам.

Все ее тело словно окаменело. Она не могла пошевелиться. Пусть даже мозг буквально визжал: эта женщина на высоких каблуках, можно запросто проскочить мимо нее! — ноги и руки словно парализовало, сердце молотилось в груди, легкие отказывались втягивать воздух, щеку покалывало при воспоминании о боли.

Женщина подошла, по-прежнему в маске. Эбигейл пыталась убедить себя, что это добрый знак. Они надевают маски, поскольку не хотят, чтобы она увидела их лица. Потому что намереваются отпустить ее.

Если она будет хорошо себя вести.

— Посмотри на меня, — приказала женщина холодным голосом, лишенным всяких эмоций. Эбигейл подняла глаза. Ее мучительница держала телефон, нацелив его на нее.

Глаза у женщины были карие. Эбигейл всегда казалось, что это теплый цвет, но эти глаза были ледяными и отстраненными.

Вспышка на секунду ослепила ее, и тут же комната вновь проявилась в тусклом свете. Перед глазами плясали разноцветные точки. Женщина убрала телефон в карман и швырнула сэндвич Эбигейл под ноги.

Она уже давно ушла, но девочка все никак не могла пошевелиться. Сэндвич так и лежал на полу.

* * *

Агент Манкузо сидела в штабной комнате, разговаривая по телефону, когда туда вошла Ханна. Ее взгляд коротко метнулся в сторону вошедшей, а потом продолжил бегать по большому экрану, который теперь висел на стене. На нем была открыта карта Гленмор-Парка, в углу — фото Эбигейл. За столом сидели три агента ФБР, уткнувшись в свои собственные экраны. Один из них тоже разговаривал по телефону. Это были не те агенты, которых она видела здесь прошлым утром. Судя по всему, группа ФБР работала посменно.

Отложив телефон, Манкузо повернулась лицом к Ханне.

— Агент Уард доложил, что вы закончили опрашивать сексуальных преступников, — сказала она.

— Ну да. Без результата, — отозвалась Ханна.

— Ладно, — Манкузо кивнула.

— А у вас какие успехи?

— Нет никакого Ноэля. Это фальшивая личность, — ответила Манкузо. — Все его комментарии опубликованы с одного и того же телефона из разных мест вокруг Гленмор-Парка. Вчера утром этот телефон полностью исчез из сети, и можно вполне уверенно предположить, что похитители избавились от него сразу же после того, как организовали свидание с Эбигейл.

— Когда она начала общаться с этим Ноэлем?

— Первый раз они связались три недели назад, — сказала Манкузо. — Он прокомментировал одно из ее фото в «Инстаграме». Через два дня они уже начали общаться в чате, более или менее регулярно. Я отправила всю их переписку криминальному психологу — помните ведь Зои Бентли?

Ханна кивнула. В свое время Зои очень помогла им в деле Вестника Смерти^[15].

— В общем, сейчас она все это изучает. Будем надеяться, что ей удастся что-то оттуда выцепить. Телефон Ноэля впервые использовался как раз в тот день, когда был оставлен первый комментарий.

— Выходит, был приобретен исключительно для этой цели, — заключила Ханна.

— Да. Все это спланировали достаточно давно.

— А можно выяснить, где этот телефон был куплен?

— Вряд ли, но мы пытаемся, — ответила Манкузо. — И нам так и не удалось обнаружить тот фургон на записях с камер наблюдения. Похитители тщательно выбрали маршрут, избегая улиц с камерами. В ночь похищения было замечено тринадцать фургонов и микроавтобусов, выезжающих за пределы Гленмор-Парка, и теперь мы отслеживаем их владельцев, пытаюсь понять, не использовалась ли какая-то из этих машин.

— Они могли использовать не одну машину. Могли пересесть в какую-то другую, — заметила Ханна.

— Согласна. И если это так, то тот фургон оставлен где-то в городе. Патрульные сейчас его ищут. А еще сегодня видели какого-то мужчину, который силой тащил за собой маленькую девочку, на Клейтон-роуд. Девочка вырывалась, кричала и плакала.

— Что? — встрепелась Ханна. — Какой мужчина? Где...

— Его задержали и допросили. Девочка — это его дочка, и ей пять лет. Судя по всему, он отказался купить ей новую куклу, вот она так и отреагировала.

— Фух... — У Ханны опустились плечи.

— И все-таки, — продолжала Манкузо, — я думаю, что и отец, и дочь получили серьезный урок.

Ханна так и не поняла, в чем этот урок заключался.

— Ну а ориентировка о розыске?

— Звонки продолжают поступать, и мы их проверяем. Но пока ничего. — Манкузо пожала плечами. — Думаю, что вам с агентом Уардом стоит завтра утром пообщаться с Грейси. Сегодня днем ее выписали из больницы, и она может сообщить нам нечто большее, отдохнув за ночь.

— Конечно, — кивнула Ханна.

— Вам тоже стоит отдыхать по ночам, детектив, — заметила Манкузо.

— То же самое и про вас могу сказать, — отозвалась Ханна.

Манкузо подняла брови, слегка изогнув губы.

— Ладно, — произнесла она. — Если вы так уж настаиваете на том, чтобы работать до упаду, то у нас тут есть чем заняться.

— А можно мне глянуть на распечатки из чата? — спросила Ханна.

Манкузо махнула рукой на стопку бумаг на письменном столе, соседнем от стола одного из агентов.

— Ни в чем себе не отказывайте.

Глава 8

У профиля Эбигейл в «Инстаграме» оказалось сто шестьдесят девять подписчиков — в основном одноклассники, члены их семей и еще несколько ребят, с которыми она познакомилась в Сети. Всех их ошеломило требование о выкупе, размещенное на ее аккаунте. Фото Эбигейл в плену у похитителей грубо контрастировало с теми, что обычно встречаются в «Инстаграме». Никаких фильтров. Никаких губок бантиком, никаких улыбок, никаких умильного вида собачек или котиков. Просто двенадцатилетняя девочка, запертая неизвестно где, — лицо осунувшееся, глаза красные. И требование о выкупе — угрожающее, резкое, с жутковатым хештегом #ЭбигейлУНас. Как будто все это было лишь каким-то очередным мрачным розыгрышем, какие теперь приняты в соцсетях.

Некоторые из ее подписчиков помладше несколько часов проплакали, боясь выходить из дома. У двоих случились панические атаки. Кое-кто из родителей запретил своим детям пользоваться «Инстаграмом» или заставил их отписаться от Эбигейл.

Сто шестьдесят девять пар глаз, взирающих на один и тот же кошмар. А 18 марта, в среду, к ним присоединилась еще одна пара глаз.

Вернувшись домой из школы, шестнадцатилетняя Петра Солис застала свою сестру, Джой, истерически всхлипывающей. Мать пыталась ту успокоить, используя давно проверенный и действенный метод, а именно орала на нее: «Хватит уже распускать сопли!»

Петра обнимала сестру, пока всхлипывания не утихли, а потом поинтересовалась, что случилось. Джой объяснила ей, что подписана на аккаунт Эбигейл Лисман в «Инстаграме» и вот сейчас увидела... кое-что. Она не стала объяснять, что именно. Просто сунула Петре свой телефон.

Та недоверчиво уставилась на фото Эбигейл, а потом зашла на свой собственный аккаунт, чтобы поделиться публикацией.

У самой Петры было триста сорок подписчиков. Трое из них тоже поделились шокирующим фото оказавшейся в неволе девочки. В

общем и целом у этих троих набралось тысяча четыреста двадцать подписчиков.

Вдобавок один из этих троих был видеоблогером — или, как они сами себя называют, «влогером». Причем весьма успешным, в основном благодаря своим прохождениям «Майнкрафт»^[16]. Когда он решил поделиться публикацией похитителей и упомянуть про нее на своем канале, то ее увидели миллионы людей.

И все это заняло чуть меньше четырех часов.

К вечеру среды в курсе случившегося оказалось больше двадцати миллионов людей только в одних Соединенных Штатах, равно как и десятки тысяч человек по всему миру.

* * *

Наамит лежала на кровати, уставившись в потолок. Рон тихо посапывал рядом. Она терялась в догадках, преследуют ли его дурные сны. Если так, то он ничего про это не говорил. Несмотря на беспокойство и тоску, Рон все-таки спал.

Для Наамит те два часа, которые она поспала прошлой ночью, оказались пока наихудшими во всей ее жизни.

В течение всего дня она общалась со знакомыми и родственниками, пытающимися как-то помочь. Старалась отвлечься на задачи, не требующие особых размышлений: уборку, стирку, готовку. Приходила Ханна, которая посвятила ее в новости по делу, пытаясь утешить тем, что ее дочь наверняка до сих пор жива. Днем все было не так уж плохо.

Но наступил вечер, а за ним и ночь. Наамит несколько часов пыталась заснуть, но из головы не шли образы Эбигейл — плачущей, раненой или мертвой. И пока медленно тянулись минуты, ее воображение становилось садистской силой, мучающей ее ужасными мыслями про извращенцев и психопатов и о том, что может происходить прямо в тот момент, когда она лежит в кровати, ничего не делая. А когда Наамит наконец уснула, пришли сны. Ей снилось, как она лихорадочно ищет Эбигейл в школе, слышит, как та зовет на помощь, но эти крики слабеют и удаляются. Снилось, что она слышит голос Эбигейл за какой-то мощной дверью, но никак не может открыть

ее. Она колотила по ней кулаками, крича в тоске и отчаянии. Снилось, что к ней пришли агенты ФБР с вестью, что ее дочь мертва.

Но даже еще хуже был последний сон. Ей снилось, что Эбигейл вернулась домой, целая и невредимая. Дочь крепко обнимала ее, и обе радостно смеялись. Очнувшись от этого сна, Наамит ощутила, как чувство ужасной потери и страх с новой силой охватывают ее, словно она только что узнала про похищение.

Эбигейл находилась в руках похитителей уже тридцать шесть часов. Это казалось вечностью. Наамит не знала, сколько она еще продержится.

В пять утра ее телефон звякнул единственным уведомлением: новое фото в «Инстаграм»-профиле Эбигейл. С колотящимся сердцем Наамит открыла страницу и уставилась на свою дочь.

Это было изображение Эбигейл, стоящей перед унылой серой стеной. Выглядела дочь еще более худой и бледной. Ноги ее казались неестественно напряженными, словно она едва заставляла себя стоять прямо. Эти звери дают ей чего-нибудь поесть? Попить? Эбигейл много пила, иногда больше десятка стаканов воды в день. Рон говорил, что она — верблюд в человеческом обличье, что всегда втайне раздражало Наамит. Ведь весь смысл верблюда в том, что он может долго обходиться без воды.

Дают ли ей достаточно воды?

Подпись к снимку была простой: «3 миллиона. Скоро. #ЭбигейлУНас».

Скоро... Что они понимают под «скоро»? Два дня? Три? Неделю? В любом случае, это слишком долго — Наамит больше не в силах это выносить. И в любом случае этого недостаточно — им никогда не собрать такую сумму за столь короткое время.

Им не собрать такую сумму и за двадцать лет.

Она тихонько встала, медленно и осторожно двигаясь и пытаясь не разбудить Рона. Ей не хотелось объяснять, куда она собирается и зачем. Только не сейчас. Позже это может понадобиться, но только не в данный момент. Похватав первые попавшиеся вещи, Наамит потихоньку выбралась из спальни. Оделась в гостиную, не заморачиваясь с волосами и макияжем. Отперев входную дверь, вышла из дома, оказавшись единственным человеком на улице в четыре утра.

Холод проникал повсюду, промораживая ее до костей, и у нее почти сразу же застучали зубы. Быстро забравшись в машину, она завела мотор.

Наамит никогда еще никуда не ездила в такую рань, насколько могла припомнить. Пустые улицы показались ей странно успокаивающими. В этот час, перед самым рассветом, весь город был погружен в сон. Можно было даже поверить, что и ее дочь тоже спит, где бы та ни находилась.

Машину она остановила перед большим офисным зданием на Клейтон-роуд. Днем найти здесь место для парковки было практически нереально, но прямо сейчас почти все парковочные места были свободны. Остановив машину, Наамит оставила мотор работать. Ей требовалось тепло, несмотря на излишний расход топлива. Выключив свой телефон, она откинулась на сиденье и стала ждать.

Просидела в машине, застыв, как статуя, несколько часов, пока город пробуждался к жизни. Мимо начали проезжать машины. Приехали владельцы магазина, чтобы подготовить свое предприятие к очередному хлопотливому дню. Прямо через дорогу от нее из «Горячего бублика» вышла какая-то женщина. В руке у нее был маленький пончик, и она медленно жевала его с довольной улыбкой на лице.

Тут Наамит осознала, что зрение у нее затуманено слезами. Как бы ей хотелось сейчас оказаться на месте этой женщины! Смахнув слезы с глаз, она уставилась прямо перед собой.

Он появился незадолго до девяти. Прошел через главный вход в здание с серьезным и деловитым лицом, двигаясь решительно и энергично. Даже сейчас, в ее смятённом состоянии ума, Наамит отметила, насколько уверена его манера держаться. Это был человек, весь мир вокруг которого находился под его полным контролем. Человек, которого никто и ничто не собьет с толку. Человек, который перед лицом критической ситуации даже не дрогнет.

Был он также холоден, и расчетлив, и подвержен гневу. Он был тем, от которого она была бы только рада держаться подальше.

Наамит посидела в машине еще сорок пять минут, набираясь храбрости и уже начиная сожалеть, что не обратилась к нему прямо на улице, вне его зоны комфорта. В его офисе иметь с ним дело будет значительно трудней.

Наконец она выбралась из машины и вошла в здание. Поднялась в лифте на последний этаж и вошла в офис компании «Кохе тулворкс». Дверь в его кабинет была закрыта. Его секретарша сидела за стойкой прямо напротив двери кабинета. Повернувшись к Наамит, она отстраненно глянула на нее.

— Чем могу помочь?

— Я пришла к Лэнсу Кохе, — сообщила Наамит.

— Простите, но в данный момент мистер Кохе...

Наамит быстро шагнула вперед, распахнув дверь кабинета. Секретарша ничего не сказала.

Лэнс Кохе поднял голову. Он был уже в годах, хотя волосы его в основном сохранили свой густо-черный цвет — отдельные седые прядки лишь добавляли ему импозантности. Брови у него были густые и сошлись в постоянной хмурости над большими темными глазами, которые наблюдали за ней, не выказывая никакого удивления.

— Наамит, — ровным голосом произнес он. — Я ведь уже просил: звони перед приходом. Это очень простое требование.

— Эбигейл похитили, — выпалила Наамит, не заморачиваясь никакими преамбулами.

Глаза Лэнса расширились. Это была некая эмоция, которую она никогда раньше не видела у него на лице. Удивление? Озабоченность? На миг он казался почти размякшим.

— Похитили? — повторил Лэнс несвойственным ему высоким голосом. — Кто? Когда?

— ФБР не знает, кто это сделал. Это случилось два дня назад, во вторник вечером.

Вытащив из кармана телефон и подойдя к его письменному столу, Наамит включила экран с открытым на нем аккаунтом в «Инстаграме» и показала ему фото.

— Они разместили это на ее аккаунте.

Кохе осторожно взял у нее телефон и уставился на него.

— Три миллиона? — произнес он, нахмурившись.

— Там еще одна, — добавила Наамит. — Прокрути пониже.

Он провел пальцем по экрану, еще сильнее нахмурившись.

— Мне не найти трех миллионов долларов, — произнесла Наамит.

— Ясен пень, — коротко отозвался Лэнс.

— Я надеялась, что ты сможешь...

— Нет.

Наамит едва перехватила всхлип, грозивший сорваться с губ. Лэнс Кохе не лучшим образом реагировал на слезы.

— Она — твоя дочь.

— Моя биологическая дочь, о которой я узнал всего два месяца назад. — Голос Лэнса был холодным и стальным.

— Они же убьют ее!

— Сомневаюсь.

— Ты хочешь поставить жизнь своей дочери на эти слова? — едва ли не выкрикнула Наамит, горе и страх у которой стали обращаться в гнев. — Это каким же чудовищем...

— Давай-ка проясним одну вещь, — произнес Лэнс, повысив голос. — Эта девочка для меня — просто девочка, и ничего больше. Я даже с ней не знаком.

— А не хочешь с ней познакомиться? — спросила Наамит. — Так познакомишься! Если она целой и невредимой вернется домой, я клянусь тебе, что познакомишься!

Секунда тишины.

— У меня нет трех миллионов долларов, — негромко произнес он.

— Но ты можешь собрать...

— Не могу. Год не из удачных. Даже если б я и хотел, то все равно не смог бы заплатить этот выкуп.

— Тогда ты можешь заплатить хотя бы какую-то часть! Они могут пойти на переговоры, если будут знать, что ты выплатишь половину или...

— Лучше позволь ФБР разбираться со всем этим. Они профессионалы, — сказал Лэнс. — Мне очень жаль, но...

— Я скажу ФБР, что ты — ее настоящий отец, — проговорила Наамит голосом, сочащимся ненавистью. — И прессе тоже. Ты будешь отцом, который позволил собственной дочери погибнуть из-за своей жадности. Думаешь, что этот год не из лучших в бизнесе? Так вот — будет еще хуже.

Лицо Лэнса застыло, и она поняла, что все испортила.

— Да ради бога, — бросил он. — Рассказывай. А теперь хочешь, чтобы я позвал охрану и тебя вывели отсюда — или сама уйдешь?

Меня устроят оба варианта.

Развернувшись, Наамит бросилась из кабинета; сердце ее тонуло в слезах.

* * *

Семья Грейси жила всего в пяти минутах ходьбы от Лисманов, но этот район был населен явно куда более богатыми людьми. У дома Даремов, как и у большинства других на улице, имелся небольшой хорошо ухоженный дворик, а тротуар был недавно выметен. Дорожка к входной двери была обсажена розовыми кустами, сейчас голыми. Перед тем как подойти к двери и постучать, Клинт с Ханной обзрели окружающую обстановку. Четверг, день только начинается; время для большинства родителей уходить на работу, а для детей — в школу. Но в этот четверг семья Даремов не была похожа на все остальные семьи. Они оправлялись от ужасного испытания. Для них это утро было временем для исцеления.

И хуже всех сейчас приходилось Грейс, которой предстояло прийти в себя после одной из самых страшных ночей в ее жизни. Ханне очень хотелось, чтобы ей больше никогда не приходилось опять опрашивать этого ребенка, но им требовалась четкая картина того вечера. Из всех четырех людей, которые тогда присутствовали там, она была единственной, кому можно было задать вопросы.

— Кто там? — ответил голос из-за двери. Карен.

Клинт поднес к глазку свой значок.

— ФБР, — отозвался он.

Секунда тишины, а потом они услышали щелчок замка и позвякивание снимаемой цепочки. Дверь открылась. На пороге стояла Карен — в мешковатой футболке и потертых леггинсах, волосы всклокочены. Выглядела она даже еще хуже, чем за день до этого в больнице.

— Доброе утро, миссис Дарем, — поздоровался Клинт. — Я — агент Уард, а с детективом Ханной Шор из полиции Гленмор-Парка, думаю, вы уже знакомы. Можно нам войти?

Карен явно пребывала в нерешительности.

— Зачем? — наконец спросила она.

— Нам нужно задать Грейси несколько вопросов, — ответил Клинт.

— Грейси спит.

— Миссис Дарем...

— Она трижды просыпалась за ночь, с криком, — продолжала Карен, глаза которой наполнились слезами. — Я позволила ей спать у меня на коленях, как младенцу. Ей нужно отдохнуть. Пожалуйста, приходите завтра.

— Карен, — произнесла Ханна как можно более мягко, — Эбигейл похитили. Чем раньше мы выясним, кто ее забрал, тем больше будет шансов вернуть ее домой.

— Но Грейси уже рассказала вам все, что знала!

— Да, но она была на лекарствах и сильно испугана, — сказала Ханна. — Прошу вас. Подумайте о Наамит. Подумайте о том, каково ей сейчас.

Карен кивнула и, ничего не говоря, отступила, давая им войти.

Грейси сидела на коричневом диване в гостиной — сна явно ни в одном глазу, — уставившись в телевизор. Звук был приглушен, и она вроде не уделяла никакого внимания происходящему на экране.

— Грейси, — произнесла ее мать. — Эти люди хотят задать тебе еще какие-то вопросы насчет Эбигейл.

Грейси подняла на них блестящие от слез глаза.

— Вы из полиции? — спросила она.

— Из ФБР, — ответил Клинт.

— А вы видели фотку в «Инстаграме»?

Ханна кивнула.

— Видели.

— Как думаете, они ее отпустят?

— Надеюсь, что Эбигейл скоро будет дома, — осторожно произнесла Ханна.

Карен отошла и вернулась со стулом. Ханна присела на него, а Клинт устроился рядом с Грейси на диване.

— Что вы хотите знать? — спросила девочка.

— Мы хотим еще раз пробежаться по событиям того вечера, — ответила Ханна.

— Ладно.

— Итак, вы были на детской площадке, — начал Клинт. — Ты не помнишь, в какое время вы туда пришли?

— Не знаю. Вроде около восьми. Она должна была встретиться с Ноэлем в восемь.

— А когда появился тот мужчина в лыжной маске?

— Наверное, через несколько минут.

— Можешь его описать? Хоть что-нибудь про него помнишь? — спросила Ханна. — Все, что придет на ум. Он был высокий? Говорил что-нибудь? Держал что-нибудь в руках? Или...

— У него было что-то в руке, — перебила ее Грейси. — Что-то белое.

— Откуда он пришел? — спросил Клинт.

— Из парка.

— А вы где были?

— Мы сидели на качелях, — сказала Грейси. — Ждали Ноэля. Я... я пыталась убедить Эбигейл, что он не придет. Мы уже собирались уходить. А значит, тот мужчина появился уже после восьми. Где-то в начале девятого. — Она посмотрела на них широко раскрытыми глазами. — Это поможет, да?

— Ну конечно же, — отозвалась Ханна. — Значит, он держал в руке что-то белое?

— Да.

— И ты не поняла, что именно?

— Нет.

— А потом что произошло?

— Мы побежали. — Потекли слезы, оставляя на щеках Грейси едва заметные прозрачные дорожки. — Мы испугались!

— Вы совершенно правильно поступили, Грейси, — сказал Клинт. — Ты очень нам помогла. Когда вы побежали, что сделал тот мужчина?

— Погнался за нами.

— Он при этом что-нибудь говорил?

— Я... я точно не помню.

— А потом что?

— Появился второй человек. Бросился к нам, перекрыл выход.

— Перекрыл выход куда? — спросила Ханна, прикидывая в голове примерную схему места преступления. — Куда вы побежали?

— Перекрыл выход обратно на улицу.

— Так что этот второй появился с улицы?

— Да.

— А ты не видела, откуда он появился?

— По-моему... по-моему, он выскочил из фургона, но точно не помню.

— Ладно, — сказала Ханна, пытаясь скрыть напряжение в голосе. — Можешь припомнить тот фургон? Рассказать нам про него что-нибудь?

— Н-нет.

— Припомни улицу. Она была хорошо освещена?

— Нет.

— Хорошо, но фургон ты все-таки увидела. Как?

— По-моему, у него горели фары.

— Ты его заметила, когда он подъезжал или уже когда остановился?

— Я не... Ох... — Глаза Грейси на миг стали отстраненными. — По-моему, и то, и другое. В смысле... Он стоял, а потом выехал со стоянки и подъехал ко входу в парк.

— И когда он попался тебе на глаза, пусть даже всего на секундочку, каким он тебе запомнился? Был он темный или...

— Темный. Типа как... черный или темно-зеленый, по-моему.

Ханна незаметно выдохнула. Эта вроде бы незначительная подробность могла оказаться очень полезной.

— А потом что произошло?

— Мы изменили направление. Попытались бежать в другую сторону. Но было темно, почти ничего не видно, и... и...

— Да?

— По-моему, мы разделились. И они погнались за Эбигейл.

— Оба? — уточнила Ханна, обменявшись взглядом с Клинтом.

— Да. Оба. Один из них глянул на меня, но явно гнался за Эбигейл. И... Не помню, что было потом.

Глава 9

Ханна выбралась из машины Клинта. Недосып все больше давал о себе знать. Покемарить три часа прямо за столом в отделе полиции оказалось явно недостаточно.

Она слегка поежилась. Хотя был уже почти полдень, день выдался из таких, когда ветер проникает в каждый закоулок, свистит в ушах и носовых пазухах, холодит руки без перчаток и вообще делает все мерзким и тоскливым. Из-за погоды и усталости Ханна чувствовала себя напряженной и вспыльчивой. Жутко хотелось под горячей душой.

Они опять находились на месте преступления, надеясь получить четкое представление о последовательности событий, приведших к похищению. Ханна бросила взгляд на почтовое отделение и бензоколонку через дорогу. Почта в тот вечер была закрыта, но заправочная станция работала. Никто там ничего не видел и не слышал.

— Мы на той детской площадке, — послышался рядом голос Клинта. Ханна покосилась на него. Он, нахмурившись, прижимал к уху телефон. Серьезное выражение лица делало его внушительным, сильным. Вдруг подумалось, каково было бы оказаться в его объятиях. Он значительно выше ростом — можно было бы уткнуться головой в ямочку у него под подбородком... Она зарделась, и нахлынувший в лицо жар резко контрастировал с кусачим ветром на коже.

— Полную информацию о беседе с Грейси Дарем предоставлю позже, — сказал он, после чего вновь прислушался.

Наверное, говорит с Манкузо, предположила Ханна, постаравшись выбросить мысли о Клинте из головы. Сейчас не время отвлекаться.

— Они явно очень осторожны, — произнес Клинт через несколько секунд. — Хорошо. Свяжемся позже.

Отключившись, он сказал Ханне:

— Манкузо сказала, что они отследили телефоны, с которых размещались фото в «Инстаграме». Телефоны разные. Одно фото выложено из Бостона, другое откуда-то со сто двадцать восьмой трассы, в двадцати милях к северу отсюда.

— Оба телефона после размещения фото были сразу же выключены? — спросила Ханна.

— Могли бы и не спрашивать.

Они быстро зашли на детскую площадку, обнаружив там единственную няньку с малышом ясельного возраста, сидевшим на карусели, которую она без особой охоты крутила. У обоих был такой вид, будто лучше бы они сейчас оказались в каком-то совершенно другом месте. Физиономия карапуза ясно выражала, что в его яслях карусели уже давно не в моде. В отличие от горок и песочниц. Вот там — настоящие пацаны. Вид у няньки был просто замерзший.

— Вот тут они и ждали этого воображаемого ухажера, — сказал Клинт.

Ханна кивнула, оглядываясь по сторонам и засунув руки в карманы. Главная дорожка уходила в парк, извиваясь между скоплениями деревьев. Деревья росли негусто — сквозь них кое-где даже проглядывала улица.

Как же все это выглядело ночью?

Темно, представила она себе. Холодно. В ту ночь, когда нашли Грейси, на земле лежали отдельные пласты снега. Теперь же они в основном растаяли, а те немногие, что остались, были немногочисленны и редки.

— Фургон припарковался на улице, — продолжал Клинт. — Наверняка где-то вон там. — Он показал на южную часть парка.

— А почему не вон там? — возразила Ханна, протягивая руку к северу, в сторону перекрестка с Клейтон-роуд. — Там больше места для парковки, прямо перед бензоколонкой.

Клинт помотал головой.

— Записи с камер бензоколонки уже просмотрели. Одна из них направлена прямо на стоянку. И там ничего нет.

— Ладно, — сказала Ханна, глядя на точку, указанную Клинтом, и откладывая ее в голове. Потом отвела взгляд в сторону и показала на дерево. — А вот под этим деревом нашли Грейси.

— Так что... девочки ждали вот здесь, а один из похитителей, в лыжной маске, появился на главной дорожке, ведущей из парка, — задумчиво произнес Клинт.

— Верно.

— Девочки побежали в сторону улицы, но второй похититель кинулся им навстречу...

— Остановив фургон прямо перед выходом, — добавила Ханна.

— Точно. Кинулся к ним, и они сменили направление, побежав вон туда. — Клинт вытянул руку в сторону того места, где нашли Грейси. — Дорожки там нет. Девочки разделились, и оба похитителя погнались за Эбигейл.

— И это было неслучайно, — заметила Ханна. — Именно Эбигейл связывалась с тем несуществующим красавчиком. Именно с ней он должен был встретиться. И погнались именно за ней.

— А что если Грейси удалось бы сбежать? И позвать на помощь?

— Не знаю, предусматривал ли это их план, — сказала Ханна. — Но они по-любому действовали достаточно быстро — это наверняка не помогло бы. Так что давайте посмотрим...

— Она сказала, что у преследователя было что-то в руке, — напомнил Клинт. — Что-то белое. Что бы это могло быть?

Ханна посмотрела туда, где они обнаружили Грейси, — в добрых шестидесяти футах от калитки. И Эбигейл была спортсменкой; она успела бы пробежать еще дальше, прежде чем они бы ее поймали. Но на месте не было обнаружено никаких признаков борьбы. Эбигейл, должно быть, вырубил ударом по голове — или, по крайней мере, как-то лишили возможности сопротивляться.

— Тряпка, — предположила Ханна. — С каким-то наркотом.

Клинт на секунду задумался, потом кивнул.

— Похоже на то.

— Итак, один из похитителей прятался в парке, намереваясь усыпить Эбигейл, — продолжала она. — А второй припарковал поблизости фургон и ждал. Эбигейл приходит сюда с Грейси, он появляется, они бегут; оба похитителя гонятся за ними, хватают Эбигейл и усыпляют ее. Относят ее обратно к фургону и уезжают.

Тут Ханна нахмурилась.

— Что такое? — спросил Клинт.

— Они так профессионально спланировали все остальное — неотслеживаемую приманку в виде несуществующего парнишки, отход, требование о выкупе... Напрочь исчезли. Размещали фото в «Инстаграме» каждый раз из нового места, с разных телефонов...

— Угу.

— В организованности им не откажешь, точно?

— Похоже на то.

— Так почему же здесь так напортачили? Накинулись на двух девчонок с одной лишь тряпкой с ка-ким-то наркозом? Гнались за ними в темноте через парк? Каким местом они думали?

Клинт на секунду задумался.

— Они ожидали одну только Эбигейл, — наконец произнес он. — Это подразумевалось как романтическое свидание. Если б она пришла одна, похититель запросто сумел бы незаметно подкрасться к ней. Было темно. Или же рассчитывал заманить ее в какое-то другое место еще одной эсэмэской, а потом сцапать.

— Разумно, — отозвалась Ханна. — Но с двумя девочками...

— Сидящими друг против друга на качелях, — вставил Клинт.

— Он не мог незаметно схватить обеих.

— Хотя это им особо не помешало, — заметил Клинт. — Да, они напортачили, но все равно похитили девочку. А мы до сих пор в темноте.

Тут зазвонил его телефон, и он несколько секунд рылся в карманах, прежде чем вытащить его и ответить.

— Да?

Короткая пауза.

— Прямо сейчас будем. — Он отключился. — Это Манкузо. Криминальный психолог уже здесь. Она хочет услышать, что Грейси рассказала нам про похищение.

* * *

Манкузо и Зои Бентли сидели в штабной комнате, когда вошли Ханна с Клинтом.

— Зои! — воскликнула Ханна, радостно ухмыляясь. — Как вы?

Профайлер встала, тоже улыбнувшись, и пожалала протянутую Ханной руку. Ее темные волосы на сей раз были коротко подстрижены, подчеркивая изящную шею. Потом она отступила на шаг, нацелив на Ханну свой пронизательный взгляд.

Ханну глаза Зои всегда приводили в некоторое замешательство. Они напоминали ей глаза хищника, высматривающие добычу,

предвосхищающие каждое ее движение.

— Порядок. А у вас как дела, детектив Шор? — спросила Зои.

— Отлично! Все совсем неплохо, — отозвалась Ханна, стараясь не отрывать взгляда от неумолимо ввинчивающихся в нее глаз Зои. — Вас привлекли к делу о похищении Лисман?

Бентли покачала головой.

— Боюсь, что нет, — ответила она. — Я по полной программе задействована в деле одного серийного убийцы в Техасе^[17]. Сказать по правде, похищения — не совсем моя епархия, но агент Манкузо попросила меня взглянуть на ваше дело.

Все расселись. Зои раскрыла тоненькую папку, лежащую перед ней на столе.

— Похищение не из стандартных, — начала она. — Это требование о выкупе... Не думаю, что когда-либо слышала о чем-то подобном.

— Ну да, — отозвалась Ханна. — Так что можете сказать про мерзавцев, которые ее похитили?

— Ну... Я уже пришла к кое-каким ключевым выводам, но была бы рада, если б вы поподробней рассказали мне про это похищение. Насколько я понимаю, сегодня утром вы беседовали с ребенком, который был свидетелем всей этой истории?

— Да. С Грейси Дарем, — ответила Ханна. — И мы еще раз съездили на место преступления, чтобы лучше понять ее показания.

— Хорошо, — кивнула Зои. — И что там обнаружили?

Клинт стал вводить Бентли и Манкузо в курс дела, в ходе чего Зои задала несколько вопросов, а Ханна порой перебивала его, чтобы добавить кое-какие подробности. Когда они закончили, профайлер побарабанила пальцами по столу и задумалась.

— Итак, они все тщательно спланировали, — произнесла она после длинной паузы, — но когда что-то пошло не по плану, стали действовать практически наобум.

Ханна кивнула.

— Угу. Мы решили, что они просто не ожидали увидеть на детской площадке сразу двух девочек, ждали только одну.

— Верно! А запасного плана у них не имелось. Хотя не было ничего удивительного в том, что Эбигейл появилась с подругой. И даже если у похитителей и не хватило мозгов этого предположить, у

них обязательно должен был иметься запасной план на случай, если что-то пойдет не так.

— Так что... это свидетельствует об их глупости? — напрямик спросил Клинт.

Зои покачала головой.

— Нет. Они очень организованны, так что я бы сказала, что человек, который все это спланировал, обладает весьма упорядоченным умом. Не исключено, что занимает какую-то административную должность. Но отсутствие планирования на случай непредвиденных обстоятельств указывает на то, что он привык и сам находится под постоянным контролем. У него может быть очень требовательный руководитель, который поручает ему задачи, как говорится, «на один укус», не требующие прогнозирования и рассмотрения различных вариантов развития событий. Если б два похитителя заранее обсудили этот план, то легко пришли бы к мысли о возможности того, что Эбигейл появится с подругой. Это говорит о том, что тот из партнеров, который занимался разработкой плана, наверняка привык лишь получать приказы и не обсуждать их.

— И в итоге мы получаем администратора низшего звена и простого исполнителя, — заключил Клинт.

— Как думаете, они по-прежнему в Гленмор-Парке? — спросила Манкузо.

Зои пожала плечами.

— Понятия не имею. А где фургон?

— До сих пор не знаем. Нет никаких свидетельств того, что он выехал за пределы города в ночь похищения, и наши агенты дежурят на обоих выездах с автомагистрали, отслеживая транспорт, — сказала Манкузо. — Есть и несколько второстепенных дорог, но мы исходим из предположения, что фургон по-прежнему где-то в городе. Думаем, что они могли пересесть в какую-то другую машину. Так что ищем этот фургон на территории Гленмор-Парка.

Зои прикусила губу.

— Ну не знаю... — произнесла она. — Тот, кто занимался планированием, не мог просто бросить его где-то в городе. Это было бы слишком неорганизованно. Этот момент он тоже должен был предусмотреть в плане.

— Его могли загнать в гараж в каком-нибудь частном доме, — предположил Клинт. — Не исключено, что похитители — жители Гленмор-Парка.

— Звучит разумно. Что же касается требования о выкупе... — Зои нахмурилась. — Есть что-то садистское в самом способе подачи. Садистское и вызывающее. Тот, кто его составил, уверен, что никогда не попадется, что его план безупречен.

— Пусть даже они уже на собственном опыте убедились, что может произойти что-то непредвиденное, — заметила Ханна.

— Верно. Так что мы говорим о завышенной самооценке. А еще я несколько раз просмотрела распечатки общения в чате с так называемым Ноэлем. Тот, кто это писал, хорошо знал, как общаться с двенадцатилетней девчонкой. Правда, есть места, в которых я заметила небольшие обмолвки, вроде использования слегка устаревших сленговых словечек или отсутствия принятых в интернете аббревиатур, но в общем и целом все выглядит довольно натурально. Думаю, что разработчику плана лет двадцать пять или около того. Что вполне сообразуется с завышенной самооценкой.

— Я знаю пожилых людей с крайне завышенной самооценкой, — вставил Клинт.

Зои пожала плечами.

— Обычно не до такого уровня, граничащего с глупостью. Отправка требования о выкупе подобным способом — это глупо. Это рискованно. И опять-таки, я не уверена, но все же думаю, что это человек не старше тридцати. И наши попытки связаться с похитителями полностью проигнорированы, насколько я понимаю?

Манкузо кивнула.

— Мы отправили им несколько сообщений в «личку» и попробовали прокомментировать размещенные посты. Ноль внимания.

— Это интересно. Изначально я думала, что он использовал «Инстаграм», чтобы повыделываться, получить свои пятнадцать минут славы. Но если б дело было в этом, он стремился бы постоянно напоминать о себе, чтобы показать нам, какой он молодец. А поскольку он этого не сделал, я думаю, что дело вообще не в нем. А в родителях Эбигейл. Тот, кто все это затеял, хотел побольней задеть ее родителей — причем сделать это публично.

— Да уж, реальная сволочь, — сказала Ханна.

— Обычная сволочь оставляет злобный комментарий на вашей странице в «Фейсбуке» и обсуждает вас за вашей спиной, а не похищает вашего ребенка и злорадствует по этому поводу, — заметила Зои. — Этот человек ненавидит одного или обоих родителей Эбигейл. Ищите того, кто хорошо их знает.

— Вы уверены? — спросила Ханна.

— Ну, трудно быть стопроцентно уверенной в моей профессии, — ответила Зои. — Хотя да, я довольно уверена, что когда вы найдете этого человека, то это окажется кто-то из знакомых родителей, у которого есть какая-то причина их ненавидеть.

Ханна и Клинт обменялись взглядами.

— В таком случае, — заключила Шор, — нам нужно еще разок пообщаться с Наамит и Роном.

* * *

Ханна чуть ли не кожей ощущала эмоциональные потоки, омывающие дом Наамит и Рона, когда они с Клинтом подъехали к нему.

— Вы как? — спросил Клинт, озабоченно посмотрев на нее.

— Нормально, — отозвалась Ханна, вздохнув. — Я просто... Всякий раз, когда захожу туда без их дочери, я чувствую их разочарование и страх. Особенно в Наамит.

— Вы вообще хорошо их знаете?

— Наамит я видела несколько раз дома у своей матери. Они с мужем иногда заглядывают к нам по всяким семейным случаям. — Ханна крепко переплела пальцы. — Знаю я ее не слишком хорошо, но она очень хорошая женщина, и я слышала, как она отзывается о своей дочери. Она всегда так гордится ею... И стремится защитить. Просто не могу представить, каково ей сейчас приходится.

Клинт положил ей руку на плечо.

— Не стоит и пытаться, — сказал он. — Это дело вашей мамы — помочь подруге справиться с горем. А ваша работа — вернуть Эбигейл домой. Вы не сможете это сделать, пытаясь сочувствовать Наамит.

— Вы правы, — согласилась Ханна, которой это прикосновение словно прибавило сил. — Ну ладно, пошли.

Они выбрались из машины. Ханна, чувствуя слабость в ногах, пропустила Клинта вперед. Это все усталость, подумала она. Сегодня надо обязательно поспать, пусть даже разум настаивает на том, что ей не следует ложиться в постель, пока Эбигейл не будет найдена.

Клинт постучал в дверь. Через несколько секунд им открыли.

Ханна даже вздрогнула от удивления. На пороге стояла ее мать. Было просто дико видеть перед собой материнское лицо на работе. Ее зеленые глаза, такие же, как у Ханны, сияющие в свете садящегося солнца, были полны печали. Седые волосы, как всегда безукоризненно уложенные, волнами спадали на плечи. Ханне не сразу удалось привести в порядок столкнувшиеся в голове слова.

— Привет, ма, — наконец сказала она. — Мы приехали поговорить с Наамит и Роном.

— Конечно, солнышко, — отозвалась та мягким и грустным голосом. — Заходите.

Она провела их внутрь, в гостиную. Там сидели Рон и Наамит, с какой-то незнакомой Ханне женщиной.

— Ханна, это Дебра, — произнесла ее мать. — Она работает с Наамит.

Дебра встала и обменялась с Ханной рукопожатием. Она была довольной высокой, ее угольно-черные волосы были завязаны в косу на затылке. Она могла бы показаться красивой, если б не оспины на лице — наверное, последствия тяжелого случая подросткового акне. Ее карие глаза были широко раскрыты, губы искривлены от беспокойства.

— Здравствуйте, Ханна.

— Ханна — моя дочь, — объяснила ее мать. — Детектив.

Они обменялись многозначительными взглядами. Ханна поняла, что ее, должно быть, недавно обсуждали.

Все уселись, а ее мать направилась в кухню готовить кофе.

— Есть хоть какое-то продвижение? — слабым голосом спросила Наамит. Вид у нее был совсем прозрачный: бледная, худая, под глазами черные мешки... Рон держал ее за руку, поглаживая по ней. Ханна посочувствовала ему. Он явно не знал, что сказать или сделать.

— Мы получили более полное описание машины, которой воспользовались похитители, — сообщила Ханна. — И сейчас ее ищем. Мы уверены, что она не выезжала из города.

— Так что, они до сих пор в Гленмор-Парке? — спросила Наамит.

— Это одна из наших основных версий, — ответила Ханна, лишь более или менее придерживаясь правды. — И сегодня мы встречались с криминальным психологом. Она считает, что Эбигейл похитил кто-то, хорошо знающий вас или Рона.

— Знающий нас? — Наамит заморгала. — В каком это смысле?

— Она думает, что основной мотив похитителя — причинить вам боль, — сказала Ханна.

— Какой ужас! — потрясенно воскликнула Дебра.

— Вам не приходит в голову кто-то, у кого может быть причина ненавидеть кого-то из вас? — спросила Ханна.

— Нет, конечно же, нет, — уверенно ответил Рон. — Мы не из тех людей, у кого есть враги. Мы ни с кем не вступаем в конфронтацию. Все наши знакомые — порядочные люди. Я просто не могу представить, чтобы...

— Мы хотим убедиться, что проверили все возможные варианты, — перебил его Клинт. — Ничуть не сомневаюсь, что ваши знакомые — достойные люди, но попробуйте припомнить любые ссоры, любые разногласия...

Рон медленно покачал головой.

— А как насчет человека, которого ты уволил? — спросила вдруг Наамит. — Как там его звали? Хэл!

— Это же было три года назад, — произнес Рон, нахмурившись. — И он был неплохой мальчик, он никогда бы не...

— Как его полное имя? — спросила Ханна.

— Хэл Мур, — ответил Рон. — На фабрике начались сокращения. У меня под началом было шестеро, и мой начальник сказал, что одного мне придется уволить, так что я уволил Хэла. Но это было давным-давно.

— Нам нужна полная уверенность, — опять объяснила Ханна. — Кто-нибудь еще? Не может это быть кто-то из ваших родственников или же кто-то из совсем далекого прошлого — может, даже тот, с кем вы вместе ходили в школу, с кем встречались... — Ханна почувствовала, как при этих словах Наамит напряглась, и повернулась к ней. — Кто-то, кому вы дали от ворот поворот? Кто-то, кто был от вас без ума?..

Наамит покачала головой.

— Сожалею, но... — произнесла она.

— Вам может казаться, что это неважно, — вмешался Клинт, — но вы просто удивитесь, какие странные вещи порой творят люди вроде бы из-за совершеннейших пустяков.

Молчание заполнило комнату. Мать Ханны вошла с двумя кружками в руках.

— Агент Уард, я не знаю, какой кофе вы пьете...

— Спасибо, но нам пора ехать, — сказал Клинт, вставая.

И хотя очень хотелось кофе, Ханна тоже встала. Кофе можно будет выпить и в ближайшем «Старбаксе».

— Если что-нибудь еще придет в голову, пожалуйста, дайте нам знать, — сказала она — и многозначительно посмотрела на Наамит, произнося эти слова. Интересно, подумала Ханна, не почудилось ли ей? Почти показалось, будто эта женщина что-то скрывает.

Выйдя из дома, они уже подходили к машине Клинта, когда услышали позади чей-то голос. За ними спешила Дебра, дробно стуча каблуками по тротуару.

— Подождите, пожалуйста! — Переведя дыхание, она откашлялась и продолжила: — Наамит — добрая душа. Слишком добрая. И зачастую не видит того, что творится прямо у нее перед носом.

— Чего не видит? — уточнила Ханна.

— Мы работаем в небольшом кадровом агентстве, — начала объяснять Дебра. — Нас пятеро. Наамит начала работать там после всех нас, четыре года назад.

Ханна кивнула, ожидая продолжения.

— Наш менеджер год назад уволился, и владелец решил дать Наамит повышение, — продолжала Дебра. — Она это заслужила. Она — отличный руководитель.

— Но кто-то был с этим не согласен, — подсказала Ханна.

Дебра кивнула.

— Мелани Пул считает, что это ее должны были повысить. И подкапывается под Наамит при первой же подвернувшейся возможности. Просто ненавидит ее после этого.

— Спасибо, — сказала Ханна. — Мы это проверим.

— Наамит — моя лучшая подруга, — произнесла Дебра со слезами на глазах. — У меня... был выкидыш два года назад, и она

очень меня поддержала. И точно так же поддержала, когда этот мерзавец, мой муж, меня бросил. Я просто не могу смотреть, как она страдает!

— Мы сделаем все возможное, чтобы вернуть ее дочь целой и невредимой, — заверила ее Ханна, не повышая голоса.

— Спасибо вам, — ответила Дебра, шмыгнув носом. — Мне... мне, наверное, лучше вернуться к ним. Ваша мать говорит, что вы просто блестящий детектив. Я знаю, что вы обязательно вернете Эбигейл.

И, развернувшись, она вошла обратно в дом.

— Итак, — резюмировал Клинт, — у нас есть два имени: Мелани Пул и Хэл Мур. Кем займемся первым?

— Ни одно не выглядит особо многообещающе, — пробормотала Ханна. Некая мысль промелькнула где-то в самой глубине головы. Новая зацепка.

— Ну, по-любому придется проверить, — произнес Клинт. — Зои сказала...

— Погодите-ка, — медленно проговорила Ханна. — Еще раньше... Мы говорили про фургон. А Зои сказала, что вряд ли они его так вот просто бросили. Это слишком неорганизованно, да?

— Ну да, а я сказал, что его могли загнать в какой-то частный гараж.

— Верно. Но они очень тщательно замели любые следы, которые могли привести к ним, — избавились от телефонов, надели лыжные маски... эти ребята были крайне осторожны.

— Это вы к чему?

Ханна прищурилась.

— А как насчет того, чтобы избавиться от фургона на автомобильной свалке? — спросила она.

Глава 10

Ховарду Карсону только что стукнуло сорок, и он в полном восторге предвкушал заготовленный парнями сюрприз. Ну, вообще-то сюрпризом это можно было назвать с большой натяжкой — всем, кому исполнялось сорок, у них было принято заказывать стриптизершу, с того памятного дня рождения Тони. Но элемент сюрприза все-таки имелся: она могла предстать перед ним в наряде чирлидерши с веерами в руках или в ковбойских клешах с револьверами на поясе, выскочить из огромного торта или из большой подарочной коробки, перевязанной ленточкой, строить из себя шалаву или целку... Словом, вариантов много. Естественно, супруга явно не одобрила бы подобный подарок друзей, вот потому-то он сто раз повторил всем, что в день рождения будет работать допоздна. В своем офисе. Один.

Карсон и вправду возился с какими-то бумагами, хотя дело продвигалось туго — да и вообще никак не продвигалось, честно говоря, поскольку восторг туманил мозги. Он уже сто лет не видел прямо перед собой женских сисек, не считая сисек собственной жены. Кроме того, знал, что при желании возможен и «приватный танец» у него на коленях, и от этой перспективы приятно кружилась голова.

Открыв бутылку пива, уже третью за последний час, Ховард основательно приложился к ней. А когда кто-то постучал в дверь, чуть не смахнул бутылку со стола — настолько поспешно вскочил с места и бросился к двери.

— Кто там? — спросил он, слегка дав петуха и глуповато ухмыляясь. Заглянул в глазок.

Поначалу именинник был разочарован. Перед дверью стоял здоровенный чернокожий детина в серой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и черных брюках — явно не то, что ожидалось. Но тут он углядел сбоку от него женщину. Симпатичную, миниатюрную, с темно-каштановыми волосами и милейшим ротиком. На любителя, конечно, но Ховарду нравились миниатюрные женщины, и его дружба отлично это знали.

Здоровяк сунул к глазу значок.

— ФБР! — объявил он. — Пожалуйста, откройте дверь.

Ухмылка Ховарда растянулась до ушей. Так вот в чем был сюрприз! «Агент ФБР»! А черный — наверняка ее звукарь со стереосистемой и по совместительству охранник, дабы клиенты не лапали товар. Карсон относился к таким вещам с пониманием. Нынешний мир полон психов. Исполнять стриптиз — довольно рискованное занятие.

Открыв дверь, он сделал им ручкой. Потом прошел к своему письменному столу, ухватился за свое кресло и выкатил его на середину комнаты, где была бездна пространства для «танца на коленях». Уселся и выжидающе посмотрел на стриптизершу.

— Мистер Карсон? — спросила она.

— Да, это я, — игриво отозвался он. — Но можешь звать меня просто Хови.

Она подняла брови.

— Мистер Карсон, я детектив Шор из отдела полиции Гленмор-Парка, а это агент Уард из ФБР.

— Просто классно! — Он хлопнул себя по ляжкам. Отлично играет свою роль! Карсон был рад, что заранее приготовил изрядную сумму наליком для чаевых.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов, — продолжала красотка. — В связи с... С вами всё в порядке?

— Лучше не бывает!

— Что-то вы какой-то раскрасневшийся... — Женщина подозрительно прищурилась. — И дрожите весь... Вы из-за чего-то нервничаете, мистер Карсон?

— О, ничуть, уверяю вас! — Он ухмыльнулся. — Хови Карсон в полном восторге!

— Гм... Ладно, — сказала она. — Мистер Карсон, мы ищем одно транспортное средство, оставленное на вашей свалке. Темный фургон.

— И что вы сделаете, если его найдете? — Хови выгнул брови, надеясь, что черный парень сейчас ткнет на кнопку «Воспроизведение». Предвкушение и ролевая игра — все это, конечно же, замечательно, но он уже вовсю представлял себе голые ляжки женщины, оседлавшей его, и ее груди, уткнувшиеся ему под нос.

— Сэр, данный конкретный фургон был доставлен сюда во вторник вечером или в среду утром, — продолжала она.

Еще секунду он продолжал ухмыляться, все еще представляя себе ее кремовую голую кожу. А потом мозг стал отмечать кое-какие детали. Для начала: маскарад был не из лучших. На ней нет ничего сексуального, даже лицо не накрашено. Во-вторых, во вторник вечером сюда действительно пригнали темный фургон, который по ряду причин ему очень хорошо запомнился.

Это не стриптизерша.

Ховард и не сознавал, что у него эрекция, пока она не увяла до нуля.

— Мистер Карсон?

— Д-да... Да, конечно. — Он встал, ощущая дрожь в коленках, и неловко рылся в бумагах на столе, пока не нашел нужный бланк. — Вот. Был такой фургон. «Шевроле Экспресс». Зарегистрирован на мистера Джона Смита.

Когда он протянул им бланк, агент Уард и детектив Шор обменялись взглядами. Выдернув у него из руки единственный листок, Шор быстро его просмотрела.

— Тут написано «утилизирован», — заметила она.

— Верно, — подтвердил Ховард. Настроение у него окончательно упало.

— Что это значит?

— Значит, что кузов расплюсчен прессом и продан на металлолом.

— Вы всегда утилизируете пригодные для эксплуатации машины?

— Нет, но тот человек так попросил, — объяснил Ховард. — И хорошо за это заплатил.

— И что вы делаете с расплюсченными кузовами? — спросила детектив Шор.

— Продаю их на склад металлолома, с которым работаю.

— Ну, а с остальными частями?

— Мотор я продал другому клиенту. От остального избавился.

— А вы можете описать... — Но тут их прервал стук в дверь.

Вздыхнув, Ховард направился к двери и распахнул ее. На пороге стояла еще одна красотка с полицейским значком на груди.

— Прошу, — мрачно сказал он. — Ваши коллеги уже здесь.

Она вошла, цокая по полу высокими каблуками, — высокая, худая блондинка, в очень короткой юбке и сетчатых чулках, со здоровенным бумбоксом под мышкой.

Ховарду понадобилась секунда, чтобы понять, что происходит.

— Погодите... — начал было он.

— Мистер Карсон? — шелковым голоском уточнила девица. — Вы были очень плохим мальчиком! — Посмотрев на агента с детективом, она подмигнула.

— Послушайте, мне нужно...

— Боюсь, что мне придется вас арестовать! — продолжала девица. — За то, что вы слишком сексуальный!

С этими словами она ткнула в кнопку на бумбоксе, и комнату наполнила мягкая ритмичная музыка. Поставила аппарат на пол, не переставая выпячивать губы в сторону Ховарда. Тот застыл, омертвев, неспособный остановить разворачивающееся перед ним действие. Детектив с агентом с изумленным выражением на лицах выпучили глаза. Хотя вмешиваться, судя по всему, не собирались.

Стриптизерша заизвивалась в манере, которую буквально пятнадцать минут назад Ховард считал бы весьма соблазнительной; ее пальцы поползли к верхней пуговке блузки. Прежде чем это безобразие успело продвинуться хоть сколько-то дальше, он рухнул на колени и принялся истерически тыкать во все кнопки стереосистемы, пока та наконец не умолкла.

— Пожалуйста, — вымолвил Карсон, тяжело дыша. — У меня тут еще кое-какие дела.

— Ой, — опешила стриптизерша. — Чувак, который мне звонил, сказал в половину седьмого, так что...

— Агент Уард, — официальным тоном обратилась к своему спутнику Шор, — излишняя сексуальность не является нарушением общественного порядка в Массачусетсе, так что это явно не в пределах моей юрисдикции. Может, это федеральное преступление?

— Нет, насколько мне известно, — отозвался агент Уард.

— Вам повезло. — Шор жизнерадостно улыбнулась Ховарду. — Не думаю, что вы под арестом. Но нам и вправду нужно задать вам несколько вопросов, мистер Карсон.

Ховард мрачно кивнул. «Худшего дня рождения в жизни не припомню!»

— Итак, — продолжала Шор, — человек, который назвался Джоном Смитом, приезжает сюда во вторник вечером и хочет утилизировать свой фургон — вообще-то даже настаивает, чтобы этот

фургон был пущен на металлолом, а не продан во вторые руки, — и дополнительно за это платит. Можете вы описать человека, представившегося как Джон Смит?

— Конечно, — сказал Ховард. — Он был чуть повыше меня, в темной одежде. И в лыжной маске.

— В лыжной маске, — сухо повторил агент.

— Угу.

— И он ни разу ее не снял?

Ховард пожал плечами.

— Ночь была холодная.

Тут подала голос мнимая полицейская:

— Это выглядит крайне подозрительно.

Шор ухмыльнулась.

— Как справедливо подметила офицер... Как вас зовут?

— Кэнди, — ответила стриптизерша.

— Как справедливо подметила офицер Кэнди, это выглядит крайне подозрительно. Вам это не показалось странным?

Ховард вздохнул.

— Послушайте, у людей бывают странные запросы, согласны? Я не лезу в их личные дела. Если машина зарегистрирована на них, я делаю то, о чем меня просят.

— Вы сказали, что ночь была холодная, — вмешался агент Уард. — В какое время он сюда приехал?

— Около девяти, может, чуть позже, — ответил Ховард.

— Это довольно поздно, — заметила детектив.

— Он позвонил заранее, за несколько часов, — объяснил Ховард. — Предупредил, что припозднится. Я ждал его.

— Похоже, что этот чувак пытался избавиться от спалившейся тачки, — вмешалась Кэнди. — И Джон Смит?.. Это явно левое имя.

— Офицер Кэнди, вы крайне проникательны. Далеко пойдете, — заметила Шор. — С ним был кто-нибудь еще? Никто не ждал на улице?

— Никого с ним не было, — ответил Ховард. — А насчет улицы не знаю.

— Должен был кто-то быть, — заметила Кэнди. — Как бы он иначе добирался домой? Вы не видели, кто его забрал?

— Гм... — Ховард помедлил, не совсем понимая, должен ли он отвечать на вопросы стриптизерши. Но Шор с агентом невозмутимо смотрели прямо на него. — Я не видел, кто его забрал. Может, он взял такси.

— А вы не видели...

— Спасибо, офицер Кэнди, — вмешалась Шор, — пожалуй, с этого момента я сама продолжу. — Она опять повернулась к Ховарду. — Мне нужно название склада, на который вы сдали сплюснутый кузов, данные клиента, которому вы продали мотор, а также бланк, который заполнил этот парень. Если у вас есть записи с камер наблюдения за тот вечер...

— Нету, — ответил Ховард, жалея сам себя. Он теперь никогда больше не сможет сходить в стрип-клуб, чтобы в голове не всплыл этот дурацкий случай. Они разрушили все его представления о стриптизе навсегда.

— Ну что ж, нам нужно абсолютно все, что у вас есть с того вечера. Ордер на обыск я получу без проблем. — Детектив Шор обворожительно улыбнулась. — Мы можем попросить офицера Кэнди сгонять за ним.

— Нет нужды, — буркнул Ховард.

Поднявшись с пола, он отдал им копии всех документов на машину, а Кэнди смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Когда детектив с агентом повернулись уходить, она спросила:

— Ну что, как насчет танца на день рождения?

Шор обернулась.

— Так у вас день рождения?

— Угу, — отозвался Ховард, уставившись в пол.

— Ну что ж, поздравляем! — жизнерадостно произнесла она и вышла в дверь. Агент последовал за ней.

* * *

Когда они возвращались в город, уже стемнело, небо было достаточно затянуто облаками, чтобы поглотить луну. Никто не задерживался на улицах — кусачий холод загнал всех по домам. Ледяной воздух ухитрялся просачиваться и внутрь машины, но Ханне

было тепло. Охотничий азарт подогревал ей кровь, когда она прокручивала в голове все, что удалось выяснить. У них была правдоподобная цепь событий и данные фургона, использовавшегося при похищении. Приведет ли это их куда-нибудь? Не исключено, если похититель проявил неосторожность, когда покупал его.

Напряжение сковывало ее тело, кулаки сжимались, пока Ханна перебирала улики у себя в голове, пытаясь отыскать не заданные еще вопросы, недостающие детали головоломки, зацепки и ниточки.

— Вы как, нормально? — спросил Клинт.

Она стиснула зубы.

— Ага. — Попыталась расслабиться. Улыбнулась ему. — Я порой проявляю излишнюю ревностность, когда работаю над делом. Это когда-нибудь сведет моего напарника с ума.

— Вашего напарника?

— Детектива Глэдвина. Вы с ним не знакомы?

— Нет.

— Он вам понравится. Он человек более покладистый, чем я.

Клинт улыбнулся в ответ.

— А кто сказал, что мне нравятся покладистые люди?

— Ну, обычно они всем нравятся, — сказала Ханна.

— Мне очень нравится ваш ревностный подход к делу, — негромко произнес Клинт.

Ханна зарделась, пытаясь не обращать внимания на легкое покалывание в затылке.

— Спасибо.

В тесном пространстве машины аромат Клинта так и обволакивал ее. Он использовал какой-то не очень пахучий одеколон, напомнивший Ханне о кедровых деревьях, поливаемых летним ливнем. И вновь ей представилось, как он обнимает ее, но на сей раз эти образы оказались куда как более живыми и яркими. Она едва ли не наяву почувствовала его пальцы, скользящие по ее щеке, его губы, касающиеся ее кожи...

— Не хотите поговорить о деле, обсудить детали? Можем сделать это за ужином. Это поможет вам немного расслабиться. Если вы... излишне напряжены.

Ханна бросила на него взгляд — на его красивое лицо, широкие плечи — и ощутила, как ее тело реагирует, меняет свой ритм. Мозг

утихал, инициативу брало на себя сердце, возбужденно колотясь в груди.

— Что у вас на уме? — спросила она.

— Сам не знаю. — Он позволил своему взгляду задержаться на ней. — Есть тут в округе что-нибудь приличное?

— Конечно, — отозвалась Ханна. — Здесь направо.

Агент свернул.

— Не замерзли? — спросил он. — Можно прибавить тепла.

— Нет нужды. — Она слегка поежилась, но не от холода. — А на следующем перекрестке налево.

— Так... куда мы едем? Не в то заведение с пиццей, насколько я понимаю? — спросил Клинт.

Ханна ничего не ответила, уставившись в боковое стекло. Подняла руку, чтобы заткнуть выбившуюся прядь волос за ухо, а потом замешкалась и позволила руке упасть на колени. В голове бурлили образы и чувства. Нервы обострились до предела, почти обнажились.

Она была практически уверена, что Клинт тоже ее хочет. Или она это только себе вообразила? Флирту-ет ли он с кем-нибудь время от времени? Ханна попыталась припомнить недавний разговор с Зои. Вел ли он себя так же и с ней? Точно так же едва заметно улыбался Зои, как и ей? Вроде нет, но она не была в этом окончательно уверена.

Автомобиль медленно свернул на Лагуна-стрит, в маленький жилой микрорайон неподалеку от отдела полиции. Здесь находился небольшой продовольственный магазинчик, в который Ханна время от времени заглядывала, чтобы купить бублики или горячие булочки. Сейчас он не работал, что было ей только на руку.

— Остановите вон там, — попросила Ханна, показывая на маленький переулок, в котором обычно парковались грузовики, доставлявшие припасы в магазинчик. Переулок купался в тени, практически скрытый с улицы.

К ее облегчению, Клинт не стал спорить или спрашивать зачем. Просто, следуя ее указаниям, зарулил в темный переулок и остановил машину. Мотор еле слышно шелестел под капотом.

Ханна повернулась, чтобы улыбнуться ему.

— Ну, вот и приехали, — сказала она.

Он огляделся по сторонам, потом посмотрел на нее, не говоря ни слова. Привалившись к нему, Ханна протянула руку и вырубил мотор.

Их лица оказались в каких-то дюймах друг от друга. Клинт пристально посмотрел на нее, слегка раздвинув губы. Ханна слегка запрокинула голову, наклонившись вбок, чтобы его губы соприкоснулись с ее губами. Когда они встретились, она ощутила волну возбуждения и тепла, омывшую тело. Ее язык чуть толкнулся вперед, найдя его язык. Ханна все еще гадала, где-то в глубине головы, не оттолкнет ли он ее сейчас от себя. Чуть подалась назад, чтобы заглянуть ему в лицо, но Клинт ухватил ее за затылок, привлек ближе и столь же жарко ответил на поцелуй. Обнял ее за талию, и его пальцы были сильны и настойчивы, когда он притянул ее всем телом к себе.

Она закинула на него ногу, оседлав его, жадно глядя его обеими руками; ее пальцы исследовали его тело. Ханна резко выдохнула, когда его рука прокралась под лифчик, глядя сосок. Быстро сняла блузку, стукнувшись локтем о руль и даже не обратив на это внимания — не замечая неудобства, тесноты и холода и полностью отдаваясь нахлынувшему удовольствию.

* * *

Все еще устроившись у него на коленях, она ухмыльнулась ему. Оба были голые, хотя штаны Клинта болтались у лодыжек.

— Проверь-ка окна, — произнес он.

Оглядевшись по сторонам, Ханна рассмеялась. Все стекла машины совершенно запотели — было невозможно хоть что-то сквозь них разглядеть. На водительском остался смазанный отпечаток ее ладони. Она смутно припомнила, как оперлась на него, пока волны удовольствия омывали тело. Прямо как Кейт Уинслет^[18].

— Думаю, теперь ты можешь отвезти меня к моей машине, — произнесла Ханна сонным голосом.

— Ладно.

Несколько секунд они молчали.

— Мне типа как ноги для этого нужны, — наконец произнес Клинт. — И будет трудно смотреть на дорогу, когда твое тело загораживает обзор.

— У тебя проблемы с моим телом?

— Только когда я пытаюсь вести машину.

— Хорошо, — вздохнула Ханна. Вернувшись на пассажирское сиденье, она принялась искать свою разбросанную одежду. Трусы нашлись на приборной панели, блузка и брюки — на полу. А вот лифчик как сквозь землю провалился.

— Поищем его на стоянке, где есть свет, — предложил Клинт. Он уже успел натянуть штаны и рубашку, хотя все еще не застегнул ее. Ханна бросила еще один взгляд на его грудь. М-да, агенты ФБР держат себя в неплохой физической форме...

— Конечно, — сказала она. — А еще лучше поискать лифчик возле отдела полиции. Если появится мой начальник, мы объясним ему, что ищем улики.

Клинт завел машину и включил печку, дожидаясь, пока очистятся стекла.

— Так ты сейчас домой? — спросил он.

— Ну, уже поздно, — заметила Ханна.

— Угу.

— Добро пожаловать ко мне, — сказала она. — Я могу приготовить нам спагетти.

Он улыбнулся ей.

— Звучит заманчиво.

* * *

Эбигейл проснулась от скрипа двери. Она лежала на кровати, все еще закрыв глаза; ее разум и тело словно онемели, затопленные отчаянием и страхом. Она больше не могла видеть своих похитителей, не могла видеть этот проклятый подвал. Пока глаза оставались закрытыми, можно было представлять себе, будто она в своей собственной комнате, лежит на кровати, ждет, пока мама не позовет ее ужинать... Вот только у нее в комнате не пахнет пылью, плесенью и мочой, как в этом подвале. И ее кровать не такая жесткая и неудобная.

Послышались шаги. Это опять мужчина. Мужчина не такой жуткий, как женщина. Эбигейл ненавидела их обоих, но женщину ненавидела сильнее. Она услышала, как он приближается, потом останавливается.

— Ты совсем ничего не ешь, — произнес он.

Эбигейл открыла глаза, повернула к нему голову. Мужчина смотрел на пол, где лежали два последних сэндвича, нетронутые. У нее больше не было аппетита, она не могла заставить себя глотать сухие, безвкусные сэндвичи. И практически ничего не пила. Питье приводит к использованию ведра в углу, чего ей жутко не хотелось. Эбигейл чувствовала, как тело слабеет, а в голове глухо пульсирует — как и всегда, когда она пропускала еду. Но ей было на это плевать.

В руке у мужчины был третий сэндвич. Он посмотрел на него, потом на нее; его закрытое маской лицо было совершенно нечитаемым.

— Тебе нужно есть, — сказал он.

Эбигейл слегка шевельнулась. Подразумевалось пожатие плечами, но, лежа на кровати, плечами особо не пожмешь.

Мужчина вздохнул, потом наклонился и подобрал два несъеденных сэндвича. Вышел из комнаты с тремя сэндвичами в руках, заперев за собой дверь.

Эбигейл попыталась опять заснуть. Не было ничего хорошего в том, чтобы лежать так без сна. Когда она спала, время шло быстрее. Может, кто-нибудь отыщет ее. Может, похитители вернут ее домой. Время было ее другом. Эбигейл подумала про Грейси. Странно, она и не вспоминала о подруге до этого момента. Они пытались убежать от похитителей вместе. Удалось ли это Грейси? Дома ли она сейчас, гадают ли, что случилось с ней?

Сейчас она сделала бы все, только чтобы поговорить с Грейси. Ее подруга всегда поднимала ей настроение. У нее был такой позитивный подход к жизни! Она бы заметила, что похитители постоянно ее кормят и не снимают масок — значит, наверняка намереваются освободить ее в будущем. Грейси наверняка привела бы статистику, доказывающую, что большинство похищений заканчивается хорошо. У подруги всегда были припасены какие-нибудь статистические данные. Эбигейл почти улыбнулась, представив себе выражение лица Грейси, когда та говорит: «Ты в момент будешь дома и станешь самой популярной девочкой в школе! Всем захочется дружить с Эбигейл Лисман — девочкой, которую однажды похитили».

Время шло. Дверь открылась опять. На сей раз Эбби никак на это не отреагировала, продолжая держать глаза закрытыми и отвернувшись.

Только вот запах заставил ее передумать. Это был аромат печеного теста и плавленого сыра — запах, который любой ребенок ни с чем не спутает. Запах пиццы.

Эбигейл открыла глаза. Мужчина шагнул к кровати, держа на руке коробку с пиццей. Она села, а он положил коробку на кровать и открыл ее. Пицца была все еще горячая и исходила паром. Коробка зелено-красная, с логотипом, который она не смогла опознать, но вывод из этого следовал ясный. «Меня держат где-то неподалеку от пиццерии». А значит, она в городе, может, даже в Гленмор-Парке. Если получится сбежать, можно будет добраться до какого-то безопасного места, позвонить в полицию или родителям...

— Ешь, — произнес мужчина.

Лучик надежды забрезжил в мозгу, а с ним вернулся и аппетит. Эбигейл осознала, что смертельно проголодалась. Пицца пахла просто божественно. Взяв дрожащей рукой ломтик, девочка сразу откусила здоровенный кусок. Вкус изумительный. Это была лучшая пицца, которую она пробовала за всю свою жизнь.

Порывшись в пластиковом пакете, висящем у него на руке, мужчина вытащил банку «Кока-колы», которую передал ей. Жадно прикончив ломтик пиццы, Эбигейл открыла банку и прикинула к ней, наслаждаясь внезапной сахарной волной. Подхватила второй ломоть и впиалась в него зубами, подняв лицо и встретившись взглядом с мужчиной. Тот как-то странно смотрел на нее. Было трудно понять, о чем он думает. Люди всегда говорят, что можно различить эмоции в человеческих глазах, но Эбигейл поняла, что если человек в маске, если не видно его рта, или носа, или лба, то просто невозможно догадаться, какие чувства он испытывает.

— Спасибо, — пробубнила она, проглотив откушенный кусок.

— Пожалуйста, — отозвался мужчина. — Ну что, получше стало?

— Угу.

— Ну вот и отлично. Важно, чтобы ты ела.

— А вы скоро отправите меня домой? — выпалила она.

Мужчина замешкался.

— Скоро, — наконец произнес он. — Да. Не сегодня, но скоро.

Кивнув, Эбигейл откусила еще кусок. Интересно, подумала она, не врет ли он? Стоит ли попытаться сбежать? Тут где-то неподалеку пиццерия...

Вытащив телефон, мужчина нацелил его на нее. Вспышка ослепила ее, и он убрал телефон.

— Зачем вы меня фоткаете? — спросила Эбби.

— Чтобы твои родители знали, что ты жива и здорова.

Ее родители знают, что она жива! Эбигейл и не сознавала, насколько обеспокоена тем, что они могут этого не знать. Если они знают, что она жива, то не перестанут ее искать.

Он не должен был ей этого говорить. Это было проявление доброты.

— Спасибо, — сказала она.

Мужчина кивнул и поднялся.

— Не ешь слишком быстро, — посоветовал он. — Не то затошнит.

Она схватила третий кусок пиццы. А когда он запер за собой дверь, впервые за пару дней позволила себе улыбнуться.

* * *

К четвергу доступ к фото Эбигейл Лисман получили больше сорока миллионов людей по всему земному шару.

Люди начали реагировать. В «Твиттере» распространился хештег #СпасемЭбигейл. Фото Эбигейл в «Инстаграме» затопили комментарии. «Реддиторы» — странная порода людей, зависающих на сайте [reddit.com](https://www.reddit.com)^[19], — объединились, чтобы найти в этих фото ключи, позволяющие определить ее местоположение.

А потом кто-то сообразил, что похитили ее в День святого Патрика. В тот вечер было снято великое множество фоток и селфи — пьяных людей в гостях, барах и на улице. Жителей Гленмор-Парка попросили поделиться фотографиями и видео того вечера, чтобы спасти Эбигейл, напористо аргументируя это тем, что не выполнить их просьбу — значит желать похищенной девочке *смерти*.

Вскоре таких фото было уже через край.

Одним из них оказалось селфи обнимающейся парочки — на котором, как и почти на всех подобных селфи, головы снимающихся оказались чересчур близко друг к другу, отчего на задний план попали и еще какие-то люди. В том числе и две девочки, идущие бок о бок по улице. Обе размыты, не в фокусе, но все равно было легко понять, что

они маленькие, не старше двенадцати. Их фигуры, длина и цвет волос во многом совпадали с фотографиями в уже знакомых многим «Инстаграм»-профилях.

Профилях Эбигейл и Грейси.

Глава 11

— Мой зоркий глаз заметил кое-что, начинающееся на «Ю», — нарушил молчание агент Фаулер.

Агент Боб Тайлер без улыбки покосился на него. Эта шуточка стала уже обрастать бородой, да и изначально не была особо смешной. Но напарник упорно употреблял ее всякий раз, когда они занимались наружным наблюдением.

Они сидели в своем белом «Шеви» с сияющим от чистоты салоном. По настоянию Тайлера вчера заехали на мойку — ведь вести наблюдение из чистой машины гораздо приятней, чем из грязной. И вот теперь, откинувшись на сиденье и вдыхая запах хвойного освежителя, Тайлер думал, что даже Фаулер способен понять, насколько это все-таки лучше.

— Ну? Это начинается на «Ю», — не отставал тот.

Юрген Адлер находился в пятидесяти ярдах впереди них, в своей собственной машине, ушатанной синей «Фиесте», и ровным счетом ничего не делал. Он припарковался там десять минут назад, и агенты, сидевшие у него на хвосте, тоже быстро остановились. Интересно, подумал Тайлер, чего тот ждет. Встречается с кем-то? Может, с кем-то из похитителей? Он очень на это надеялся. ФБР уже два дня как установило слежку за Юргеном, пока без всяких ощутимых результатов.

— Сдаешься? — спросил Фаулер.

— Что, юбку какую-нибудь заметил? — спросил Тайлер.

— Нет, — расцвел в улыбке Фаулер. — Это Юрген Адлер.

Тайлер предпочел промолчать. Фаулер был достойным напарником, вправду достойным. Конечно, не без тараканов в башке, но у кого их нет? Самое важное, что он был надежным парнем, и Тайлер мог слепо довериться ему, когда ситуация грозила выйти из-под контроля.

А еще Фаулер обладал идиотским чувством юмора и был немного расистом. И что с того? К примеру, у предыдущего напарника Тайлера воняло изо рта. Это может показаться совсем незначительным

изъяном, но проведите-ка четырнадцать часов в одной машине с таким парнем — и быстренько запроситесь в отставку.

Тайлер оглядел магазины, выстроившиеся вдоль улицы. Прямо перед ними владелец цветочного салона под названием «Колибри» разговаривал с какой-то женщиной, стоящей рядом с заставленной букетами витриной. Разноцветье витрины резко выделялось на тускло-серой улице. Наверное, здорово весь день вот так работать в цветочном магазине, продавать то, что приносит людям радость. Когда Тайлер был помоложе, каждую неделю приносил своей жене цветы. Она была всегда так благодарна, принимая их... Почему он прекратил? Надо будет опять начать покупать цветы, подумал он.

— Довольно странное имечко, не думаешь? — спросил Фаулер.

— Почему? — рассеянно отозвался Тайлер. Он знал, к чему идет дело, но эта дискуссия грозила открыть целую банку расистских червей, которую он не хотел открывать. Расистские черви — это хуже всего. Это заставило его припомнить шутку: «Что хуже того, чем найти червя в своем яблоке?» «Найти расистского червя в своем яблоке».

Чувство юмора Фаулера было, видать, заразным...

— Ну, Юрген — это ведь не японское имя, как думаешь?

— Вряд ли.

— Но этот мужик — японец.

— Он наполовину норвежец, наполовину китаец, — устало произнес Тайлер.

— Ну ладно... и все-таки. В смысле, он похож на...

— Это всего лишь имя, — перебил его Тайлер. — Вот мои родители едва не назвали меня Саурон^[20]. Это же не значит, что я из Мордора.

— Серьезно? Они и вправду думали назвать тебя Саурон? — переспросил Фаулер.

— Это перед самым последним отбором.

— И много вариантов осталось под конец?

— Там было три имени, — ответил Тайлер.

— Ого! Повезло тебе.

Тайлер кивнул.

— Это точно, — согласился он. — В смысле... расти под именем Саурон было бы... просто ужасно.

— А вот Боб — нормальное человеческое имя.

— Спасибо.

Оба посидели, уставившись на синий «Форд Фиеста».

— Хотя было бы круто, — задумчиво произнес Фаулер. — Говорить всем, что мой напарник — Темный Властелин...

* * *

Юрген Адлер сидел в своей синей «Фиесте» 2012 года выпуска, дожидаясь, когда из банка появится Хизер Гиббонс. Он следил за ней весь последний час, гадая, уж не на пути ли она к своему любовнику. Ее муж был почти уверен, что у нее есть любовник, и хотел, чтобы Юрген предоставил ему какие-то доказательства, которые можно было бы использовать при оформлении развода. До настоящего момента Адлер не был убежден, что таковой любовник существует, хотя шестое чувство все равно смутно теребило его откуда-то изнутри. Что-то с Хизер определенно было не так. Имелся у нее все-таки какой-то секрет... А в работе Юргена секрет почти всегда означал любовника.

— А не было ли такой актрисы по имени Хизер? — произнес он вслух. — Кто это был? Не помнишь, Шэрон?

Шэрон звали машину Юргена. Будучи бывшим копом, Юрген привык болтать с напарником, занимаясь «наружкой». Но сейчас, став частным детективом, иногда часами не имел возможности с кем-то и словом перемолвиться. В отличие от своего серьезного, молчаливого отца-норвежца, он любил почесать языком. Так что приходилось разговаривать с собственной машиной.

Юрген постучал по рулю, пожевывая губу.

— Хизер Грэм! — наконец объявил он. — Обалденно сыграла в «Остине Пауэрсе». И в «Мальчишнике в Вегасе».

Чихнув, стал рыться в поисках коробки с бумажными платочками. Он по-прежнему был нездоров. Всю последнюю неделю в основном провалялся в постели, пытаясь одолеть сильнейший приступ простуды. Чуть ли не больше всего на свете Юрген ненавидел простужаться. Терпеть не мог, когда текло из носа, как из неисправного водопровода, и когда ноздри напрочь закладывало, вынуждая его задыхаться и сопеть, лежа в постели.

В данный момент по той причине, что он так и не озаботился завести мусорное ведро или хотя бы пакет для своей машины, весь пол был усеян использованными бумажными платочками. Скомканные платочки были белыми или розовыми, и создавалось ощущение, будто сидишь за баранкой посреди поля поникших, уделанных соплями петуний. Утерев нос, Юрген скомкал очередную бумажку и забросил через плечо на заднее сиденье. Как только он избавится от насморка, то сразу же надраит машину так, что глазам будет больно. Надо просто одолеть этот мерзкий, разрушающий нос вирус.

Он посмотрел на улицу. Джордж, владелец цветочного магазина, разговаривал с молодой женщиной, которая кивала, показывая на разные букеты. Она была довольно красива, и Юрген некоторое время не сводил с нее глаз, представляя, каково это было бы обнять ее, поцеловать в шею, погладить ее бедра... Со своей последней подружкой он разбежался уже довольно давно и чувствовал себя одиноким. Шэрон, при всех ее фантастических качествах, было все-таки недостаточно.

Вздыхнув, Юрген перевел взгляд обратно на банк.

— Ага, вот она где, — произнес он, напрягаясь. — Выходит. Ну готовься, Шэрон, сейчас двинем за ней.

* * *

Хизер уже сожалела, что вынюхала последние полграмма из своих кокаиновых запасов.

Обычно она дожидалась полудня, одолев самую трудную часть суток, и только потом позволяла себе ежедневную понюшку. Так ей приходилось всего несколько часов дожидаться этого чудесного момента, и середина дня оказывалась довольно сносной. Остаток дня она проводила, уставившись в телевизор, так что ломка переносилась не так тяжело.

Но в это утро муж посмотрел на нее и спросил, как там дела с диетой. И ей не требовался никакой декодер, чтобы догадаться, что он имел под этим в виду. «Ты выглядишь, как беременная слониха, Хизер» — вот что он хотел сказать. И это она и услышала. Как только супруг ушел на работу, Хизер поспешила к своему комоду, откопала

последнюю оставшуюся порцию кокса и как можно быстрее втянула ее в нос.

И вот теперь уже полдень, действие кокаина закончилось, и больше у нее не осталось. Требовалось встретиться с дилером, раздобыть еще.

Хизер быстро направилась обратно к машине, глубоко затолкав в сумочку снятые со счета триста долларов. Как всегда, когда заканчивался кокаиновый «приход», он оставлял ее в депрессии и тревоге. Она буквально чувствовала на себе взгляды окружающих людей. Замечают ли они, как покраснел у нее нос? Знают ли они, что она делает?

«Ты высокая, но только по горизонтали, Хизер».

Открыв дверцу машины, она забралась за руль, чувствуя себя громоздкой и неуклюжей. И не впервые подумала, не лучше ли потратить те деньги, которые она грохает на кокаин, на операцию по шунтированию желудка. Немного посидела неподвижно, на грани слез и ненавидя саму себя.

«У тебя королевские размеры, Хизер. Как у двуспальной кровати».

На противоположной стороне улицы стояла какая-то женщина, покупая цветы. Хизер посмотрела на ее стройное сексуальное тело, на ее длинные ноги, тонкую талию... Она просто ненавидела эту женщину. Ненавидела ее даже еще больше, чем саму себя.

Надо раздобыть хоть сколько-то кокаина. Дрожащей рукой Хизер включила зажигание. Она всегда жутко боялась встреч с дилером. Может, как раз сегодня ее арестуют за приобретение наркотиков? Не прослушивает ли полиция ее телефон, не просматривает ли эсэмэски, которые она отправляет наркоторговцу? Тревога боролась с депрессией за право занять законное место в ее мозгу. И в настоящий момент депрессия брала верх.

Хизер отъехала от тротуара. Надо было поскорей со всем этим разделаться.

* * *

Юрген был готов признать первым, что когда дело доходит до слежки на колесах, то его навыки в этом деле довольно посредственны.

В полиции ему не так часто приходилось этим заниматься, а когда все-таки возникала нужда, за рулем обычно сидел напарник. Теперь, будучи частным детективом, он только слежкой и занимался — и ненавидел это занятие.

Два ключевых момента при наблюдении за чьим-то автомобилем: не дай себя заметить и не потеряй объект. Полнейший абсурд. Либо ты делаешь что-то, либо нет. Это все равно как приказать кому-то съесть обед из трех блюд и остаться при этом голодным. Абсолютно невыполнимо.

Так что его стиль следования «на хвосте» был прост. Юрген держался далеко позади объекта, но стоило ему почувствовать, что он вот-вот его потеряет, начинал паниковать и так прибавлял газу, что автомобиль объекта оказывался в каких-то двух футах от его переднего бампера. Тут Юрген сознавал, что подобрался чересчур близко, и суматошно давал по тормозам. Насколько он мог судить, причина, по которой его не замечали еще чаще, заключалась в том, что людям и в голову не могло прийти, что «хвост» будет действовать так бесцеремонно, привлекая к себе всеобщее внимание.

Юрген выругался, обеспокоенный количеством машин между ним и Хизер. Что хуже всего, перед ним оказались сразу три *зеленые* машины, и хотя ему казалось, что он знает, какая из них принадлежит объекту, он не был в этом окончательно уверен. Одна из них на следующем перекрестке свернула вправо, и Юрген чуть было не сунулся вслед за ней — только лишь из какого-то иррационального беспокойства, что перепутал зеленые машины. Но нет, это была даже не «Ауди», и по-любому скорее оливково-зеленая, в то время как машина Хизер была кислотно-зеленой.

Наконец поток машин стал пожиже, и он сумел уверенно различить голову Хизер на водительском месте автомобиля перед собой. Сбросил газ, и едущая позади машина чуть не врезалась в него, гневно засигналив.

— Ну какие у человека проблемы, Шэрон? — произнес Юрген, вытягивая шею, чтобы убедиться, что Хизер никуда не делась. — Он сам виноват. Нечего было прижиматься так близко.

Он катил за Хизер еще пару минут, крайне довольный своим водительским мастерством. А потом чихнул.

Это был один из тех громоподобных гейзерных чихов, и Юрген беспомощно зашарил рукой в поисках коробки с платочками. Наконец схватил целую пригоршню использованных с пола, вытер ими нос и руку. Еще один мерзкий момент дня.

А вновь подняв взгляд, вдруг осознал, что Хизер нигде не видно.
— Черт!

Втопив педаль в пол, Юрген принялся зигзагом вилять между машинами, заметив ее только тогда, когда она уже сворачивала вправо. Он в этот момент был в крайнем левом ряду и под негодующий вой гудков пересек обе правые полосы.

И теперь вновь оказался слишком близко.

* * *

— Что за хрень? Он пьяный, что ли? — удивился Фаулер, пока их «Шеви» следовал за «Фордом» Юргена. Мужик ехал, как запаниковавший тинэйджер, впервые оказавшийся за рулем.

— Не знаю, — отозвался Тайлер, нахмурившись. Он внимательно прочитал личное дело Юргена, и пьяное вождение вроде нигде не упоминалось.

Они держались на почтительном расстоянии от машины Юргена, глядя, как остальные автомобили увертываются от нее, а их водители потрясают кулаками. А потом тот вдруг резко вильнул и свернул вправо, исчезнув на боковой улочке.

— Он нас засек, — напрягся Тайлер, прибавляя газу. — Пытается стряхнуть нас с хвоста.

— Надо его остановить! — крикнул Фаулер. — Если он доберется до девочки...

— Знаю, — пробормотал его напарник. Теперь, когда Юрген понял, что за ним следит ФБР, ситуация грозила выйти из-под контроля. Не исключено, что скоро придется иметь дело с освобождением заложника.

Нет. Это надо остановить прямо сейчас. Задержать Юргена, допросить, выяснить местонахождение девочки.

Они тоже свернули вправо. Юрген размашисто лавировал между машинами впереди, все больше отрываясь. Улица была плотно забита

транспортом, и Тайлер не видел, как сквозь него можно прорваться. Они его теряли.

— Вызывай «вертушку»! — гаркнул он Фаулеру. — Объект уходит!

* * *

Все вокруг Хизер безостановочно сигналили. Этот режущий уши звук заставил ее задергаться. Ей было слышно, как позади нее визжат тормоза и слышатся гневные вопли. Что-то там определенно происходило. Может, полиция и вправду перехватила ее эсэмэску? И теперь за ней гонятся? Она бросила взгляд в зеркало заднего вида. Машин там было множество, но ни одной патрульной. Они хотят проследить ее до дилера? Не хватало еще, чтобы тот решил, будто она настучала на него!

Хизер прибавила газу, разгоняясь, и несколько машин позади нее вроде как тоже наддали. Или это ей просто чудится от нервов? Нет, непохоже.

Она все приближалась к углу, на котором договорилась встретиться с дилером, но решила проскочить мимо, немного покататься по округе и убедиться, что слезки действительно нет. Дилер явно оценил бы такую меру предосторожности. На следующем перекрестке Хизер свернула влево. А через несколько секунд опять услышала позади гудки. Теперь уже на глаза навернулись слезы. Надо вырваться на шоссе! На шоссе она точно оторвется.

На ходу Хизер осознала, что разговаривает сама с собой. Молилась богу, клялась, что если ухитрится добраться домой без приключений, то никогда больше не будет употреблять кокаин. Сядет на диету Дюкана^[21] — эту она еще не пробовала. Станет образцовой женой и перестанет выбрасывать деньги на наркоту.

Наконец она выскочила на шоссе. Там было относительно свободно, и ей показалось, что движение позади нее стало пореже.

И тут Хизер услышала вертолет.

Тот летел прямо у нее над головой, преследуя ее машину. Ее бормотания стали истерическими — поначалу Хизер прибавила было газу, а потом решила сдаться, ударив по тормозам, после чего опять

запаниковала и разогналась. Это был натуральный кошмар! Не увидит ли ее муж эту погоню по телику сегодня вечером? Ее автомобиль на автостраде и хвост полыхающих мигалками патрульных автомобилей за ним...

И вправду — вскоре позади нее завывли сирены. Полиция настигала ее.

* * *

Слежка — и так противное дело, но эта оказалась натуральным безумием. Что, ее любовник живет в другом городе? Почему ее преследует полиция? И что, над головами у них и вправду летит вертолет?

Юрген явно влез в какую-то заморочку себе не по зубам. Ему всего лишь требовалось несколько фото Хизер с другим мужиком! На черта ему проблемы с полицией? Бог свидетель, они уже искали повод замести его...

Он сбросил газ и подрулил к обочине, ожидая, что полицейские автомобили и вертолет промчатся дальше, — и в этот момент одна из патрульных машин остановилась прямо за ним, взвизгнув тормозами, а другая подрезала его спереди. В паре футов позади от автомобилей с мигалками затормозил белый «Шеви», и из него выпрыгнули двое мужчин, держа нацеленные на его автомобиль пистолеты.

— ФБР! — выкрикнул один из них. — Выходи с поднятыми руками!

Юрген заморгал, а потом вырубил мотор. Медленно и осторожно приоткрыл дверцу.

— Выхожу! — крикнул он. — Я не вооружен!

Судя по всему, агенты ФБР не собирались опускать стволы. Оставалось лишь надеяться, что они его случайно не пристрелят. Он совершенно не представлял, что происходит. Выбрался из машины, подняв руки над головой, и повернулся лицом к ней.

— Не двигаться! — заорал один из фэбээровцев, и Юрген послушно застыл. Его грубо схватили за руки, заломили их за спину.

— Юрген Адлер, вы арестованы, — объявил один из агентов, и стальные браслеты наручников грубо прикусили его запястья.

Он не совсем понимал, что только что произошло, но это была какая-то ужасная ошибка.

* * *

Глазами, полными слез, Хизер уставилась в зеркало заднего вида, наблюдая, как полиция окружает синий автомобиль. Испуская тяжелые прерывистые вздохи, замедлила ход до сорока миль в час, не обращая внимания на раздраженные гудки автомобилей в своем ряду, — по автостраде так медленно ездить не принято. Наконец впереди показался следующий съезд, и, свернув на него, она остановилась на обочине боковой дороги. Пока она рылась в сумочке в поисках телефона, ее неконтролируемо трясло. Поначалу даже не могла набрать сообщение, не могла унять дрожащий палец. Но в конце концов ухитрилась отправить своему дилеру эсмэску.

«Не могу встретиться. Чуть не попала полиции».

Добавила к сообщению грустный смайлик для полноты картины. Потом отложила телефон на пассажирское сиденье. Что насчет всего этого сказал бы ее муж?

Муж может идти в жопу, решила Хизер. Когда в следующий раз он спросит ее про диету, так она ему и скажет.

Глава 12

Ханна энергично вошла в отдел полиции. Клинт дожидался ее возле регистрационной стойки, одетый в шитый на заказ серый костюм с синим галстуком. Лицо его было серьезным, привычной улыбки как не бывало. Когда он незадолго до этого позвонил ей, разговор шел не про барахтанье в машине и не про то следующее, уже в ее постели. Появились подвижки по делу. Клинт попросил ее как можно скорее приехать в отдел.

— Что случилось? — спросила Ханна, подходя к нему. — Почему такая срочность?

Агент направился к лестнице, и она двинулась вслед за ним.

— Мы арестовали Юргена Адлера, — негромко произнес он.

— Что? — воскликнула Ханна, повысив голос. — Почему? Разве вы не собирались понаблюдать за ним издалека?

— По словам агентов, которые вели наружное наблюдение, он их засек и попытался сбросить с хвоста. Они опасались, что это может привести к ситуации с освобождением заложника.

Ханна едва не бежала по ступенькам, пытаясь поспеть за быстрыми шагами Клинта.

— И где он сейчас?

— Здесь. Агент Манкузо дала мне задание как можно скорее его допросить. Она думает, что его подельники могут узнать, что его задержали, и решат избавиться от Эбигейл и скрыться. Твой начальник дал согласие, чтобы я побеседовал с ним в вашей допросной.

— А агент Манкузо попросила и меня присутствовать при допросе? — спросила Ханна.

Клинт помедлил с ответом.

— Нет, — наконец произнес он. — Но я подумал, что ты наверняка захочешь участвовать.

Ханна кивнула. Она и вправду хотела при этом присутствовать. А также подозревала, что Клинт нарушил какой-то существовавший в ФБР порядок, пригласив ее и не поставив в известность свое руководство.

— Вести допрос буду я, — объявил Клинт. — У нас нет времени сделать все по правилам. Нужно как следует припугнуть его — это самый быстрый способ добиться результата. Люди предполагают худшее, когда их задерживает ФБР, и по этой причине быстрее раскалываются.

— Юрген не из тех, кого легко расколоть, — заметила Ханна. — Хотя согласна — тянуть сейчас нельзя. Думаю, что лучше всего спросить его, почему он следил...

— Он не знает, что у нас на него есть, и я предпочел бы, чтобы так все и оставалось.

— Но если ты хочешь быстро добиться результата, нет смысла ходить вокруг да около. Надо спросить его, почему он следил за Эбигейл.

— Не стоит, — коротко бросил Клинт, когда они подошли к допросной. Он открыл дверь, и Ханна вошла внутрь, задев его плечом.

По шкале от одного до десяти, где единица — это украшенная воздушными шариками комната пятилетнего карапуза в день его рождения, а десять — одиночный тюремный карцер, эта допросная в отделе полиции Гленмор-Парка тянула на восьмерочку. Примерно до пояса стены были здесь черными, выше сменявшиеся грязно-белыми. Одну из стен украшало одностороннее зеркало, отражающее резкий свет единственной лампочки, свисавшей с потолка прямо над небольшим металлическим столом.

За этим столом сидел Юрген Адлер, выставив перед собой скованные наручниками руки. Ханна и Клинт уселись напротив него.

— Мистер Адлер, — начал Клинт. — Я — агент Уард, а это...

— Детектив Ханна Шор, — закончил за него Юрген странно гнусавым голосом. — Мы с ней знакомы. Привет, Ханна.

Ханна с непроницаемым лицом кивнула.

— Мистер Адлер, мы знаем, что...

— Божно бне бумажный платок или салфетку? — перебил его Юрген. — У бедя дасморк и типа как все время течет из носа.

— Через пару минут принесем, — заверил его Клинт. — Мистер Адлер, где Эбигейл Лисман?

Юрген удивленно заморгал.

— Эбигейл Лисман? — переспросил он. — Маленькая девочка? Разве она не дома?

— Ее несколько дней назад похитили, как вам прекрасно известно, — резко произнес Клинт. — Где ее держат?

— Похитили?

— Ой, да ладно тебе, Юрген, — раздраженно бросила Ханна. — Не валяй дурака. Она уже давно по всем новостям, в интернете, в...

— Ханна, я всю эту неделю проболел, валялся в постели, — сказал Юрген, широко раскрыв глаза. — Я не знал! А когда ее...

— Мистер Адлер, отвечайте на вопрос. Где Эбигейл Лисман?

— Клянусь, я не... — Тут Юрген внезапно чихнул, прикрыв лицо скованными руками. — Вот блин, — буркнул он, отнимая их от носа. На правой щеке и на пальцах у него осталась мокрота. — Божно бне блаток?

Выйдя из комнаты, Ханна направилась в туалет и прихватила там рулон туалетной бумаги. Вернувшись в допросную и громко захлопнув за собой дверь, она передала ему рулон.

— Спасибо, — сказал Юрген, вытирая лицо и пальцы.

— Если Эбигейл Лисман пострадает, вам никогда не выйти из федеральной тюрьмы, — предостерег Клинт, четко и размеренно произнося слова. — Но если вы скажете нам, где она...

— Я не знаю, откуда у вас возникла идея, будто я к этому как-то причастен? — отозвался Юрген, укладывая комок туалетной бумаги на стол перед собой. — Понятия не имею, где она. Все это для меня совершеннейшая новость. Если б я знал, что ее похитили, то сразу пошел бы в полицию.

— Почему? — спросил Клинт. — Вы знаете, кто ее похитил?

Юрген откинулся на спинку стула.

— Уже и забыл, какие тут неудобные стулья, — пробормотал он. — Почему вы меня арестовали?

— У кого Эбигейл Лисман? — гаркнул на него Клинт.

— Да ради бога, Юрген, у нас есть фотографии, на которых ты следишь за девочкой, — раздраженно произнесла Ханна. Клинт стрельнул в нее взбешенным взглядом, который она подчеркнуто проигнорировала.

— А-а! — понимающе протянул Юрген. Высморкался в другой кусок туалетной бумаги. — Так вот в чем дело... Да, это правда — ее отец нанял меня следить за ней.

— С какой это стати мистеру Лисману нанимать вас для слежки за собственной дочерью?

Юрген помотал головой.

— Это был не мистер Лисман. А ее биологический отец. Лэнс Кохе.

Секунда молчания в комнате.

— А вы что, не в курсе? — сухо поинтересовался Юрген. — Девчонку похитили, а вы даже не проверили ее родителей? И это называется расследование?

— Мистер Лисман никогда не говорил нам... — начала было Ханна.

— Да ради бога, Ханна, глянь хотя бы на эти ее чертовы фотки! Она что, похожа на Лисманов? Ну да, уши у нее мамины. И, пожалуй, еще подбородок. Но только и всего. — Он поднял бровь. — Бернард давно уже просек бы... Он привлечен к расследованию?

— Зачем Лэнсу Кохе понадобилось следить за Эбигейл? — спросил Клинт, игнорируя вопрос.

Юрген пожал плечами.

— В основном ему требовались ее фото. С друзьями и подружками, в школе. Я не знаю. У меня создалось впечатление, что до этого он ее ни разу не видел. Лэнс Кохе — тот еще гусь. Может, он все никак не может решить, вправду ли ему охота познакомиться с дочерью.

— Мистер Адлер, скажу еще всего один раз. Если вы знаете, где находится Эбигейл, и...

— Пообщайтесь с Лэнсом Кохе! — бросил Юрген, повысив голос. — Он подтвердит мои слова. Меня всего лишь наняли сделать несколько снимков девочки. И я ничего не знал про похищение до настоящего момента.

Он опять чихнул, и Ханна вздрогнула, когда что-то мокрое шлепнулось ей на шею.

— Я очень сильно бодед, — прогундосил Юрген, отрывая еще кусок туалетной бумаги. — Целую неделю провалялся в постели.

Пока они ехали в машине Клинта в офис Лэнса Кохе, сидевший за рулем Клинт откровенно дулся. Ханна не стала его дергать — не собиралась извиняться за то, что просто делала свою работу и что явно не добилась ожидаемого результата, тем более быстро. Фэбээровцы — в том числе и Клинт — вроде как были решительно настроены повесить похищение на Юргена. Ханна вполне могла понять их точку зрения. Он был просто идеальным подозреваемым, да вот только она хорошо знала его, и, что даже еще важней, его отлично знал и Бернард. Тот заявил, что Юрген никак не может быть ко всему этому причастен, и для Ханны этого было вполне достаточно.

Она покосилась на Клинта. Агент хмурился, выставив вперед челюсть. Даже в этой его ярости тоже было что-то привлекательное, но ей очень не хватало его улыбки, к которой она успела привыкнуть за прошлый вечер.

— Ты даже десяти минут не выждала, прежде чем сделать то, что я настоятельно велел тебе не делать, — наконец пробурчал Клинт.

Велел? Ханна подняла бровь, но не стала на этом заостряться.

— Это не наш парень, Клинт. И он сообщил нам очень полезные сведения.

— Он все равно может быть нашим парнем, — упорствовал Клинт. — Он мог выигрывать время для своих поделщиков и благодаря тебе теперь знает, какие улики против него мы придерживали, так что может выработать тактику общения с нами.

— Лэнс Кохе особо не удивился, когда мы позвонили ему насчет Юргена, — заметила Ханна. — Он прекрасно знал, про кого мы говорим.

— Он мог нанять Юргена для чего угодно! — взорвался Клинт. — И это не имеет никакого значения! Я велел тебе ничего не говорить про фото, а ты все равно сказала.

Опять это «велел»!

— Ты не мой начальник. Мы просто работаем вместе.

— Ты — мой контакт в местной полиции, и твоя главная задача...

— Приехали, вон этот дом, — произнесла Ханна. Ей не нравилось, куда зашел спор, и она с облегчением воспользовалась возможностью сменить тему.

— Неплохо он тут устроился, — пробормотал Клинт, паркуясь у тротуара.

Замечание вполне соответствовало действительности. Лэнс Кохе работал в современном офисном здании, фасад которого представлял собой сплошную стену из синих зеркальных стекол. Здание ухитрилось в равной степени производить впечатление превосходства и дурного вкуса, громоздясь на Клейтон-роуд, словно некая колонна, возведенная пришельцами из космоса. Ханне пришло в голову, что хоть она тысячу раз проезжала мимо него, но внутри никогда не была.

— Восемнадцатый этаж, — сказала Шор, поднимая взгляд. — Пошли.

Выбравшись из машины, они бок о бок вошли в здание. И Ханна опять поймала себя на том, что с трудом поспевает за широкими шагами Клинта. Это начинало уже реально раздражать. Она ожидала, что он подстроит свой шаг с учетом того, что ноги у него чуть ли не вдвое длиннее, чем у нее, но Клинт был либо слеп к этому факту, либо ему было просто все равно. В чем бы ни было дело, но когда они оказались в глубине вестибюля, Ханна уже с трудом переводила дух. Дожидаясь лифта, оба не проронили ни слова.

Наконец лифт опустился на первый этаж, и они вошли в кабину. Пока та возносилась вверх, Ханна гадала, почему это ей вдруг настолько неловко в этом тесном пространстве с Клинтом, особенно если учесть, что всего лишь вчера она совершенно голой сидела на нем верхом в его машине.

Офис Лэнса Кохе, как и все остальное здание, был рассчитан на то, чтобы впечатлять и подавлять. У всей мебели здесь был надраенный, холодный вид, в основном в различных оттенках белого и голубого металлика. Секретарша хозяина, блондинка с пугающе длинными ресницами и волосами столь прямыми, что тоже казались сделанными из металлической проволоки, попросила их подождать пару минут, пока Лэнс не закончит какой-то важный деловой звонок.

Ханна сильно сомневалась, что такой звонок действительно имел место, и была просто-таки уверена, что Кохе из тех людей, которые всегда заставляют ждать абсолютно всех, кто хочет с ними встретиться.

Наконец, когда она уже была готова без спросу ворваться в кабинет, дверь открылась. На пороге стоял высокий пожилой мужчина с серебристыми волосами.

— Агент Уард? Пожалуйста, заходите.

Оба вошли в кабинет. Лэнс уселся за письменный стол из какого-то тяжелого на вид темного дерева, на котором царили чистота и порядок. Все было аккуратно разложено по своим местам, в металлическом лотке лежала тонкая стопка бумаг, а посередине стоял небольшой лэптоп.

— Чем могу помочь, господа агенты?

— Мистер Кохе, — начал Клинт, не заморачиваясь ни поправлять Лэнса относительно должности Ханна, ни даже просто представить ее. — Вы действительно несколько недель назад нанимали Юргена Адлера?

— Да.

— А можете объяснить, с какой целью?

— А разве сам он не объяснил вам, с какой целью? — спросил Кохе.

— Я предпочел бы услышать это от вас, — сказал Клинт.

Кохе впервые бросил взгляд на Ханну. И было что-то такое у него на лице... Беспокойство? Тревога? Он хорошо это скрывал, но Ханна успела заметить мешки у него под глазами, легкое подрагивание губ.

— Я нанял его для наблюдения за своей биологической дочерью, — отчеканил Кохе. — За Эбигейл.

— Эбигейл Лисман, — уточнила Ханна.

— Именно так.

— Которую на прошлой неделе похитили.

— Именно.

— Почему вы не обратились к нам, как только впервые услышали о похищении дочери? — спросила Ханна.

— Она не моя дочь, — резко отозвался он. — Она моя биологическая дочь. Еще два месяца назад я и понятия не имел о ее существовании. А не обратился к вам, поскольку не считал это существенным и полагал, что у матери этой девочки и без того хватает проблем.

Ханна пристально посмотрела на него. Врет? Может он иметь какое-то отношение к похищению? А если да, то по какой причине?

— Когда вы узнали о похищении Эбигейл? — спросил Клинт.

— Вчера сюда приходила Наамит Лисман, просила меня выплатить выкуп.

— И что вы ей сказали?

— Сказал, что мне это не по карману и что я не склонен платить такие деньги за девочку, которую даже не знаю.

«Вот гондон», — подумала Ханна.

— А как вы узнали, что Эбигейл — ваша дочь? — спросила она.

— Ее мать сообщила, — ответил Кохе, с явным раздражением скривив губы. — Как-то объявилась здесь, сказала, что много лет назад после одной из наших встреч забеременела и что теперь она хочет, чтобы я оплатил обучение ее дочери в частной школе.

— И что вы ей ответили?

— Потребовал тест на отцовство. Уже далеко не впервые женщины пытаются повернуть со мной такую штуку. Вначале говорят, что принимают таблетки, а потом вдруг выясняется, что они беременны и я должен оплачивать счета.

— Она сделала тест на отцовство? — спросила Ханна, с трудом сдерживая желание вlepить ему по физиономии.

— Сделала и переслала мне результаты по электронной почте. Ответ — «да». Эбигейл и вправду моя биологическая дочь. Я проверил аутентичность результатов в клинике, а потом сказал, что подумаю.

— Почему вы установили за ней слежку? — спросил Клинт.

— Потому что мне стало интересно, — ответил Лэнс, пожав плечами. — У меня самого никогда не было детей, и вот вам — почти взрослый ребенок... Мне хотелось узнать, какой она стала.

— И вы наняли частного детектива?

— Именно так.

— Ну, вы же могли просто прийти к ней или попросить ее мать организовать встречу...

— Мог.

— Когда вы наняли Юргена Адлера? — спросил Клинт.

— Минуту. — Лэнс подобрал со стола телефон и нажал на кнопку. — Меган, — произнес он. — Не можешь зайти на секундочку?

В кабинет вошла секретарша, негромко постукивая каблучками по паркетному полу. Туфли у нее были на очень высоком каблучке, поняла Ханна, хотя и без них она была довольно высокой — наверное, пять футов и пять дюймов. Детектив предположила, что на высоких каблучках настоял хозяин кабинета. Девушка была молодая, стройная — блондинка, огромные карие глаза... Типичная секретутка в

представлении некоторых людей, хотя теперь таких девиц принято именовать «личными ассистентами».

— Да, мистер Кохе? — произнесла Меган.

— Когда у меня была встреча с мистером Юргеном Адлером?

Приподняв небольшой планшет, она постучала по экрану длинным ногтем с розовым лаком.

— Двадцать второго января.

— А когда к вам приходила Наамит? — спросил у Кохе Клинт.

— За неделю до этого. Она заранее не договаривалась о встрече, так что вряд ли Меган...

— Тринадцатого января, — перебила та. — В понедельник, за неделю до этого.

Уголки губ Лэнса Кохе едва заметно приподнялись.

— Вот видите, — произнес он.

— Юрген передал вам фотографии? — спросила Ханна. — Вы встречались с ним еще раз?

— Лично встречался я с ним только раз, когда он приходил за предоплатой, — сказал Кохе. — После этого он присылал мне фото по электронной почте, а я окончательно рассчитался с ним банковским переводом. Меган с удовольствием снабдит вас этими снимками и соответствующей банковской выпиской.

Бросив взгляд на босса, секретарша кивнула. Ханна, которая внимательно следила за ее движениями и мимикой, заподозрила, что Кохе время от времени спит с ней.

— Вы нам очень помогли, — сказал Клинт.

— Я хочу, чтобы моя до... Эбигейл Лисман в целостности и сохранности вернулась домой. Я не какое-нибудь чудовище. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь.

— За исключением выплаты выкупа, — сухо заметила Ханна.

— Все в пределах разумного, — поправился Кохе. — Как я уже сказал, она мне не дочь. Не думаю, что вы пойдете к любым другим богатым людям в городе с требованием денег для выкупа.

Клинт кивнул и поднялся.

— Спасибо, что уделите нам время.

— Если у вас будут еще вопросы, — бросил ему в спину Кохе, — звоните, не стесняйтесь.

В кабинете секретаря Клинт дал Меган адрес электронной почты, чтобы она могла отправить ему фотографии и документы на банковский перевод, после чего они с Ханной направились к лифту.

— Ну что ж, Юрген определенно не при делах, — резюмировала Ханна.

— Вовсе не обязательно, — возразил Клинт. — Его нанимают для слежки за дочерью мистера Кохе, а через шесть недель ту похищают? Ничего себе совпадение... А что если он решил, что может запросто похитить девочку и потребовать у Кохе выкупа? Может, он увидел в ней что-то, из-за чего решил, что это будут легкие деньги...

— Ты хватаешься за соломинку, — отозвалась Ханна.

— А ты не видишь дальше собственного носа! — огрызнулся Клинт. — Просто отчаянно хочешь снять его с крючка, несмотря ни на что, — просто потому что твой напарник тебе сказал, будто он на это не способен.

Ханна ничего не ответила, хотя эти слова задели ее за живое. Он был прав, естественно, и это ее бесило.

* * *

Откусив от чизбургера, Эбигейл принялась медленно жевать. Вкус был просто исключительный. На сей раз она была умней — откусывала понемножку, не спешила проглотить. После той пиццы ее и вправду едва не стошнило — так быстро и так много она съела.

Взяв один из ломтиков жареной картошки, девочка положила его на язык, наслаждаясь солоноватым вкусом.

— Вижу, ты любишь «Макдональдс», — сказал мужчина. Вид у него был вроде как довольный, хотя его рот был по-прежнему спрятан под маской.

— Обожаю гамбургеры, — призналась Эбби. — Это моя любимая еда. А тем более чизбургеры! Только мне их не дают... — На секунду замешкалась. — Дома.

— А почему?

— Потому что они некошерные, — попросту ответила она.

— О! — удивленно воскликнул он. — Хочешь, принесу тебе гамбургер без сыра?

— Не, нормально, мне все равно, — поспешно отозвалась Эбигейл, покрепче сжимая чизбургер. — Я ем чизбургеры, когда бываю у подружек в гостях. И бекон. Мои родители едят только кошерное, а мне по барабану.

— Ладно. Хорошая картошка? — спросил мужчина.

— Угу. — Эбигейл кивнула. Вообще-то она любила окунать ломтики в кетчуп, но кетчупа он не принес. Подумала, не намекнуть ли, но потом решила, что не стоит. — Очень хорошая. Хотите кусочек?

Он рассмеялся. Это было странно — слышать его смех, не видя рта. Смех был негромкий и вроде как вполне искренний.

— Нет, не надо. Я поем попозже.

— Непривычно как-то есть одной, — объяснила Эбигейл. — В школе я ем с подружками, а дома — с родителями.

Он секунду помолчал, после чего произнес:

— Ну ладно, была не была — возьму все-таки кусочек.

Эбби протянула ему картонный контейнер, и мужчина взял из него ломтик. Закатал нижнюю часть маски, открыв ее взгляду рот, и положил в него. Почему-то ей казалось, что у него должна быть борода или, по крайней мере, щетина, но нижняя часть лица у него оказалась абсолютно гладкой. Немного полноватые губы, очень белые зубы...

Прикончив ломтик, мужчина улыбнулся, и от такой мелочи у нее сильно поднялось настроение.

— Да, хорошая, — сказал он. — Надо мне почаще заглядывать в «Макдональдс».

Эбигейл чуть сдвинулась к краю матраса.

— Берите еще, если хотите, — предложила она.

Мужчина присел рядом.

— Разве что только кусочек, — сказал он, ухмыльнувшись. У нее вдруг создалось впечатление, что этот человек часто улыбается.

Взяв еще один ломтик, мужчина положил его в рот. Прикончив чизбургер, Эбигейл надолго приникла к большой пластиковой чашке. Мама никогда не разрешала ей пить кока-колу — с тех самых пор, как прочитала где-то, что если положить в стакан с кока-колой зуб, то через два дня он полностью растворится.

— Спасибо, — сказала она. — За еду.

— Не за что.

— А какой сегодня день?

— Пятница, — ответил мужчина. Маска у него была по-прежнему закатана выше рта. Он вроде этого не замечал.

Кивнув, Эбигейл попыталась прикинуть, сколько времени она уже провела у похитителей. Всего четыре дня? А кажется, целую вечность... Попробовала припомнить, какие уроки у них по пятницам. Английский, конечно же. И естествознание. Естествознание она терпеть не могла, но сидеть прямо сейчас в классе — возле окна, из которого сияет солнце, среди одноклассников — вдруг показалось раем. С губ ее непроизвольно сорвался всхлип.

— Что? Что случилось? — забеспокоился мужчина.

— Я хочу домой! — вскричала она. — Я скучаю по маме с папой! И своей...

Рыдания перехватили ей горло, прервав на полуслове.

— Ты скоро будешь дома, — попытался успокоить ее он. — Очень скоро.

— А что если... что если вдруг что-нибудь произойдет? — проговорила Эбигейл между всхлипами.

— Например?

— Я не хочу умереть!

— Эй! — прикрикнул он на нее. — Ты ни в коем случае не умрешь. С чего это тебе умирать?

— Вы сказали... Вы сказали, что если я не буду себя хорошо вести...

— Но ты ведь очень хорошо себя ведешь, — заверил мужчина. — Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— *Она* так не думает. Она шлепнула меня по лицу. По-моему, она меня ненавидит. А что, если она мне что-нибудь сделает? Мне страшно... — Эбигейл уже теряла контроль над собой, продолжая что-то бубнить сквозь плач, и ее слова становились все более неразборчивыми.

— Никто тебя не ненавидит. Послушай, Эбигейл, ты скоро будешь дома. И ничего с тобой не произойдет, обещаю.

Он впервые назвал ее по имени, и это ее немного успокоило.

— Ладно, — произнесла она.

Мужчина неловко положил ей руку на плечо.

— Просто еще пару дней, хорошо? — произнес он. — И ты окажешься дома.

Эбигейл сделала глубокий вдох, содрогаясь всем телом.
— Хорошо, — отозвалась она.

Глава 13

Ханна потрясенно оглядывала то, что совсем недавно было штабом расследования. Огромного экрана на стене как не бывало, равно как и замысловатого фэбээровского пульта, карты и трех сменяющих друг друга агентов, сидящих за столом. Остались только какие-то кабели, змеящиеся по полу и ни к чему не подсоединенные.

Они переехали в другой кабинет? Почему ее никто не предупредил? Она вытащила свой телефон и уже принялась искать номер Клинта, как вдруг нерешительно замерла.

Убрав телефон обратно в карман, вышла в коридор и заглянула в кабинет оперативников напротив. Там тоже оказалось пусто — впрочем, неудивительно, учитывая субботу и раннее утро. Проснувшись Ханна в самом начале шестого. Попыталась опять заснуть, но мозг уже работал на полных оборотах, раскладывая по полочкам зацепки, которые следовало проверить, и расставляя приоритеты. В конце концов она встала и двинула на работу.

Дверь в кабинет капитана была открыта, и за ней ей были видны свет и признаки движения. Пройдя через комнату оперативников, Ханна вошла в кабинет.

— Капитан? — позвала она, едва различая его за горой бумаг на столе.

— Доброе утро, детектив, — произнес Бейли. Голос у него был усталый. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Ханна вытянула шею, чтобы увидеть лицо капитана над бумагами на столе. Здесь башнями и стопками громоздились бланки, отчеты и рапорты, улепленные листочками для заметок всех цветов и размеров. Они заваливались друг на друга, создавая силуэты, больше похожие на горы, а не на стопки. По всему столу в разных стратегических местах стояли маленькие чашечки с кофе, давно забытые, — в некоторых даже белела плесень.

Карл, уборщик, вечно выяснял отношения с капитаном Бейли по поводу его стола, который, по словам Карла, представлял собой источник одновременно пожарной и биологической опасности. Сев в одно из офисных кресел, Ханна подъехала на нем поближе, так что

теперь могла видеть капитана, которого уже не загоразживали стол и его ноша.

— Как там мистер и миссис Лисман? — поинтересовался он, откинувшись в кресло и сложив руки на груди.

— Как и можно было ожидать, — отозвалась Ханна. — Эти посты в «Инстаграме» — и благословение, и проклятие. Это дает им новую надежду, когда они видят новый, но подписи становятся все более и более угрожающими, и они все больше испуганы.

— Эти посты сделали дело знаменитым, — заметил Бейли. — Вчера это было уже на «Фокс ньюс» и Си-эн-эн.

— Я уже видела, — кивнула Ханна.

— Мой отец любил говаривать, что история, у которой вырастают крылья, может стать либо орлом, либо уткой, — добавил Бейли.

Ханна на это только заморгала, ничего не ответив. Некоторые изречения отца капитана Бейли с трудом поддавались толкованию.

— Звонила агент Манкузо. Дело больше не под ее непосредственным контролем. Оно стало слишком публичным.

Ханна пожала плечами. Политика ФБР ее мало заботила.

— ФБР переместило штаб расследования в свой главный офис, в Бостон.

— Да это же просто смешно! — резко бросила Ханна. — Они ждут, что мы каждый день будем мотаться в Бостон и обратно? Дело-то ведется здесь. Потерпевшая семья здесь.

Капитан глянул на нее с нечитаемым выражением на лице.

— Вообще-то у меня не создалось впечатление, чтобы они этого от нас хотели, — ответил он.

— Что?!

— Мы больше не приглашены на эту вечеринку, детектив. Мы продолжим помогать им чем можем, естественно, но основная группа теперь сосредоточена не здесь. И вы более не работаете с агентом Уардом по этому делу. Теперь ваша главная задача — поддерживать пострадавшую семью.

— Что? — буквально выплюнула Ханна это слово, словно какую-то грязь.

— Приказ сверху. Агент Манкузо выказывает вам большое уважение.

— Да ну? — отозвалась Ханна, сразу припомнив свою свару с Клинтом. — А вы уверены, что это не из-за чего-то, что Клинт... агент Уард сказал ей?

Капитан Бейли поднял брови.

— Она ни про что такое не упоминала.

— Капитан, мне обязательно нужно участвовать в расследовании! Наамит ждет от меня, что я...

— Миссис Лисман ждет от вас, что вы сделаете всё ради ее дочери. А на данный момент это означает, что нужно предоставить ФБР заниматься своим делом и помогать им во всем, что бы они ни попросили.

— Но они уже сели в лужу! Уцепились за версию, будто к этому имеет какое-то отношение Юрген Адлер. Они не могут заставить похитителей ответить на свои сообщения. Я не могу позволить им...

— Детектив Шор, — произнес Бейли, в голосе которого зазвучали стальные нотки. — Возьмите себя в руки.

Ханна резко выдохнула и плотно сомкнула губы.

— Похоже, что похитители готовятся отправить предложения по передаче выкупа, — продолжал капитан. — Наши усилия так ни к чему и не привели. Эбигейл Лисман отсутствует уже почти *четыре* суток.

— Есть два человека, к которым стоит присмотреться. Мелани Пул и...

— Хэл Мур, — закончил за нее Бейли. — Джейкоб и агент Фуллер вчера их допросили. У обоих алиби. Вообще-то Хэл Мур на момент похищения был в Канаде. Могу переслать вам отчет Джейкоба.

Ханна крепче вцепилась пальцами в подлокотники кресла, стиснула зубы.

— Сейчас просто ждем, Ханна, — негромко произнес Бейли. — Больше ничего не остается.

— И вы тоже думаете, что Юрген Адлер может быть во все это замешан? — спросила она.

Бейли вздохнул.

— Я больше года был начальником Юргена, — ответил он. — И оказался неспособен разглядеть то, что творилось прямо у меня перед носом. Парень был сплошное обаяние, плюс отличный детектив. Но он — моральный банкрот. Сказать по-честному, я думал, что все это

внутреннее расследование — просто какая-то ошибка, пока собственными глазами не увидел доказательства. Один раз я уже оказался слепцом касательно этого человека и не хочу допускать подобный прокол дважды. Если ФБР считает, что он имел какое-то отношение к похищению, то это вполне может оказаться правдой.

— Боюсь, что мы не вернем ее, — почти прошептала Ханна.

Бейли кивнул, его взгляд смягчился.

— Я тоже. Но больше ничего с этим нельзя поделать.

* * *

Глен Хейни опять поднес бинокль к глазам. Он сидел в машине своей матери, в двух сотнях футов от дома похитителя. Место он выбрал заранее, воспользовавшись «Гугл-картами». Заметить его здесь мудрено, хотя дом как на ладони. Плюс устроился он сразу за поворотом дороги, за большим деревом, так что и случайным прохожим вряд ли попадется на глаза.

В любом случае, если бы кто-нибудь вдруг поинтересовался у него, что он тут делает с биноклем в руках, всегда можно было ответить: наблюдает за птицами. Даже заранее приготовленный определитель пернатых лежал под рукой. Если бы кто-то потрудился уточнить, кого конкретно он высматривает, то был готов и ответ: белокрылых клестов, недавно замеченных в пределах Гленмор-Парка.

Но занимался он отнюдь не наблюдением за птицами. Это было наблюдением за похитителем. В пределах Гленмор-Парка был замечен редкий вид под названием «похитители двенадцатилетних девочек», и Глен первым вычислил, где искать его представителей.

Уже хорошо знакомый с окружающей обстановкой, он просканировал биноклем фасад дома. Подъездная дорожка, упирающаяся в закрытую гаражную дверь. Вход в дом прямо по соседству с гаражом — коричневая дверь, простенький замок. Передний дворик, который без особого успеха пытались превратить в лужайку, несколько одиноких деревьев посреди голой земли, повсюду заросли сорняков...

Глен еще раз прикинул, не могут ли держать Эбигейл в гараже. Он был почти уверен, что девочка где-то в доме. Уже видел одного из

похитителей, вошедшего в дом с небольшой коробкой пиццы и картонным пакетом виноградного сока. Глен сомневался, что этот мужчина сам пьет виноградный сок, а детей у него не было. По крайней мере, согласно основательным исследованиям Глена.

Подобно большинству сидящих в интернете людей, Глен узнал про Эбигейл три дня назад. И одним из первых «реддиторов» присоединился к соответствующему подфоруму на сайте reddit.com, участники которого пытались анализировать фотографии, сделанные в тот день в Гленмор-Парке, и строили предположения касательно последовательности событий. Увидел он и ту знаменитую фотку с Эбигейл и Грейс, вместе идущими по улице. Просмотрел и фото в новостной ленте «Инстаграма».

И тут заметил одну странную деталь, на которую больше никто не обратил внимания.

Поначалу с забившимся сердцем бросился к клавиатуре, чтобы поделиться своим открытием с другими участниками форума, готовясь к пяти минутам славы и тысячам голосов «за», которые загонят его пост на самый верх ветки... но тут призадумался.

Пять минут славы — это, конечно, здорово... но можно рассчитывать и на нечто большее. Предположим — просто предположим, — что ему удастся найти и само прибежище похитителя. Последовал полномасштабный поиск в интернете, не без помощи одного приятеля-хакера. Через шесть часов Глен уже смотрел на фото предполагаемого похитителя. А еще через четыре часа получил и его адрес.

Этого было вполне достаточно. Наверное, в тот момент следовало связаться с полицией или ФБР. Но его беспокоило, не прищучат ли его за компьютерный взлом, дело все-таки незаконное — а потом, они ему вообще поверят?

Не будет ли лучше, если он сам попросту спасет девочку? Доставит ее в полицию?

И, честно говоря, разве это не то, чего ему всегда хотелось? Получить шанс оказаться героем? Спасти невинное дитя из лап беспощадного похитителя... Самому свершить правосудие?

Он разработал план, хорошо подготовился — Глен истово верил в силу приготовлений — и рано утром взял машину матери. Оставил ей

наспех составленную записку на кухонном столе, с извинениями и обещаниями позже позвонить.

И теперь ждал. Похититель прибыл домой три часа назад. Глен надеялся, что вскоре тот опять выйдет из дома, но был готов и провести ночь в машине, если понадобится. С утра-то этот тип уж точно выйдет.

Разве что... вот он! Глен вздернул бинокль к глазам. Гаражная дверь была открыта — выкатившийся из-за нее автомобиль свернул влево, в обратную сторону от Глена. Автомобиль все удалялся, дверь гаража закрывалась. А значит, Эбигейл наверняка держали не в гараже.

Время действовать. Глен выбрался из машины, закинул за плечо рюкзак и небрежной походкой двинулся к дому. Наступал критический момент. Получится ли проникнуть внутрь?

Подойдя ко входной двери, Глен открыл рюкзак и отыскал в нем свой набор. Он практиковался в этом деле уже много лет. Это была одна из тех вещей, которые Глен любил больше всего, не считая своего компьютера, — вскрывать замки. Набор отмычек он собирал больше трех лет, смотрел видеоинструкции в интернете, почти ежедневно практиковался. Дома держал дюжину замков и их разрезных моделей и мог вскрыть их даже с закрытыми глазами. Пробил час применить эти умения, чтобы спасти человеческую жизнь.

Замок Глена особо не волновал — больше беспокоило то, что кто-то может заметить его и вызвать копов. Но теперь, трудясь над замком, он осознал, что волнение сказывается на ловкости пальцев. Его потряхивало, отмычка-ключик, служащая для проворота цилиндра, дрожала в руке. Он вставил ее в замок, но вроде все никак не мог подобрать нужную силу нажатия. Ладони начали потеть, инструмент выскользывал из пальцев. Наконец Глен выпрямился, сделал глубокий вдох. Какой-то голосок в голове истошно вопил ему: «Уходи, отправляйся в полицию, покажи им, что ты нашел!»

Он велел этому голоску заткнуться. Прикрыл глаза, пару раз вдохнул и выдохнул, заставил себя расслабиться. Попытался подумать о чем-то другом. На лекциях по испанскому в его группе была одна девушка, Бреанна. Он уже больше трех месяцев мечтал ее куда-нибудь пригласить. Мечтал и о других вещах, с нею связанных. Впечатлит ли ее, если он будет тем парнем, который спас Эбигейл Лисман? Глен

представил себе ее глаза, полные восхищения, ее руки на своих руках, ее приоткрывшиеся губы...

Нет, на этом месте лучше остановиться. Ему нужна способность здраво соображать.

Улыбнувшись, Глен вытер ладони о рубашку. Потом опять склонился над замком. На сей раз руки не дрожали, в голове прояснилось. Замок был простенький. Отмычки стандартные. Вновь вставил «ключик» и приложил легкое усилие. Потом засунул поверх него в замок основную отмычку и принялся терпеливо двигать ею вверх-вниз. Всего через пару минут штифты в замке выровнялись, и цилиндр провернулся. Замок щелкнул, и он оказался внутри.

Закрыв за собой дверь. Если мужчина вернется, он услышит, как открывается гаражная дверь, и быстро выскочит на улицу. В таком случае придется позвать копов. Второй раз пробовать не стоит.

Переходя из комнаты в комнату, Глен вертел головой по сторонам. Полный бардак — пыльная гостиная, грязная кухня с раковиной, полной немытой посуды, недоеденный сэндвич прямо на столе, без тарелки.

Единственная закрытая дверь. Он подергал за ручку.

Заперто.

Она за этой дверью — Глен был в этом совершенно уверен. Зачем еще запирает дверь внутри собственного дома? Он оглядел замок. Плевое дело. Взглянул за дело, наострив уши, — не открывается ли дверь гаража? В какой-то момент с улицы послышался шум машины, и его сердце замерло, но гаражная дверь оставалась закрытой, а машина проехала мимо.

Наконец еще один щелчок, и когда он нажал на дверную ручку, дверь открылась. Вниз уходили несколько ступенек. Глен начал медленно спускаться.

— Кто там? — послышался голосок. Девчоночий.

Глаза быстро привыкли к тусклому свету, и Глен различил фигуру Эбигейл Лисман, сидящую на матрасе посреди подвального помещения. Он нашел ее! Сердце радостно зачастило.

— Меня зовут Глен, — ответил он. — Я пришел спасти тебя!

Такие простые слова, растиражированные во множестве фильмов и книжек. Он никогда не верил, что и сам когда-нибудь их произнесет.

Девочка не двинулась с места.

— Вы коп? — спросила она.

— Я... что-что? Нет, я не коп. Пошли!

Когда она по-прежнему не двинулась, Глен спросил:

— Тебя что, привязали к матрасу?

— Нет, — ответила девочка, помотав головой, и встала, вся дрожа. — А что если они вернуться?

— Мы услышим гаражную дверь, — нетерпеливо отозвался он. — Ну пошли же, давай выбираться отсюда, пока это и впрямь не произошло!

Она сделала несколько прерывающихся шажков. Улыбнувшись ей, Глен направился обратно к ступенькам. Успел подняться на три ступеньки, но вдруг нахмурился и опять повернулся к Эбигейл.

— В каком это смысле «они»? Здесь же вроде только один человек живет?

— Есть еще женщина, — сказала Эбигейл. — Она тоже сюда приходит.

— Женщина? Я видел только... — Слова застряли у него в горле, когда глаза девочки распахнулись, а рот в ужасе приоткрылся. Она напряженно смотрела куда-то поверх его плеча.

Глен повернулся, и тут же страшная боль расцвела у него в груди. Он поперхнулся. Попытался вдохнуть — боль была просто жуткой, — а потом что-то острое стало втыкаться в него, раз за разом; в животе было такое чувство, будто кишки разрываются на части. Глаза едва отметили женщину, стоящую прямо перед ним. Пару холодных, пустых карих глаз. Ноги уже не держали его; он падал на ступеньки, слыша истошные крики девочки и грохот захлопнувшейся двери над собой, повергшей комнату во тьму.

Глен застонал, пытаясь сказать девочке, что что-то с ним не так, попросить ее помочь ему. Он не мог дышать, не мог двинуться, и все вокруг быстро тускнело. Он больше ничего не видел — слышал лишь девочку, которая быстро бормотала вновь и вновь:

— Она убила его, о боже, она убила его, о боже, я видела ее лицо, я видела ее лицо, я видела ее лицо...

Глава 14

Митчелл Лонни остановил машину на Сайприс-стрит, сразу за серым «Ниссаном Альмера» медэксперта. Вздохнул и потер глаза, все еще полусонный. Телефонный звонок из центральной диспетчерской разбудил его в четверть третьего ночи, и девушке, работающей за пультом, пришлось три раза повторить, прежде чем она убедила его, что и впрямь придется проснуться. Он жалел, что не остановился где-нибудь по пути выпить чашку кофе.

Едва Митчелл открыл дверцу машины, как леденящий ветер с улицы сразу заморозил его чуть ли не до смерти. Он пошарил рукой в поисках куртки, которую бросил на заднее сиденье, и быстро натянул ее. А потом выбрался из машины, давая себе клятвы как можно скорей найти другую работу, и направился к месту преступления.

Танесса стояла на тротуаре, глядя на него с жалостью в глазах, пока он шаркающей походкой плелся к ней. Позади нее виднелась красная «Хонда» с открытым багажником, вокруг которой сгрудились несколько человек.

— Привет, — хрипло произнес он.

— Митчи, ты выглядишь просто ужасно, — отозвалась она.

— Для тебя — детектив Митчи, сеструха. Будешь выглядеть так же, если кто-нибудь разбудит тебя среди ночи и потащит на другой конец города.

— А я вот регулярно не сплю по ночам, — заметила она.

— Ну да, никто не заставлял тебя быть копом. Что мы тут имеем?

Глаза ее стали серьезными.

— В час пятьдесят в диспетчерскую позвонил ка-кой-то парень, сообщил, что на Сайприс-стрит в багажнике машины лежит мертвец. Я приехала сюда буквально через десять минут, нашла машину с открытым багажником и трупом внутри. Парень, который звонил, стоял рядом, совершенно обдолбанный. Трудно было понять, что он говорит. Насколько я могу судить, он уверяет, будто просто проходил мимо, заметил открытый багажник и позвонил нам.

— Так-так.

Танесса пожалала плечами.

— Так он, по крайней мере, сказал, Митчелл. Мне требовалось поскорей огородить место происшествия, не было времени его опрашивать. Сейчас с ним общается офицер Бертини.

— Ну ладно... Когда сюда приехала Энни и все остальные?

— За пару минут до тебя.

— Джейкоб уже тут?

— Не-а. — Она сунула ему регистрационный журнал. — Распишись-ка вот тут, пожалуйста.

Он накорябал на странице свою подпись, а потом подошел к «Хонде». Вокруг багажника стояли трое. Энни Тёрнер, медэксперт, была в толстой оранжевой куртке почти того же цвета, что и ее волосы. Она приглядывалась сквозь очки к содержимому багажника, подсвечивая себе маленьким фонариком. По бокам от нее расположился дуэт криминалистов — Мэтт Лоуэри и Вайолет Тодд. Вайолет делала снимки открытого багажника. Мэтт склонился внутрь, тоже чем-то занятый.

Подойдя к машине, Митчелл заглянул в багажник.

— Ни хера себе, — пробормотал он. Труп принадлежал совсем молодому человеку — может, лет шестнадцати или семнадцати. Одет тот был в небесно-голубой свитер с огромным бурым пятном по всему переду. Глаза у него были закрыты, кожа бледная, на правой щеке — большой багровый кровоподтек. Мэтт соскребал что-то со дна багажника в маленький бумажный пакет.

— Перчатки, детектив, — напомнила Вайолет, мотнув головой на коробку с латексными перчатками. Натянув пару, Митчелл подступил ближе и еще раз заглянул в багажник.

— Здравствуйте, детектив, — произнесла Энни, не сводя глаз с тела.

— Что у нас тут, Энни?

— Молодой мужчина, несколько ножевых, — отозвалась она, нацеливая фонарик на живот трупа. — В момент нанесения ударов был жив, но вскоре умер. Пробито как минимум одно легкое. — Она указала фонариком на его губы, с которых спускался бурый потек свернувшейся крови. — Трупное окоченение наступило полностью. Признаки трупного пятна на правой щеке, хотя нашли его лежащим на спине. Детектив, не сможете перевернуть его на бок?

— Конечно, — отозвался Митчелл. — Мэтт, не отойдешь на секундочку?

Мэтт подвинулся в сторону. Митчелл ухватил труп за руку. Она оказалась твердой, как железо, и ощущение было не из приятных. Преодолев свой готовый взбунтоваться желудок, Митчелл помог Энни повернуть тело на бок. Энни задрала на нем свитер, обнажив кожу трупа. По всей спине мертвого парнишки расплывалось здоровенное синюшное пятно.

— На спине тоже трупные пятна, — констатировала Энни, опуская свитер обратно. — Можешь перевернуть его обратно.

Митчелл аккуратно вернул тело в первоначальное положение.

— Итак, — произнес он. — Трупные пятна на боку и спине. Значит, тело перевернули через несколько часов после убийства, верно?

Энни отошла на шаг от машины.

— Верно, — подтвердила она. — Видишь — тело согнуто, но ноги почти прямые?

— Угу.

— Посмертное окоченение началось еще до того, как тело передвинули. А вот ноги им согнуть не удалось, чтобы оно поместилось в багажник. Вот почему тело согнуто в основном в поясе. Могу предположить, что переместили его... — Она пожевала губу. — Примерно часов через пять после убийства.

— А можешь назвать примерное время смерти?

— Только весьма приблизительно. Окоченение и трупные пятна указывают на то, что он мертв как минимум двенадцать часов, но не больше суток. Сейчас подморозило, днем тоже было холодно, так что тело остывало гораздо быстрее, когда его погрузили в машину. Сейчас его температура семьдесят и пять ^[22], так что... — Шевеля губами, Энни мысленно подсчитала что-то в голове. — От двенадцати до восемнадцати часов назад, — наконец закончила она.

Митчелл бросил взгляд на часы.

— Так что между восемью утра и двумя часами дня, — заключил он.

— Верно, — кивнула Энни. — После вскрытия смогу сказать точнее.

— Ладно, — сказал Митчелл. — Никто из вас не находил на теле бумажник или какие-то документы?

— Ни бумажника, ни мобилы, — отозвался Мэтт, погрузивший голову в багажник. Он выпрямился, хотя, учитывая его рост, разница была небольшая. Митчелл привык смотреть на Мэтта сверху вниз — тот был чуть ли не самым низкорослым человеком из всех его знакомых. Хотя Мэтт как-то сказал ему, что с этой выгодной точки ему всегда видно, кто подстригает волосы в носу, а кто нет. С того самого дня Митчелл всегда медлил, когда его вызывали на место очередного убийства, — подумывал, не задержаться ли на секундочку, чтобы привести ноздри в порядок.

— Попробую взять образцы ДНК — может, получим совпадение, — добавил Мэтт.

— Ничуть не сомневаюсь, что получишь, — выпалила Энни.

Митчелл покосился на нее, вопросительно подняв бровь. Она не сводила глаз с Мэтта, слегка приоткрыв губы. Тот смотрел на нее в ответ пронзительным и многозначительным взглядом. Сделал шагок в ее сторону.

— Получим, если он есть в КОДИСе^[23], — негромко произнес он.

— Точно, — сипло прошептала Энни.

Митчелл бросил озадаченный взгляд на Вайолет, которая закатила глаза, насмешливо изогнув губы.

— Итак! — громко произнес Лонни, нарушая повисшую тишину. — И это всё, что вы успели выяснить? Что еще мне следует знать?

Мэтт откашлялся.

— Пока это всё, — ответил он. — Но я еще не занимался машиной. Позже сообщу.

— Хорошо, — пробормотал Митчелл, отходя в сторону. Посмотрел на патрульного Сержио Бертини, который беседовал с худощавым мужчиной в грязных джинсах и драном худи. Тот периодически мотал головой.

Митчелл секунду помедлил. Джейкоб определенно не спешил. Обычно напарник оказывался на месте преступления гораздо быстрее. Лонни поразмыслил, стоит ли дожидаться его, прежде чем пообщаться с человеком, который вызвал полицию. В конце концов решил, что лучше не стоит. Не было смысла тратить время зря.

Митчелл подошел к двоим мужчинам.

— Офицер, — кивнул он Бертини.

— Детектив, — склонил тот голову в ответ. — Вот человек, который звонил в центральную, чтобы сообщить про тело. Его зовут Джо.

— Ну да, здрасьте, — отозвался тип в грязном худи, слегка трясая головой. — Я позвонил в полицию, потому что это, ну, сразу видать, что человека пришили. В смысле, это ужасно — такой молодой парнишка, но теперь мне реально пора, уже поздно, а мне сегодня еще работать. Вот офицер тут сказал, что мне нужно дождаться детектива, так что я ждал, потому как это, ну, я хочу, чтобы вы поймали гада, который это сделал, но теперь мне реально надо идти. Простите, мне реально надо идти.

Он заломил руки. Его глаза постоянно бегали по сторонам. Мужчина был невероятно худой, с бледной и маслянисто поблескивающей кожей. У него не хватало одного переднего зуба, оставшиеся были разных оттенков желтого и коричневого; на губах — несколько темных нарывов.

— Джо, а какая у вас фамилия? — спросил Митчелл.

— Э-э... Уильямс, — ответил тот. — Джо Уильямс.

— Так-так, — скептически протянул Митчелл. — Можете рассказать мне, что произошло?

— Ну, этот парень уже меня спрашивал, типа как три раза, понятно? Я проходил мимо, домой шел, и тут смотрю — машина, и багажник открыт. Ну, я и заглянул туда и увидел этого мертвого парнишку. Сразу позвонил в полицию, потому что, ну, жуть как перепугался. Это ужасно. Ужасная вещь.

— А можете сказать, что вы тут делали в два часа ночи? — спросил Митчелл. — Вы сказали, что возвращались домой. А откуда возвращались?

— Из бара. Я возвращался из бара. В баре я пил пиво.

— Из какого бара?

Джо заморгал.

— Не помню, как называется. Он тут рядом.

— Можете объяснить, как туда пройти? — спросил Митчелл.

— Я реально устал, понятно? Я хочу домой. Мне сегодня еще работать, и мне реально нужно хотя бы пару часов поспать. Послушайте, вот так все и произошло. Ничего большего.

— Вы не заметили кого-нибудь возле машины? — спросил Митчелл. — Или просто на улице? Вы видели, как эта машина подъехала сюда?

— Нет! Только то, что я сказал, понятно?

— Да понятно... — Митчелл вздохнул. — Дело в том, Джо, что это расследование убийства, и...

Тут из-за спины до него донесся голос Джейкоба — тот что-то говорил Мэтту и Энни.

— Пойдите-ка тут минуточку, — попросил Митчелл, оборачиваясь. Джейкоб стоял возле открытого багажника, со своей знаменитой широкополой шляпой на голове, и заглядывал внутрь, засунув руки в карманы.

Митчелл направился к нему. Руки трупа были уже обернуты пластиковыми пакетами, а Мэтт сидел на переднем сиденье автомобиля, водя кисточкой по приборной панели, — снимал отпечатки. Среди прочих машин стояла «Скорая помощь», и двое мужчин выгружали из нее складные носилки на колесиках.

— Привет, — негромко поздоровался Лонни.

— Здорово, Митчелл, — отозвался Джейкоб. — Извини, что припозднился. Эми приболела.

Эми была дочкой-подростком Джейкоба.

— О, какая жалость, — сказал Митчелл. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Да вроде. — Джейкоб пожал плечами, хотя в его глазах крылись отстраненность и тревога. — Наверняка просто обычная простуда. Но у нее была очень высокая температура, так что...

— Может, хочешь поехать домой, ухаживать за ней?

— С ней сейчас Марисса, и я нужен здесь, — ответил Джейкоб. — Что тебе сообщил Фин?

— Какой еще Фин? — не понял Митчелл.

— Торчок, с которым ты только что общался. Его кличут Фин.

— Ну, для начала, он сказал, что его зовут Джо, — сказал Митчелл. — Уверяет, что просто проходил мимо, увидел у тротуара машину с открытым багажником и позвонил нам.

— Так-так... Очаровательная история.

— Я как раз собирался потрясти его на предмет правды, — сказал Митчелл.

— Хорошая мысль, — ответил Джейкоб. — Давай-ка этим и займемся.

Оба подошли к Фину, остановившись, только когда подошли вплотную, и нависли над ним.

— Привет, Фин, — негромко произнес Джейкоб.

— Здравствуйте, детектив, — пробормотал тот, уставившись на свои ботинки.

— Детектив Лонни говорит, что ты рассказал ему очень трогательную историю, — продолжал Джейкоб.

— Не очень трогательную. В смысле, человека же убили, понятно? Жуткое дело. Вот я и вызвал копов, понятно? Потому что...

— А по-моему, трогательную, поскольку в этой истории ты образцовый гражданин, сделавший доброе дело и не ожидающий награды. Очень воодушевляет. Заставляет меня поверить, что человек может измениться. — Джейкоб тонко улыбнулся, сверля своими холодными голубыми глазами мужчину, который поежился под его взглядом. — Ну кто бы поверил, что Фин — человек, которого я по меньшей мере шесть раз заметал за кражу и хранение наркотиков, — проявит такую сознательность?

— Ну да, понятно? Я реально исправляюсь. Я в этой группе, у меня есть куратор и все такое. Мне не нравится, кем я стал, понятно? Вот потому-то я...

— Фин, посмотри-ка на меня, — перебил его Джейкоб.

Тот поднял глаза.

Джейкоб пристально посмотрел на него.

— Какой хреновый ожог у тебя на нижней губе, — заметил он. — Болит, небось?

Глаза Финя нервозно забегали по сторонам.

— Вообще-то у тебя все губы в ожогах, но этот на вид реально свежий, — сказал Джейкоб.

Митчелл пригляделся к язвам на губах у типа. Одна из них и вправду была розовой, блестящей.

Употребляющие крэк^[24] часто обжигают губы при курении своей отравы. В качестве трубок они используют металлические банки, а металл сильно нагревается.

— Выворачивай карманы, Фин, — приказал Джейкоб.

— Нет, не надо. У вас нет достаточных оснований меня обыскивать, и...

— Это убийство, Фин. Думаешь, меня волнуют твои наркоманские причиндалы? Если не вывернешь карманы, я арестую тебя за убийство, и ты проведешь следующие двадцать лет в тюрьме. Выворачивай свои чертовы карманы, быстро!

Фин шмыгнул носом. Засунул руку в карман и вытащил оттуда пару банкнот и два каких-то серебристых комка. Кристаллы крэка обычно заворачивают в алюминиевую фольгу.

— Два «камешка», — резюмировал Джейкоб. — А третий ты только что выкурил. На крэк в общей сложности ты потратил шестьдесят долларов, и даже сорок долларов осталось про запас. Ничего себе, Фин, ты сорвал джекпот! Поздравляю!

— Ну да, у меня сейчас работа, понятно? И...

— Заткнись, — устало бросил Джейкоб. — У меня нет времени слушать все эти отмазки. Давай-ка я расскажу тебе другую историю. А ты меня поправишь, если я ошибаюсь, хорошо?

— Лана, — пробормотал Фин, опять уставившись в землю.

— Ты шел сюда на встречу со своим дилером с новенькой, хрустящей двадцаткой в руке, — резко произнес Джейкоб. — Кто знает, может, ты даже получил ее на своей новой работе... И тут ты заметил эту классную машину. Очень дорогую для такой-то улицы. И вот те на: тачка-то не заперта! Ты, будучи парнем любопытным, открываешь машину...

— Я не открывал эту машину...

— Фин, прежде чем ты скажешь еще что-то, помни, что сейчас мы снимаем там отпечатки, а твои есть в базе. Так что ты там собирался сказать?

— Ничего.

— Вот и замечательно. Ты открываешь машину, смотришь на предмет чего-то, что легко слямзить, а потом открываешь багажник. И вот тут праздник заканчивается — ты находишь в багажнике труп, верно?

— Ну да, а потом я вызвал копов, понятно? Потому что это было ужасно. В смысле, да, я открыл машину, потому как хотел посмотреть, нельзя ли выяснить, кто владелец, чтобы сообщить ему, что он оставил

машину незапертой. Но потом, когда я открыл багажник, то понял, что внутри труп, и вызвал копов.

— Ну... кто же так рассказывает, Фин? — укоризненно произнес Джейкоб. — Не надо сразу так вот бросаться к развязке. Должен быть какой-нибудь сюжетный поворот, чтобы история стала интересней. А поворот здесь в том, что перед тем как позвонить нам, ты обыскал тело и нашел бумажник парня. Там было восемьдесят долларов. Ты взял деньги, отправился к своему дилеру, купил три «камешка» и один выкурил. Тебе наверняка хотелось употребить и оставшиеся два, но тут тебя стала мучить совесть, и ты позвонил нам. Разве не так все было?

Фин пожал плечами.

— Бумажник лежал в багажнике рядом с телом, — наконец произнес он. — Я не обыскивал тело ради денег. Я не настолько пропащий, так далеко не захожу.

— Ладно, — вздохнул Джейкоб. — Так где лопатник?

Фин повел их к мусорному баку в нескольких сотнях футов от них. В нем они и обнаружили бумажник. Митчелл вытащил его и открыл, обнаружив внутри водительские права потерпевшего.

— Глен Хейни, — объявил он. — Парнишку звали Глен Хейни. Ему было всего семнадцать.

Глава 15

Красная «Хонда», в которой нашли тело Глена Хейни, была зарегистрирована на Бетти Хейни, проживающую в Портленде, штат Мэн. Митчелл подумывал было позвонить в тамошнюю полицию, попросить их поставить эту женщину в известность, а потом замешкался. Почему-то это казалось неправильным. Конечно, она даже не жила в их штате, и он вполне мог перевалить эту неприятную задачу на местных копов, но представлялось справедливым, что именно он должен быть тем, кто сообщит это известие. А еще Митчеллу пришло в голову, что Глен Хейни мог быть убит и в Портленде, а его тело вывезли за границы двух штатов, просто чтобы замести следы.

Он бросил взгляд на Джейкоба. Напарник наблюдал, как медики грузят тело в «Скорую». Выражение лица его было нечитаемым.

— По-моему, нам самим нужно сообщить матери, — сказал Митчелл.

— Что-что? — отсутствующе отозвался Джейкоб.

— Послушай, — произнес Митчелл, тщательно выбирая слова. — Будет лучше, если я съезжу, сообщу матери. А ты можешь возвращаться домой, побыть с дочкой. Наверняка по-любому будет разумней, если кто-то из нас останется в Гленмор-Парке, просто на всякий случай.

Джейкоб повернулся к нему лицом, на котором смешались благодарность и беспокойство.

— Ну да, — произнес он. — Наверняка это хорошая мысль.

— Я позвоню тебе через пару часов, — пообещал Митчелл. — Дай знать, если Мэтт или Энни обнаружат что-нибудь интересное.

— Обязательно.

Вернувшись к своей машине, Митчелл отъехал от места происшествия. Включил радио, настроился на WERS^[25]. Обычно он не слушал музыку, транслируемую в эфире, предпочитая сам выбирать из собственной коллекции инди-рока, которую годами собирал в своем телефоне. Но предстояла долгая поездка к побережью, в конце которой ему предстояло сообщить самую страшную весть, которую только

могут слышать родители. Так что на сей раз он предпочел сложить свои полномочия диджея и перепоручить задачу выбора музыкального сопровождения кому-нибудь еще.

Дороги были пусты, и меньше чем через пятнадцать минут Митчелл уже оказался на сто двадцать восьмой трассе. Ночное движение — одинокие легковушки на широкой автостраде, призванной вмещать куда более плотный поток транспорта, — привело Митчелла в мрачное настроение. Обычно он любил ездить по ночам, когда весь мир спит, но лицо мертвого семнадцатилетнего парнишки полностью захватило его мысли. В какой-то момент он даже чуть было не развернулся обратно — его решительный настрой совершить так называемый правильный поступок заметно поколебался. Но Митчелл отбросил эту мысль и продолжил мчаться дальше.

На мосту в Портсмуте он сбавил ход, бросив взгляд на воду глубоко под собой, в глади которой отражались городские огни. Подумал про Джейкоба, вернувшегося домой ухаживать за приболевшей дочкой, и вдруг ощутил укол одиночества. Прибавил громкость, и салон машины наполнила одна из композиций «Испуганного кролика»^[26].

Едва не проскочив съезд на федеральную трассу I-295, он был вынужден довольно резко свернуть — его сонные глаза широко раскрылись в тревоге, когда ему дуднула какая-то фура. Но вообще-то фура была довольно далеко, ее водитель просто среагировал на резкий маневр Митчелла. На первой же бензоколонке он остановился и взял себе большую чашку кофе.

Наконец добравшись до Портленда, детектив был полностью вымотан и уже ругал себя за то, что поперся в такую даль практически без сна, просто чтобы лично сообщить дурные вести. Так уж ли плохо было бы поручить эту задачу местной полиции, а потом через пару часов позвонить, чтобы задать несколько вопросов?

Адрес он нашел легко — трехэтажное здание из красного кирпича на Уэст-стрит. Небо уже начинало светлеть, а помигивающие звезды медленно растворялись на нем, когда Митчелл постучал в дверь.

* * *

Курт Хейни смотрел на свою жену Бетти, лицо которой было перекошено от ужаса и недоумения, когда детектив Митчелл Лонни из Гленмор-Парка сообщил им, что их сын мертв. Бетти жалобно замычала, руки ее метнулись ко рту, чтобы приглушить вскрик боли. Зрение Курта затуманилось, его жена расплывалась у него перед глазами — впервые за многие годы глаза его заполнились слезами.

Они еще не видели сына, но детектив показал им снимок машины и еще один водительского удостоверения Глена. Сказал, что позже с ними свяжутся из морга, чтобы опознать тело, но не стал уточнять, имелся ли в виду морг в Гленмор-Парке или же в Портленде.

Что Глен мог делать в Гленмор-Парке?

Сын частенько исчезал на день или два, хотя он впервые взял машину Бетти, не спросив разрешения. Курт просто взбесился, когда про это узнал. Наговорил Глену два гневных сообщения на автоответчик. А теперь гадал, прослушал ли приезжий коп эти сообщения и не считает ли его плохим отцом. Курт и сам об этом частенько задумывался. Ведь даже теперь он думал о всяких незначительных подробностях — вроде этих сообщений или в каком морге находится тело, — вместо того чтобы оплакивать своего сына.

Глен всегда ставил Курта в тупик. Он так отличался от того мальчишки, которым помнил себя сам Курт. Был тихоней, мог часами просиживать в своей комнате, копаясь в интернете, что в последнее время частенько приводило к жарким спорам — или, точнее, к жарким монологам, в ходе которых Курт орал на своего сына, пытаясь убедить того, что он должен что-то с собой сделать, в то время как Глен лишь смотрел в пол и что-то согласно бормотал в ответ.

Знал ли Глен, что после этих тирад отец частенько испытывал чувство вины? После последнего раза Курт тихонько прокрался в комнату Глена в два часа ночи и поцеловал спящего сына в лоб. Почувствовал ли это Глен? Курт очень надеялся, что да.

— Простите, но мне крайне необходимо задать вам несколько вопросов, — произнес Митчелл.

Все трое стояли в прихожей. Они пригласили Митчелла войти, поскольку на улице было холодно, но не предложили ему чего-нибудь выпить или даже присесть.

Курт и сейчас не собирался это делать. Ему хотелось, чтобы этот человек поскорей ушел.

— Это не может подождать? — хрипло спросил он. — Нам нужно немного времени, чтобы...

— Это очень поможет нам найти того, кто это сделал, если я задам эти вопросы прямо сейчас, — твердо ответил Митчелл. — Это не займет много времени.

— Ладно.

— Вы знаете, что он делал в Гленмор-Парке?

— Нет. — Курт помотал головой. — Он просто оставил записку, что его пару дней не будет.

— Он часто так поступал?

— Иногда, — ответил Курт, уже собираясь добавить, что Глен обычно спрашивал, перед тем, как взять машину, но промолчал. Какая теперь разница?

— Не был ли ваш сын в последнее время чем-то возбужден или встревожен?

— Вроде мы ничего такого не замечали, — сказал Курт.

— Он нас сторонился, — добавила Бетти дрожащим голосом. — Проводил много времени в интернете или уходил к своим знакомым. — Она вдруг закрыла лицо руками, разразившись безудержным плачем. Курт нерешительно положил руку жене на плечо.

— К каким знакомым? — спросил Митчелл.

— Чаще всего к одной девушке, — сказал Курт. — Елене как-то там... Петровой. К Елене Петровой.

— У них были отношения? — спросил Митчелл.

— Не думаю. Они просто дружили.

— У вас есть ее телефон?

— Ну да, — отозвался Курт. — Сейчас пойду поищу.

Ему очень не хотелось оставлять жену одну — он боялся, что она в любой момент просто упадет на пол. Провел ее внутрь и помог ей присесть на диван. Потом сходил за своим телефоном, нашел номер Елены и продиктовал его детективу Митчеллу.

Детектив задал еще несколько вопросов, но Курт не смог сообщить ничего полезного. Он вообще-то практически ничего и не знал, пытаясь убедить себя, что большинство родителей мало что знают про своих детей, когда те вырастают, но все равно чувствовал стыд.

И терялся в догадках: прояви он в свое время бóльшую настойчивость, вышло бы у него стать чем-то бóльшим в жизни сына и был бы Глен сегодня жив?

* * *

Митчелл сидел в машине, прихлебывая кофе из пластиковой чашечки. От усталости он казался себе словно налитым свинцом и заторможенным. Бросил взгляд на свое отражение в зеркале заднего вида. Выглядел он ужасно.

Митчелл знал, что обычно знакомые считали его симпатичным малым — густые, волнистые черные волосы, превосходная смугловатая кожа, широкие плечи и мускулистое тело. Он культивировал образ мужчины, который хорошо знает, что такое боль и страдание, — с печалью и мудростью в глазах. Даже аккуратно подравнивал брови, чтобы достичь желаемого эффекта.

Хотя в данный момент его волосы больше напоминали воронье гнездо, нефритово-зеленые глаза покраснели, под ними набрякли синие мешки. Брови всклокочились, а лицо отнюдь не казалось преисполненным печали и мудрости. Он просто выглядел слегка обалдевшим.

Беседа с мистером и миссис Хейни оказалась предсказуемо угнетающей. Единственной полезной вещью, которую Митчелл из нее вынес, был телефонный номер Елены Петровой. По телефону Елена сказала ему, что находится дома, и он пообещал ей заскочить через полчаса.

Митчелл мудро использовал эти полчаса, чтобы съесть легкий завтрак в местном кафе и поглотить столько кофе, сколько в него влезло.

Вздыхнув, он пригладил рукой всклокоченные волосы и выбрался из машины. Выбросил пустую кофейную чашечку в мусорный бак и двинулся к дому Елены. Жила та в здании грязно-бежевого цвета с отслаивающейся штукатуркой и заколоченными окнами на первом этаже. Квартира Елены располагалась как раз внизу. Поднявшись по нескольким бетонным ступенькам, Митчелл прошел по короткой мощеной дорожке между двумя зданиями, стараясь не наступать на

брошенные пластиковые пакеты и обертки от шоколадных батончиков. Наконец подошел к двери и постучал.

Дверь почти сразу открыла бледная пухленькая девушка. Волосы сальные и неухоженные, все лицо в оспинках. Футболка с выцветшим принтом «Звездных войн», на воротничке — коричневое пятно. Зрачки у нее были размером с булавочный укол, и от нее за милю несло каннабисом.

— Вы детектив? — спросила Елена.

— Верно, — ответил Митчелл.

— Ладно, — она кивнула.

— Можно войти?

— Ну чего уж, заходите.

Митчелл прошел вслед за ней в грязную гостиную, вся обстановка которой состояла из драной синей кушетки, игровой консоли и большого телевизора с плоским экраном.

— Так, говорите, вы насчет Глена? — спросила Елена, плюхаясь на кушетку. — У него типа как... проблемы?

— Что-то вроде того, — осторожно ответил Митчелл, все еще стоя. — Когда вы в последний раз видели Глена?

— Не помню, — ответила Елена, прищурившись. — Вроде как на прошлой неделе.

— Вроде?

— Ну да, он точно был здесь в прошлый понедельник. А что? Глен — нормальный парень. Если вы думаете, будто он что-то там такое сделал, то ошибаетесь.

— Вы не в курсе, куда он поехал на этих выходных?

— Я вообще не знала, что он куда-то ездил.

— Когда вы последний раз с ним общались?

— В смысле, по Сети?

Митчелл на секунду задумался.

— Ну да, во всяких чатах тоже. Как угодно.

— Три дня назад.

— Он не казался напряженным, или чем-то обеспокоенным, или...

— Послушайте-ка, дядя, — резко перебила его Елена. — Говорите, что вы детектив, но до сих пор даже не показали мне свой значок. Думаю, мне следует переговорить с Гленом, прежде чем

отвечать на любые ваши чертовы вопросы. Так что я хочу, чтобы вы немедленно ушли. Я позвоню вам, если Глен скажет, что...

— Мне очень жаль, — как можно мягче произнес Митчелл, — но Глен мертв.

Вытащив значок, он показал его ей.

Елена уставилась на него, после чего отвернулась.

— О! — только и сказала она.

— А вы вроде не особо удивлены, — заметил Митчелл.

— Не, еще как удивлена, — упавшим голосом отозвалась Елена. — У меня просто не очень выразительное лицо.

Опять посмотрев на Митчелла, она прокашлялась.

— Как это произошло?

— Его зарезали, — ответил он. — Тело нашли в машине его матери.

— Ой, мамочки, — пролепетала Елена.

— Его родители сказали мне, что иногда он исчезал на день-два. Вы не знаете, с какой целью?

— Ну да, он иногда ездил повидаться с кое-какими друзьями, с которыми познакомился в интернете. Он был очень общительный парень.

— Глен никогда не упоминал, что кто-то из этих друзей как-то ему угрожал? Что кто-то из них склонен к насилию?

— Не думаю... Ой, блин, можете обождать секундочку? — Елена вскочила, бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь.

Митчелл терпеливо ждал. Через какое-то время все-таки присел на кушетку, не обращая внимания на крепкий аромат «дури», прилипший к ее поверхности. Минут через пятнадцать, когда он совсем уже собрался проверить, всё ли с ней в порядке, Елена появилась из ванной. Лицо мокрое, глаза покраснели.

— Простите, дядя... — произнесла она. — Просто... Глен был моим лучшим другом.

— Что вы можете про него рассказать?

— Он был реально башковитый. Постоянно стремился узнать что-нибудь новое. Типа, посещал эти интернет-курсы по рисованию, или как делать ремонт, или вскрывать замки, или играть на чем-нибудь. Он очень хорошо играл на гитаре. Научился в интернете. Большинство

людей, которых я знаю, — типа как ленивые. Но у Глена была... ну не знаю. Типа как внутренняя энергия.

Она показала на стену. Там висел небольшой лист ватмана с изображенной на нем улицей Елены и самой Еленой, прислонившейся к стене одного из зданий.

— Видите, как проработано? У Глена был реально глаз на детали. Он замечал абсолютно *все*.

Митчелл внимательно изучил картину. Насколько он мог судить, писано было акварелью. Причем весьма умело, хотя в искусстве он особо не разбирался.

— Вы не знаете, куда он отправился на сей раз? — спросил Митчелл.

— Нет, он не говорил мне, что куда-то собирается.

— А обычно говорил?

Елена пожала плечами.

— Иногда.

— Глен в последнее время не выглядел чем-то обеспокоенным? Не казалось, что по какой-то причине он на грани срыва?

— Не, вообще-то нет. В смысле, родители постоянно цеплялись к нему, чтобы он отлип от компьютера, но не думаю, что это такая уж большая проблема.

— Вам не приходит в голову кто-то, кто мог хотеть как-то навредить ему?

— Да вроде нет.

— А какая-то причина, по которой кто-то мог бросить его тело аж в Гленмор-Парке?

Елена быстро подняла взгляд.

— Вы сказали, в Гленмор-Парке?

— Да.

— Это где похитили Эбигейл Лисман?

— Верно.

— Вот блин, дядя... Ну конечно, пошли. Я вам покажу.

Елена встала, вдруг полная энергии, качая головой и бормоча что-то себе под нос. Провела его в маленькую тесноватую спальню. На матрасе с грязноватым постельным бельем лежал маленький лэптоп и пластиковый пакет на «молнии», полный какой-то травы. Плюхнувшись на матрас, Елена открыла лэптоп.

Приподняв бровь, Митчелл показал на пакет.

— Это ваше? — спросил он.

Елена бросила на него мимолетный взгляд.

— Ну да, — ответила она. — Это чай.

— Ну-ну.

— Понюхайте, дядя.

Митчелл вздохнул, подобрал пакет, открыл и понюхал. Жасмин. Самая приятно пахнувшая вещь в квартире.

— Люблю пить чай, дядя. Да и по-любому вы ведь здесь не для того, чтобы замести меня за чай или за траву, верно? Ща посмотрим.

Открыв браузер, она зашла на «Реддит». Это был подфорум, который Митчелл сразу узнал, — посвященный похищению Лисман.

— Вот. — Елена ткнула пальцем в экран. — «RollingPunches» — это он. Он реально свихнулся на этом деле. Постоянно слал мне сообщения в мессенджере, пытался и меня в эту ветку затащить.

— А вы? — спросил Митчелл.

— Нет, дядя, я не лезу на эти форумы самодеятельных сыщиков. Они вечно переворачивают всё с ног на голову и просто толкут воду в ступе.

— Но Глен в нем участвовал.

— Ну да. Но скоро он прекратил слать мне сообщения на эту тему. И видите, вот здесь? Его последний пост был два дня назад.

— Вижу, — произнес Митчелл, нахмурившись.

— Глен реально на всем этом свихнулся, — сказала Елена. — Он, видать, решил, что сможет нарыть какую-то инфу в самом Гленмор-Парке.

— Ну да, — отозвался Митчелл, мозг которого уже работал на повышенных оборотах. — Не исключено.

Глава 16

Ханна сидела в кабинете оперативников, слушая подробный рассказ Митчелла о поездке в Портленд. Тот постоянно зевал и регулярно терял нить повествования, уставившись куда-то вдаль, словно задумчивая корова на выпасе. Но глаза его решительно сверкали, и Ханна могла сказать, что он испытывает невероятный подъем, который приходит с хорошей зацепкой.

В сказке про Гензель и Гретель все было не так. По следу из хлебных крошек надо было идти не домой, а в лес — чтобы найти пряничный домик и арестовать злую колдунью.

Капитан Бейли тоже при этом присутствовал, внимательно прислушиваясь к подробностям. Обычный фоновый шум в отделе был куда тише, чем всегда, и вгонял в дремоту — как и всегда по утрам в воскресенье. В здании находились лишь те, кто был на дежурстве, и даже они старались особо не перетруждаться.

Ханне тоже следовало быть сейчас дома, но тишина и одиночество собственной квартиры ее окончательно достали. Она чуть было не позвонила Клинту, чтобы пригласить его к себе. А потом подумала, что это *он* должен ей звонить. Так что сделала единственное, что пришло ей в голову, — поехала в отдел. В кабинете оперативников она появилась первой, а почти сразу за ней туда вошел капитан, приехавший встретиться с Лонни.

Постепенно изложение событий Митчеллом подошло к концу — или, может, он просто заснул с открытыми глазами. В любом случае, вдруг внезапно затих.

— Ну что ж, — произнес Бейли. — Выходит, наша жертва убийства связана с похищением Лисман.

— Более чем просто связана, — вмешалась Ханна. — Похоже, что он напал на верный след и как раз поэтому был убит.

— Вовсе не обязательно, — возразил Бейли. — Есть и другие объяснения.

— Весьма маловероятно, что он искал ее и просто случайно подвернулся кому-то под руку с ножом, — сказала Ханна.

— Не знаю, как там весьма маловероятно, — продолжал сомневаться Бейли. — Парнишка приехал в незнакомый город и начал совать нос куда не следует. Мой отец говаривал: никогда не поднимай камень, предварительно не надев шлем от скорпионов.

Сама концепция шлема в качестве средства защиты от скорпионов заставила всех ненадолго примолкнуть.

— Так что — вы считаете, что в поисках похитителя он просто наткнулся на какого-нибудь наркоторговца или кого-то еще и угодил под нож? — спросила Ханна.

Бейли пожал плечами.

— Такую возможность тоже не стоит сбрасывать со счетов, но могу назвать и более правдоподобное объяснение. Может, у парнишки и впрямь было чутье. Он начал подозревать кого-то с криминальным прошлым. Но, в отличие от нас, у него не было ствола и значка, и когда он начал бросаться обвинениями, кто-то предпочел зарезать его и упрятать в багажник.

— Нельзя игнорировать возможность того, что он действительно что-то надыбал, — встрепенулся Митчелл. — Обнаружение убийцы может вывести нас и на кого-то из похитителей Эбигейл.

— Согласен, — кивнул Бейли.

— Надо обязательно известить ФБР, — сказала Ханна. — У Бюро есть такие ресурсы, которых нет у нас. Если с этим как-то связана безопасность Эбигейл, то нам нельзя сейчас лезть в обидку. В смысле... конечно, мы можем предложить свою помощь. Но вообще-то я думаю, что мы должны сообщить им это прямо сейчас. Это может послужить хорошим толчком для их расследования.

Бейли с задумчивым видом откинулся в кресле. Немного помолчав, произнес:

— Хорошо. Вы наверняка правы. Вот как мы поступим: детектив Лонни сейчас отправляется домой и хотя бы немного поспит, пока он не закапал слюной пол в моем кабинете оперативников...

Митчелл заморгал, едва подавив очередной зевок, после чего кивнул.

Бейли продолжил:

— А вас, Ханна, прошу переговорить либо с агентом Уардом, либо с агентом Манкузо...

— Лучше, наверное, все-таки с агентом Манкузо, — поспешно встала Ханна.

— Хорошо. Введите ее в курс дела касательно наших последних достижений. Напрямую за это дело она не ответственна, так что, полагаю, им понадобится какое-то время, чтобы прийти к решению относительно того, кто конкретно всем этим займется. Но на данный момент дело об убийстве по-прежнему на нас. Тело было обнаружено меньше двенадцати часов назад — след еще не остыл. Не стоит тратить время зря. Я попробую получить одобрение на оплату сверхурочных, в том числе для лаборатории и морга. Если дело об убийстве связано с делом о похищении, то критично раскрыть это убийство как можно быстрее.

— Звучит неплохо, — сказала Ханна.

— Очень рад, что вы одобряете мою квалификацию как администратора. А теперь: детектив Купер в больнице, у его дочери очень высокая температура, и ее пришлось поместить в реанимационное отделение.

Ханна напряглась.

— Девочка в порядке? — с тревогой спросила она.

— Угу. Судя по всему, просто тяжелый случай гриппа. Никакая опасность ей не грозит. Но это означает, что один из ответственных за это дело детективов не сможет принимать участия в расследовании. Я хочу, чтобы для дальнейшей работы в этом направлении вы временно скооперировались с детективом Лонни. Вы ближе всех к делу Лисман, так что ваши знания могут очень пригодиться. А мы с Бернардом поможем, чем сможем.

Ханна кивнула, почувствовав облегчение от того, что она снова вернулась к делу о похищении, пусть даже и временно.

— Что у нас там по зацепкам? — спросил Бейли.

Молчание в комнате. Все посмотрели на Митчелла. Глаза у того были стеклянными, взгляд расфокусированным.

— Митчелл! — гаркнула Ханна.

— А?

— Зацепки, — повторил Бейли. — По делу об убийстве.

— Ох... Гм... Нам известно, что мужик, который звонил в центральную с сообщением о трупе, встречался неподалеку со своим дилером на предмет приобретения кокса.

— И дилер мог видеть, кто пригнал туда машину, — закончил за него Бейли.

— А известно, кто этот дилер? — спросила Ханна. — Митчелл... Митчелл! Известно, кто этот дилер?

— Пока нет, — сонно отозвался тот.

— Выясните имя дилера, — приказал Бейли Ханне. — Допросите его. Может, он что-то видел. И заберите отчеты из лаборатории. Мне нужно больше информации по этому делу, прежде чем ФБР выхватит его у нас из-под носа.

* * *

К удивлению Ханна, агент Кристин Манкузо предложила встретиться лично, а не обсуждать вопрос по телефону. Она только что навещала семью Лисманов, так что находилась поблизости. Договорились встретиться за завтраком в «Рэд-пицце».

Несмотря на то что ходу туда было всего пять минут, Ханна опоздала — когда она добежала до места, то едва переводила дух, частил пульс. Агент Манкузо, уже сидевшая за столиком недалеко от входа, помахала ей. Перед ней стояла маленькая чашечка эспрессо. Усевшись, Ханна схватила меню.

— Надеюсь, вы не против, но я уже сделала заказ, — сказала Манкузо. — Мне через пару часов надо быть в Бостоне, так что у меня совсем мало времени.

— Конечно, нет проблем. Простите, что опоздала, — отозвалась Ханна, быстро пробегая взглядом по меню. — Пожалуй, я просто возьму маффин и чашку кофе.

Манкузо нахмурилась.

— Вам нужно сказать официантке. Не думаю, что есть смысл сообщать об этом мне.

— Просто размышляю вслух, — пробормотала Ханна, покраснев.

— Ладно.

Шор отложила меню.

— Итак... Мы выяснили кое-что, имеющее отношение к делу Лисман.

— И что же? — поинтересовалась Манкузо.

— Молодой человек по имени Глен Хейни был найден мертвым — зарезанным — в багажнике автомобиля своих родителей на Сайприс-стрит. Это один из худших районов в Гленмор-Парке.

— Ну да, — кивнула Манкузо. — Я в курсе, где это.

— Глен Хейни живет в Портленде. Это один из «реддиторов», пытающихся найти Эбигейл Лисман.

— Так-так...

— Мы думаем, что он отслеживал какую-то зацепку. Или решил приехать сюда, чтобы быть ближе к месту событий. А в итоге был убит.

Манкузо кивнула. К ним подошла официантка с большим круглым подносом. Ханна примолкла, пока та ставила перед Манкузо тарелку с большой пиццей.

— Одна пицца с пепперони, — жизнерадостно объявила официантка и с улыбкой повернулась к Ханне: — А вам что принести?

— Гм... — Ханна уставилась на огромную дымящуюся пиццу. — Маффин, — наконец произнесла она голосом чуть выше обычного. — И кофе?

— Конечно! — Официантка кивнула. — Что-нибудь еще?

Она многозначительно глянула на большую пиццу.

Ханна тоже на нее посмотрела. Ее маффин явно не соответствовал случаю.

— Нет, — наконец сказала она. — Это всё.

Когда официантка ушла, Манкузо взяла ломоть пиццы и впилась в него зубами.

— Можете тоже взять, если хотите, — сказала она, едва успев проглотить откушенный кусок.

Ханна пристально посмотрела на нее.

— Нет. Спасибо. — От мысли начать утро с пиццы ее даже замутило.

— Ну, как хотите. Итак, убитый «реддитор»...

— Да.

— Почему вы думаете, что это может быть как-то связано с похищением?

— Ну... По-моему, вполне вероятно, что он на что-то наткнулся, из-за чего и был убит.

— В самом деле? — Брови Манкузо взлетели вверх, и она опять откусила огромный кусок от своего ломтя.

— Да. А вы так не считаете?

— Он опубликовал что-то, проливающее свет на это дело, перед тем как исчезнуть?

— Да вроде нет, но...

Манкузо перебила ее.

— Нет, не опубликовал. Хотите знать, откуда мне это известно? Потому что я читаю абсолютно все посты в этой ветке. И они далеко не проливают свет на произошедшее. Некоторые из них откровенно опасны и даже вредят делу.

— Ну да, хотя, может, он просто хотел в чем-то убедиться, прежде чем...

— В одном из наиболее популярных постов все тычут пальцами в человека по имени Абдул Баазит в качестве подозреваемого в похищении. И знаете, чем это доказывается?

— Нет, — ответила Ханна.

— Тем, что он мусульманин. Воистину великие умы в деле. У поста больше пятидесяти голосов «за».

— Это же интернет, — сказала Ханна. — Естественно, что он так и притягивает всяких придурков. Но это не означает, что...

— Ханна, вы не хуже меня знаете, что наиболее вероятный сценарий примерно таков: этот малый Глен приехал сюда, обвинил какого-нибудь бандита в похищении и был убит.

— Черт, Манкузо, вы не можете просто игнорировать это!

Прикончив один ломоть пиццы, Манкузо взялась за следующий.

— Ничего я не игнорирую. Но думаю, что у ФБР есть ресурсы, которых нет у всей этой случайной публики из интернета. Над этим делом у нас работают больше пятнадцати агентов, а еще десятки привлекаются по мере необходимости. Благодаря своей публичности оно поднялось на самую вершину горы. Если б эти «реддиторы» что-нибудь нашли, то мы бы и подавно.

— Типичное чувство превосходства и всемогущества, свойственное ФБР, — резко произнесла Ханна. — Вы просто заранее пришли к выводу, что вы — лучшие.

— А мы *и есть* лучшие, — сказала Манкузо, подаваясь вперед и прищулив глаза. — И с лучшим финансированием. Убит человек. Это

ужасно. Но вы хотите, чтобы по этой причине ресурсы оттягивались от основного дела?

Ханна промолчала, внутренне клопоча от ярости.

Подошла официантка, поставила перед детективом маленькую чашку кофе и тарелочку с одиноким маффином. По сравнению с блюдом с пиццей тарелочка казалась совсем крохотной. Прямо как та иллюстрация «большого и маленького» из «Улицы Сезам»^[27].

— Ладно, послушайте, — произнесла Манкузо, дожевывая откушенный кусок. — Решения принимаю не я. Может, я и вправду надменный федерал, ослепленный собственной гордыней. — Она ухмыльнулась, отчего ярость в сердце у Ханны немного поутихла. — Я поговорю с ответственным за это дело. Посмотрим, что он думает.

— Хорошо, — только и сказала Ханна.

— А кто ответственный за дело об убийстве? — спросила Манкузо.

— Детектив Лонни и я.

— Так вот из-за чего вы так злитесь? — спросила Манкузо, ухмыляясь еще шире. — Да вы в момент поймаете убийцу!

Затолкав в рот оставшуюся корку, она принялась с довольным видом жевать.

* * *

Ханна наблюдала за глазами Фина, которые постоянно метались вправо-влево, словно отчаянно что-то высматривая. Может, следующий «камешек» крэка. А может, просто пытаюсь отыскать путь к бегству за спинами двух детективов, загораживающих обзор.

Полуденное солнце заливало ярким светом переулочек на задах дешевой закуской, высвечивая многочисленные трещины в облупившихся стенах, примитивные граффити и усыпанную мусором землю.

Фин работал в этой забегаловке мойщиком посуды. Когда к Ханне присоединился Митчелл, они приехали сюда допросить его.

— Мы никого не собираемся арестовывать, — сразу заверила Ханна. — Нас интересует только убийство. Ваш дилер мог что-то видеть.

— Нету у меня никакого дилера, — буркнул Фин.

— Не надо испытывать мое терпение. Мы нашли у тебя в кармане два «камешка», — резко предостерег Митчелл.

— Это был незаконный обыск, — пробормотал Фин. — Вы не имеете права меня за это арестовывать.

— Хочешь проверить? — недобро поинтересовался Митчелл.

— Да не хотим мы вас арестовывать, Фин, — вмешалась Ханна. — Просто назовите имя дилера.

— Не знаю я, как его звать.

— Да ну? — произнес Митчелл. — Выходит, ты обращаешься к нему «мистер дилер»? Нам вполне хватит и кликухи, Фин. Дай мне хоть что-то, и я не поволоку твою жопу в тюрьгу. Крэк там раздобыть сложно.

— Я просто увидел этого парня и знал, что иногда он приторговывает крэком, вот и купил немножко. Я не знаю, как его зовут, клянусь!

— Я вам верю, — мягко произнесла Ханна. — Но нам обязательно нужно найти его. Он мог быть свидетелем убийства. Он даже не узнает, что это вы нам про него рассказали. Мы скажем ему, что он попался нам на камерах наблюдения.

— На Сайприс-стрит нету камер наблюдения, — заметил Фин. — Все про это знают.

— Кто это «все»? — спросил Митчелл.

— Ну не знаю... Просто слышал, как кто-то говорил.

— Ладно, я уже начинаю терять терпение, — сказал Митчелл Ханне. — Парень молчит. И знаешь что? По-моему, он и убил того парнишку, из-за денег. Давай-ка арестуем его по подозрению в убийстве. Бабах — и дело закрыто, можно спокойно идти домой.

— Да не убивал я его! — запаниковал Фин.

— Я уверена, что не убивали, — сказала ему Ханна с печалью в глазах. И это не было актерством. Вид у него был слишком уж жалкий — трясущиеся пальцы, губы в незаживающих нарывах, гнилые зубы, одежда как с помойки... Мужу не могло быть больше тридцати, но выглядел он на все шестьдесят. Она тяжело вздохнула. — Но нам и вправду надо поймать того, кто это сделал. Так что просто назовите нам...

— Знаете что? — почти взвизгнул Фин. — Хотите посадить меня в крытку? Валяйте! Я уж лучше проведу следующие двадцать лет в тюрьме, чем мне сегодня перережут глотку!

На миг в переулке воцарилась тишина, лишь грузовик прогромыхал вдалеке. Глаза Фина на секунду перестали метаться по сторонам, и он посмотрел прямо на детективов, крепко сжав зубы.

— Давай-ка попробуем еще разок, — произнес Митчелл. — Этой ночью ты купил крэк на Сайприс-стрит. Так как зовут твоего дилера?

* * *

— Черт бы все это побрал, — пробурчала Ханна, когда они возвращались к машине. — Я думала, что он поломается, но все равно выложит имя дилера.

Митчелл пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Давай двинем обратно в отдел. Можно начать изучение той ветки в «Реддите», поискать Глена в соцсетях — может, там найдутся какие-нибудь зацепки...

Ханна покосилась на него. Это был излюбленный подход Митчелла: первым делом залезть в интернет и искать какие-то концы там. Часто это и впрямь приводило к нужным результатам — у него хорошо получалось выкапывать взаимосвязи и интересные подробности в интернете.

Но сама Ханна предпочитала более осязаемые зацепки. Именно это первым делом и привлекало ее в этой работе. Она никак не ожидала, что придется проводить так много времени за письменным столом.

— Погоди-ка, — сказала Шор. — Давай немного подумаем. Этот дилер болтается где-то в пределах Сайприс-стрит. Кто держит этот район?

— Во всей южной части города наркоторговлей заправляют «Хасидские пантеры», — ответил Митчелл. — Так что, думаю, мы говорим про рабби^[28] Фридмана.

— Почему бы не пообщаться с ним?

Митчелл уставился на нее.

— Хочешь, чтобы рабби Фридман ткнул пальцем в дилера, который работал в ту ночь? Думаешь, он просто посмотрит в свое расписание нарядов и назовет нам имя интересующего нас сотрудника?

— Все это чисто теоретически. Мы просто хотим найти Эбигейл. Мы не ищем, кого бы арестовать за торговлю наркотой.

— Ханна, мы говорим про крэк, — резко напомнил Митчелл. — Это тебе не какая-то там несчастная марихуана — мы не можем просто закрыть на это глаза.

— Ну, все равно не вредно будет пообщаться с ним, — упорствовала она.

— Знаешь, по-моему, ты первый человек, который говорит, что от общения с рабби Фридманом не будет никакого вреда.

— А после этого можно будет заняться твоим любимым сидением за компьютером.

— Моим любимым делом?

— Ну ты понял, о чем я.

— Просто замечательно, — пробурчал Митчелл, заводя мотор. — И не обвиняй меня, если в итоге мы окажемся на дне океана со свинцовыми дрейдлами^[29], привязанными к ногам.

По пути Ханна время от времени поглядывала на Митчелла, прикусив губу. Когда бы в последнее время они ни оказывались вместе, она всякий раз ощущала какое-то странное нервное напряжение. И сознавала, что машина буквально пропахла Митчеллом. Наверняка даже еще больше после его поездки в Портленд и обратно.

Ей нравился его запах — сладкий и свежий, от которого по всему телу разливалось тепло. Действовал ли на нее так этот запах еще в прошлом году? Ханна в этом сомневалась. Не была даже уверена, что в прошлом году вообще его замечала.

Надо было все-таки позвонить Клинту. Он ей нравился, и тот факт, что они больше не работали вместе, делал отношения более осуществимыми. Он не звонил ей с пятницы. Злился после совместного допроса Юргена? Наверняка немножко. Ханна надеялась, что это ненадолго. Клинт не представлялся ей человеком, способным надолго затаить злобу.

— Приехали, — объявил Митчелл, подъезжая к тротуару.

Рабби Фридман жил в большом двухэтажном доме с обширным двором, в котором стояли белый садовый стол с четырьмя стульями вокруг него и пластиковый лежак для загара. Ханна попробовала представить рабби или его супругу на этом лежаке, но мозг тут же взбунтовался против этой невероятной картины. Скорее всего, этот лежак вообще никогда не использовался, решила она.

Это казалось странным — очутиться у дверей особняка Фридмана без прикрытия, ордера или плана. Хотя Ханна уже четыре раза бывала в этом доме, она впервые пришла сюда просто поговорить. И перед тем как нажать на кнопку замка, немного замешкалась.

Вскоре за дверью послышался голос.

— Да?

— Детективы Шор и Лонни, повидаться с рабби Фридманом, — отозвалась Ханна.

Секунда тишины, после чего тот же голос:

— Вы договаривались о встрече?

В этот момент Ханна обычно взмахивала ордером или грозила выломать дверь.

— Нет, — ответила она. — Но нам очень нужно поговорить с ним. Это крайне важно.

— Подождите, — буркнул голос.

Они стали ждать.

— Не лучшая была мысль, — заметил Митчелл. Ханна ничего не ответила.

Дверь наконец отворилась. На пороге стояла женщина в длинном платье, с косынкой на голове.

— Прошу, — сказала она. — Заходите. — Провела их по широкому коридору в плотно уставленную мебелью комнату и произнесла, показав на кремовый диван: — Рабби Фридман скоро придет. — После чего вышла.

Митчелл и Ханна уселись, обменявшись взглядами. Ожидали в молчании несколько минут, пока не вошел хозяин дома.

Рабби Фридман был объемистым мужчиной, хотя что-то в нем намекало, что объем этот достигается отнюдь не за счет одного только жира. В тени невероятно густых бровей притаились большие и холодные голубые глаза. Черная борода тоже была очень густой, и даже усевшись перед ними, он уже ее поглаживал. Это была его

странная характерная черта — постоянно прикасаться к бороде, словно чтобы убедиться, что она по-прежнему на месте, и время от времени подергивать за нее в момент раздражения.

— Детектив Шор, — произнес он низким вибрирующим голосом. Потом бросил взгляд на Митчелла. — И некий неизвестный мне *пишер*^[30]. В воскресенье. Разве в полиции не выходной?

— Здравствуйте, рабби, — сказала Ханна. — Мы надеемся, что вы можете помочь нам с нашим делом.

— Да ну? — Он широко открыл глаза. — Помочь вам? Это нечто. Ханна прочистила горло.

— На Сайприс-стрит обнаружен убитый молодой человек. Человек, который нашел тело, встречался там со своим дилером.

Рабби погладил бороду.

— Жуткое дело. А какое это имеет отношение ко мне?

— Мы надеемся, что дилер видел убийцу, — вмешался Митчелл.

— Да ну? И что при этом ожидается от меня? Вы же детективы — таки пойдите к нему и сами спросите!

— Мы не знаем, кто этот дилер, — объяснила Ханна.

— Хм, — произнес рабби, еще сильнее потягивая себя за бороду. — И вы пришли ко мне просить совета? Наверное, в надежде на то, что *Ха-Шем*^[31] там наверху мне что-нибудь шепнет на ушко?

— Мы... Кто? — Митчелл недоуменно посмотрел на него.

— Потому что я не вижу иных причин, по которым у вас, *нудниким*^[32], хватило наглости появиться у моей двери! С чего это вдруг мне что-то знать про нарко...

Тут дверь вдруг распахнулась, и в комнату засунула голову немощная старушка лет восьмидесяти. Все ее лицо покрывала густая сеть морщин и старческой крупки, а вот глаза у нее были молодые — голубые и пронзительные, почти как у рабби.

— Барух! — почти выкрикнула она. — Джемайма опять приготовила пасту. Пасту!

Рука рабби оторвалась от бороды, а лицо превратилась в маску ужаса.

— Мама, — произнес он. — Я сейчас занят, и...

— Я просила тебя поговорить с ней! У меня от этой пасты запоры. Я говорила ей, но твоя *балабуста*^[33] меня не слушает!

— Да, мама, я поговорю с ней...

— И на вкус это чисто *дрек!*^[34] Я не могу такое есть. Если б она позволила мне готовить, я сварила бы куриный суп.

При упоминании куриного супа лицо рабби смертельно побледнело. Быстро встав, он сказал:

— Ни к чему. Тебе надо отдыхать. Я поговорю с Джемаймой. Она приготовит что-нибудь действительно вкусное, пасты больше не будет.

— Что-нибудь с черносливом! — квакнула его мамаша. — Чтобы чутка прослабило.

— Да, мама, конечно, мама!

Выдворив ее из комнаты, рабби быстро захлопнул дверь. Порылся в карманах, выудил платок и вытер обильно вспотевший лоб.

— Весна, — пробормотал он, покосившись на Ханну. — Каждый год, за месяц до Песаха^[35], моя маманя является сюда, чтобы побыть с нами. Этого достаточно, чтобы свести человека с ума!.. А вы празднуете Песах со своей семьей?

— Д-да, — нерешительно отозвалась Ханна.

— Это очень сложно! Заставляет меня думать, что лучше б мы оставались в Египте. Что, там и вправду было так плохо? Майн готт! И моя жена только что купила двадцать упаковок пасты. Двадцать! Сказала, что у нее были купоны. И, естественно, мы каждый день едим пасту — нам нужно уничтожить весь этот *хамец*^[36] до наступления Песаха. Теперь даже у меня запоры!

Он опять уселся, глубоко дыша, а Ханна попыталась оправиться от бездны свалившейся на нее информации.

— Ладно, — произнес наконец рабби. — Итак, вы расследуете убийство. Хорошо. Вперед, *шлеп!* Ищите вашего убийцу, чтобы мы могли спокойно спать по ночам, зная, что полиция охраняет наш покой.

— Рабби, — сказала Ханна. — Насчет убийцы. Мы считаем, что это тот же человек, который похитил ребенка Лисманов.

Тот пристально посмотрел на нее и уточнил:

— Эбигейл Лисман?

— У нее бат-мицва^[37] только в следующем году, — проникновенно произнесла Ханна.

— Не пытайтесь разжалобить меня этой бат-мицвой, в других странах она давно бы уже ее отметила, — сардонически отозвался

рабби, пронизательно глядя на нее. — Вы решили, что стоит вам тут появиться — коп-еврейка с копом-гоем, — и рабби сразу поможет?

— Она всего лишь маленькая девочка, — добавила Ханна.

— Кхе-кхе! — произнес рабби. Ханна впервые в жизни услышала, как кто-то действительно *произносит* «кхе-кхе», прочищая горло. — Ладно, дайте мне минутку. Сам я понятия не имею, чем могу помочь вам с наркоторговцами, естественно, но кто-то из конгрегации может что-то знать.

Он встал, открыл дверь и вышел из комнаты.

— Видела его лицо, когда она упомянула про куриный суп? — прошептал Митчелл.

— Тихо! Заткнись! — зашипела на него Ханна. — Не сейчас.

— Я думал, евреи любят куриный суп...

— Это как посмотреть.

— В смысле?

— Это зависит от того, заставляли ли тебя твои родители есть курицу. А теперь умолкни.

Они еще немного подождали, пока рабби не вернулся.

— Итак, — объявил он, — я сделал несколько звонков. Лично я знать не знаю никаких дилеров-шмилеров. Но один мой знакомый работает поблизости, и он ничего не видел. Однако он сказал, что там болтался какой-то бездомный *небех*^[38]. Питер как-его-там.

— Питер Белл? — уточнил Митчелл.

— Точно!

— И этот ваш... знакомый считает, что Питер что-то видел? — спросила Ханна.

— Он не совсем уверен. Но думает, что это не исключено.

Ханна встала, и Митчелл последовал ее примеру.

— Спасибо вам, рабби, — поблагодарила она.

— Всегда пожалуйста, *мэйдл*^[39], — отозвался тот, слегка поклонившись. — Надеюсь, вы найдете крошку Эбигейл и вернете ее домой целой и невредимой.

— Вон он, — сказала Ханна, показывая на тротуар. В двадцати футах перед их машиной своей обычной шаркающей походкой плелся Питер Белл.

Питер был одним из самых известных бедолаг Гленмор-Парка. С учетом морозных массачусетских зим мэр решил выделить средства, чтобы всем бездомным в городе с октября по апрель было с гарантией предоставлено теплое прибежище. Все работало сравнительно хорошо. Благодаря гибкому расписанию заселения и тому, что персонал закрывал глаза на всякую живность вроде собак и кошек, которых некоторые бездомные притаскивали с собой, никто из них не ночевал на улице.

За исключением Питера Белла.

Он отказывался объяснять, почему так и не заселился ни в одну из ночлежек. Пил он умеренно, наркотиков не употреблял. Время от времени, в особенно холодные ночи, копы получали задание присматривать за ним и по обнаружении задерживать за бродяжничество. Оказавшись за решеткой, Питер получал горячий суп и нотацию за непрерывное шатание по улицам. На следующее утро его отпускали.

Ханна, как и все остальные копы, хорошо знала его по тем временам, когда еще сама патрулировала улицы в самую мерзкую ночную смену. И он до сих пор то тут, то там попадался ей на глаза, хотя последние три года у нее не возникало веских причин с ним общаться, поскольку ее повысили до детектива.

Митчелл остановил машину, и оба устремились вслед за Питером. Тот брел, сгорбившись и обхватив себя руками, как и всегда; его длинные ноги резко подрагивали при каждом шаге, словно он их не полностью контролировал. Когда они догнали его, он резко остановился и обвел их своим мягким взглядом.

— Привет, Питер, — сказал Митчелл.

Тот уставился на плитки тротуара и пробормотал:

— Здравсьте.

Одет Питер был в толстую черную куртку — подарок одного из милосердных граждан Гленмор-Парка. Голова его представляла собой спутанную массу длинных каштановых волос с сединой, опускающихся до самого подбородка, где они перепутывались с бородой. Губы у него были растрескавшиеся, зубы желтые.

В данный момент вид у него был еще более прибитый, чем обычно. С упавшим сердцем Ханна еще раз задалась вопросом, был ли в жизни Питера какой-то момент, когда его еще можно было спасти. Может, и был. А может, даже сейчас его было еще не поздно спасти...

— Питер, — продолжил Митчелл, — можно у тебя кое-что спросить?

— Ну да, спрашивайте.

— Ты был этой ночью на Сайприс-стрит?

Питер поднял взгляд и посмотрел сначала на Ханну, потом на Митчелла.

— Угу, — наконец произнес он.

— Вправду был? — удивленно переспросила она.

— Ну да. Я замерз, потому что кто-то спер мое одеяло, так что я ходил, вместо того чтобы спать. Я видел человека, который подъехал на «Хонде».

— Ты помнишь, как он выглядел?

— Угу.

Ханна в полном изумлении уставилась на него. Она едва могла поверить в такую удачу.

— В самом деле? И как?

— На нем была черная маска. Вот почему я его запомнил. Люди обычно не носят масок.

— Ох, — выдохнула Ханна, сникая. Черт. — А можешь рассказать, что он делал?

— Угу, — кивнул Питер. — Он припарковал машину. А потом вылез и закрыл дверцу. А потом пошел от машины.

— И всё? — спросил Митчелл.

— А когда отошел на несколько шагов, снял маску, — закончил Питер.

— И ты увидел его лицо? — спросил Митчелл.

— Угу.

— И он тебя не видел?

— Меня вообще почти никто не видит, — сказал Питер. — А если и видит, то не замечает.

— Можешь описать его лицо?

— Угу.

— Можешь описать его нашему художнику?

— Думаю, что да. Нам нужно для этого поехать к вам в полицию?

— Это было бы лучше всего, но если ты не хочешь... — начала Ханна.

— Не, я не против.

— Отлично. — Кивнув, она мягко положила ему руку на плечо. — Пошли, мы тебя туда отвезем.

* * *

Художник все-таки согласился выйти на работу, несмотря на выходной день. Через полчаса он уже был в отделе со своим ноутбуком и, пока включал его, болтал с Питером. Тот отвечал на его вопросы поначалу нерешительно, а потом освоился — его тон становился все более уверенным. Художник принялся делать несколько набросков лиц на экране, соответствующих подробному описанию Питера. Ханна наблюдала за процессом, надеясь, что память бездомного бедолаги настолько хороша, как тот уверял.

Припомнив его слова, что кто-то украл его одеяло и что он безостановочно бродил по округе, потому что замерз, она вышла из отдела и поехала в местный «Уолмарт», до которого было минут десять езды. Надолго задержалась в отделе постельных принадлежностей, разрываемая между несколькими имеющимися в продаже вариантами.

При покупке постельного белья для своих личных надобностей ее в основном заботили рисунок и расцветка. Попытки приобрести одеяло для человека, который ночует на улице, оказалось совсем другой историей. Ей нужно было что-то, не привлекающее внимания, — что не сделало бы его мишенью для всякого сброда. Но при этом ей требовалась вещь, которую было бы трудно порвать и которая не выглядела бы ужасно, когда к ней начнет неизбежно приставать грязь.

Наконец Ханна нашла серо-коричневое одеяло, отвечающее, по ее мнению, всем перечисленным требованиям. Купила его и как можно быстрее вернулась в отдел.

Там оставался один лишь Митчелл — художник и Питер уже ушли. Митчелл держал в руке готовый рисунок — лицо мужчины

средних лет с редяющими волосами, тонкими губами и мощным подбородком. Детектив уже начал сравнивать его с набором полицейских снимков, сделанных при задержаниях. Он сказал Ханне, что Питер ушел буквально за пять минут до ее возвращения.

Выбежав на улицу и забравшись в машину, она сделала несколько кругов по близлежащим улицам. Солнце садилось, ввергая улицы в очередную холодную ночь. Питер Белл как сквозь землю провалился.

Глава 17

В понедельник с утра Ханна начала оформлять белую доску по делу в кабинете оперативников. Дабы избежать засорения дела предвзятыми мнениями, она решила посвятить ее исключительно расследованию убийства Глена Хейни. Воздержалась от любых упоминаний об Эбигейл, помимо ветки в «Реддите», в которой участвовал Глен. Первым делом Ханна нарисовала временную шкалу, начав ее за три дня до убийства, так что смогла указать на ней время и дату его первого поста на упомянутом подфоруме. Также добавила туда его последний пост в интернете, его отъезд из дома родителей в субботу, двадцать первого числа; убийство, совершенное между восемью часами утра и двумя часами дня в тот же день; обнаружение тела на Сайприс-стрит в ночь на следующий день...

Открыла полученное от Вайолет сообщение по электронной почте, содержащее фото с места обнаружения трупа, и отправила некоторые из них на печать. А потом отыскала рисунок человека, которого описал Питер Белл. Найти полное соответствие с каким-то из архивных полицейских снимков им так и не удалось. Копии рисунка раздали всем патрульным, пока что безрезультатно. Ханна аккуратно прикрепила его к доске скотчем. Потом сделала себе чашку кофе в награду за хорошее начало.

Она стояла над принтером с чашкой в руке, когда в комнату вошел Митчелл.

— Доброе утро! — поприветствовал ее он. При этих его словах в сердце у нее что-то дрогнуло. Возненавидев себя за это, Ханна приняла твердое решение позвонить Клинту и прямо этим вечером пригласить его на свидание.

— Привет, — бросила она в ответ, полностью сосредоточившись на принтере. Эта штукавина работала невыносимо медленно.

— Заполняешь доску?

Ханна кивнула.

Ей надо было ощутить чувство продвижения, которое приходило с каждым новым предметом, появляющимся на доске. Так она хоть куда-

то *продвигалась*. А именно к тому моменту, когда все можно будет наконец снять.

— Говорила уже с Мэттом и Энни? — спросил Митчелл.

Ханна бросила взгляд на часы.

— Пока нет. Как раз собираюсь.

— Могу позвонить им, если хочешь.

Она коротко улыбнулась ему. Ханна не привыкла работать с ним, и они еще не распределили роли в своей маленькой команде. Но когда она работала с Бернардом, звонить в морг и криминалистам было ее задачей.

— Не стоит, — отозвалась она. — Сама позвоню. Ты лучше начни с...

Тут Ханна замешкалась. Не покажется ли Митчеллу, что она пытается взять бразды правления на себя, раз уж говорит ему, что надо делать? Кто тут вообще старший?

— Гм...

— Тогда я загляну на ту ветку в «Реддите», в которой участвовал Хейни, — решил Митчелл, уже усаживаясь за компьютер. — Посмотрим, нет ли там какого намека на то, что он делал в Гленмор-Парке.

— Хорошо, — с облегчением произнесла она.

Лонни вел себя так непринужденно и хладнокровно... Может, это только она переживает из-за их ролей в этом расследовании? Обычно возглавлял расследование наиболее опытный из детективов. Это означало, что до сих пор старшим для нее был Берnard, а для Митчелла — Джейкоб. Но они с Митчеллом закончили полицейскую академию одновременно. Ее повысили до детектива всего на шесть недель раньше его.

Может, выбор старшего в паре определяется самим делом? В деле о похищении командовать наверняка следовало бы ей... но вызов на место убийства получил Митчелл. И как бы там ни было, похищением теперь в основном занимается ФБР. Так что наверняка старшим должен быть Митчелл.

Беспокоили бы ее такие тонкости, если б это был кто-то другой — тот, кто не вызывал бы у нее како-го-то непонятного чувства, когда бы ни вошел в комнату?

Ханна раздраженно скрипнула зубами. Все это неврастеническое зацикливание на всякой чепухе никуда ее не приведет. Митчелл уже целиком и полностью сосредоточился на своих мониторах, а она прохладается... Схватив распечатки снимков с места обнаружения трупа, Ханна принялась яростно прикреплять их к доске.

Покончив с этим делом, она села за свой письменный стол и подхватила телефон. Набрала номер Энни и стала ждать. Из трубки слышались лишь длинные гудки, и Ханна была уже готова отключиться, когда Энни наконец ответила.

— Алло? — Голос у той был запыхавшийся.

— Энни? Это Ханна. Неудачное время? Я не оторвала тебя от работы?

— Нет, все нормально... В смысле, время удачное. Уф... Я могу разговаривать.

— Хорошо, — нерешительно произнесла Ханна. — Я насчет отчета о вскрытии Глена Хейни.

— Да?

— Ты его мне так и не отправила. И обычно мы встречаемся в морге, чтобы обсудить результаты, так что...

— Точно! Прости, что-то я не в фокусе на этой неделе... Извини. Нет смысла приезжать в морг. Причина смерти — обширная кровопотеря. Потерпевшему нанесли четыре колющих удара ножом. Первые два удара попали в грудь. Первый пробил правое легкое, второй относительно неглубокий — лезвие задело ребро, оставив поверхностный порез. Третий и четвертый были нанесены в брюшную полость; один пробил почку, второй — печень.

— Ладно, — произнесла Ханна, задумавшись. — А какой рост у потерпевшего?

— Около шести футов, — ответила Энни.

— Так что, убийца был высокого роста, если наносил удары в грудь, так?

— Так я поначалу и подумала, — сказала медэксперт. — Но вообще-то угол направления первых двух ударов указывает на то, что он должен быть чуть ли не семи футов ростом.

— Это уж слишком.

— Ну да. Думаю, куда вероятней, что убийца располагался заметно выше жертвы. Третья и четвертая раны не так глубоки, как

первая. Похоже, это свидетельствует о том, что убийце было трудней попасть в живот с того места, где он стоял, что также указывает на какое-то возвышение. Вдобавок у потерпевшего серьезные ссадины по всему телу, указывающие на очень грубое падение с высоты.

В разговоре возникла короткая пауза.

— Лестница, — наконец произнесла Ханна.

— Я бы тоже на это поставила, — согласилась Энни. Ее дыхание стало странно хрипловатым. Ханна вдруг заподозрила, что медэксперт ни в каком не в морге.

— Есть более точное время смерти? — спросила Ханна.

— Гм.. — Тон голоса Энни стал более высоким. — погоди, мне нужно... гм... я просто... Секундочку!..

Ханна немного выждала. В трубке слышалась какая-то возня, потом мужской голос. После чего хлопок закрывающейся двери.

— Ну да, — наконец произнесла Энни. — Гм! Время смерти.

— Сверяешься с записями? — спросила Ханна, улыбаясь про себя.

— Не. Я и так помню. Время смерти — между одиннадцатью утра и двумя часами дня.

Детектив сделала себе пометку.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Содержимое желудка... Немного, только сэндвич. Лезвие ножа — довольно широкое и зазубренное. При каждом ударе рвало тело в лоскуты. Думаю, что хлебный нож.

Ханна содрогнулась, пытаясь выбросить из головы возникшую при этих словах картину.

— Я уже говорила детективу Лонни, что тело перемещали через несколько часов после смерти, от трех до пяти, и тогда же, судя по всему, и засунули в багажник.

— Хорошо. Так отправишь мне отчет?

— В течение получаса.

— Супер, — сказала Ханна. — Буду ждать.

Отключившись, она вздохнула, после чего позвонила Мэтту. Тот не ответил на звонок. Закатив глаза, она набрала номер Вайолет.

— Алло?

— Вайолет, это Ханна.

— Привет, Ханна.

— Я звоню насчет криминалистического отчета с места обнаружения трупа. Уже готов?

— Конечно! Сейчас отправлю.

— Спасибо. Скажи, а Мэтт там?

— Нет, отскочил куда-то на пару часов. Не знаю куда. Хочешь ему что-то передать?

— Нет нужды, я просто... — Ханна ухмыльнулась. — Забудь.

— Ладно. Отчет отправляю уже прямо сейчас.

— Обалденно.

— Ах да, и там бензозаправка поблизости, так что мы взяли у них записи с камер. Заодно пришлю ссылочку. Там довольно большой файл.

— Спасибо, Вайолет, — произнесла Ханна и отключилась.

Через секунду во «входящие» почтового ящика упал отчет, а также ссылка на видеозапись. Детектив поставила файл на загрузку и приступила к чтению отчета прямо с монитора.

Отпечатки на рулевом колесе, дверных ручках и в багажнике полностью отсутствовали — кто-то тщательно прибрался за собой. Зато нашлось множество волосков и тканевых ворсинок, которые были отправлены в лабораторию. Телефона на месте обнаружения трупа так и не нашли.

К отчету была приложена нарисованная Вайолет схема места обнаружения трупа. Схемы Вайолет всегда были невероятно четкими и точными. Это был настоящий дар — превратить хаос и кошмар на месте преступления в простой и понятный набор геометрических фигур. Схему Ханна тоже распечатала, прикрепив ее на белую доску.

Как ни печально, но на этом развлечениям пришел конец. Она бросила взгляд на Митчелла. Тот практически не двигался, лишь время от времени шевеля пощелкивающей мышкой и не отрывая глаз от мониторов.

Ханна проверила, как там запись с камер. Та уже полностью загрузилась. Дважды щелкнув на файле, она стала просматривать видео.

Основной подфорум, посвященный похищению Эбигейл Лисман, был построен по принципу «черт ногу сломит», и Митчелл изучал его не спеша. В отличие от большинства остальных, он вовсе не сбрасывал со счетов вероятность того, что кто-то здесь и вправду мог вычислить похитителя девочки. Засевшая в интернете публика способна проявить сообразительность, наблюдательность и решительный настрой, погружаясь в суть всяких загадочных событий. Но при этом приходилось игнорировать шумное большинство, представители которого лишь повторяли, как попугаи, сказанное другими или же выдавали свои собственные дикие версии, соответствующие их личным взглядам на жизнь.

Лонни с удовлетворением отметил, что большинство наиболее безумных версий переключались в самый низ списка тем, а то и вовсе исчезли. Модераторы в «Реддите» явно не сидели без дела — по крайней мере, на этом подфоруме. Митчелл быстро пробежался взглядом по самым нижним веткам и, ознакомившись с версиями захвата инопланетянами, заговора якудза и неуклюже завуалированной попыткой втюхать какой-то лосьон для тела, начал с самого верха.

Пользователем, заработавшим наибольшее число голосов, оказался тот, кто нашел фото Эбигейл и Грейс, идущих вместе по улице. За ним шли несколько «реддиторов», которые либо жили в Гленмор-Парке, либо ездили туда расследовать дело, размещая фото и пытаясь вычислить маршрут Эбигейл и Грейси. Митчелл прочитал этот раздел от начала до конца и не остался впечатлен. Некий CrazyKid39 вроде как идеально отследил маршрут до того момента, как девочки подошли к парку, просто сложив вместе фото с их участием, очень короткое сообщение ФБР о том месте, где нашли Грейси, и название улицы Лисманов, которое «реддиторы» ухитрились где-то нарыть.

Потом начались поиски виноватых с прямым указанием на конкретных людей. Несколько фото были отмечены различными участниками форума тегом «потенциальные подозреваемые», где так называемые подозреваемые были отмечены либо кружком, либо грубо нарисованной стрелочкой. Насколько Митчелл мог судить, все подозреваемые угодили в эту категорию по крайне шатким основаниям — вроде подозрительной одежды, странного поведения, иного цвета кожи или вероисповедания. Поскольку похищение было совершено

в День святого Патрика, странное поведение и одежда были вполне объяснимы. Основных подозреваемых Митчелл насчитал около дюжины, но ни один из них явно не представлял интереса для следствия.

Глен Хейни, он же RollingPunches, появлялся на подфоруме двадцать три раза, в основном в комментариях. Он выглядел одним из наиболее рационально мыслящих, аналитических участников форума, и значительное число его хорошо аргументированных комментариев относилось к исключению различных подозреваемых. Глен восторгался теми «реддиторами», которые поехали в Гленмор-Парк, чтобы самим изучить местную обстановку. Не решил ли он к ним присоединиться? Его последний пост был размещен чуть более чем за день до его предполагаемого времени смерти.

В двух его комментариях упоминался другой подфорум «Реддита» под названием «Защитите наших детей», участники которого выступали и в различных соцсетях под одноименным тегом. Митчелл быстро понял основную установку. Они уверяли, что похищения Лисман можно было бы избежать, если бы судебная система более жестко обходилась с половыми преступниками. В качестве первой меры превозносилась химическая кастрация, равно как и куда более строгие наказания за любые преступления, связанные с сексом. То, что похищение Лисман почти точно не имело никакого отношения к половым преступлениям, в расчет никак не принималось — число мемов и видеоклипов на эту тему росло как снежный ком.

Как только внимание Митчелла переключилось на эту группу, стало невозможно не замечать остальных. Вторая крупная группа пользователей сайта привязала дело к проблеме финансирования правоохранительных органов. Они уверяли, что полицию больше интересуют поступления от штрафов, а не предотвращение преступности.

Третья группа объясняла все незаконной иммиграцией.

Контроль за оружием, неприкосновенность личности, межэтнические противостояния — Эбигейл Лисман стала лицом, связавшим воедино все эти проблемы, и не только. Ее история олицетворяла собой страх любого родителя, а страх — это потенциальный инструмент пропаганды.

Как раз страх и привел многих к поискам причин случившегося. Родителям хотелось верить, что это никогда не произойдет с их детьми. И они нашли выход своему страху — накинулись с обвинениями на родителей Эбигейл. Многие указывали, что девочки свободно шлялись по городу вечером, как будто их матерям было совершенно наплевать, что с ними происходит. И почему девочки оказались в «Инстаграме», для начала? Это же сборище педофилов и извращенцев! Никаким девочкам нельзя разрешать «Инстаграм» до четырнадцати, или шестнадцати, или семнадцати и так далее. Кто-то нашел фотку с корпоратива, на котором Наамит и Рон Лисман присутствовали в тот вечер — где Наамит запечатлена с бутылкой пива в руке. Этот снимок всюду циркулировал по интернету с различными подписями. Митчеллу захотелось дать кому-нибудь в морду.

А потом он наткнулся на конспирологический сайт, собирающий доказательства того, что Эбигейл вообще никто не похищал — что это всего лишь уловка ее родителей с целью привлечь к себе внимание средств массовой информации по причине их финансовых затруднений. Сторонники этой теории демонстрировали несколько схожих черт с постановкой «мальчика на воздушном шаре» 2009 года — когда некие Ричард и Маюми Хин уверяли, будто их семилетний сын забрался в гондолу надутого гелием аэростата в виде летающей тарелки и улетел на нем неизвестно куда, в то время как мальчишка благополучно прятался на чердаке.

На тот момент Митчелла уже тошнило от интернета, от людей, от своей работы. Он встал, чтобы сделать себе чашку кофе. Ханна сидела за своим компьютером и просматривала какую-то запись с камер наблюдения, слегка прищурившись. На лицо ей упала прядка волос, но она вроде этого даже не замечала. В том, как напряженно Ханна всматривалась в экран, было что-то, что приклеило его к месту, и он никак не мог отвести от нее глаз. Митчелл впервые обратил внимание, насколько зеленые у нее глаза. В тусклом свете кабинета оперативников они казались почти оливковыми.

— Что? — спросила она, оторвав взгляд от монитора.

— Гм... Да вот, решил сделать себе кофейку, — сконфуженно ответил он. — Не хочешь?

Ханна бросила взгляд на чашку на своем письменном столе. Та была еще наполовину полна.

— А я и забыла про свой, — сказала она, слегка улыбнувшись. — Он уже остыл. Конечно, буду рада получить еще. Записи с камер наблюдения — не самое захватывающее зрелище.

— Машина на них попала?

— Да, но на водителе лыжная маска, как и говорил Питер. Сейчас просматриваю остальное — вдруг мы что упустили? В «Реддите» есть что-нибудь интересное?

— Не особо. — Митчелл покачал головой. — Похоже, что парню и вправду нравилась мысль лично посетить Гленмор-Парк.

— Ну да, — пробормотала Ханна, глаза которой вернулись к экрану. — Все мы знаем, чем это закончилось.

Митчелл подошел к кофемашине, сделал две чашки, одну отнес Ханне и опять уселся на свое место.

На подфоруме в «Реддите» несколько раз упоминался благотворительный сайт под названием «RPM». Хотя на момент публикации этих постов Глен был уже мертв, интерес Митчелла резко повысился. Он нашел этот сайт в Сети и поначалу не совсем понял, какое отношение тот имеет к делу. Это был интернет-ресурс, в основном посвященный добровольным пожертвованиям в адрес ветеранов войны и детей, которым требовались дорогостоящие медицинские операции. А потом Митчелл все-таки нашел пост, имеющий отношение к похищению. Два дня назад здесь была размещена публикация про дело Эбигейл Лисман, сообщающая, что у родителей нет возможности заплатить выкуп, с просьбами пожертвовать деньги на эти цели.

Митчелл нахмурился. Судя по всему, деньги текли рекой. Тут явно сработала и статья из «Базфида»^[40], перечисляющая «Пять поразительных способов, которыми Америка пытается спасти Эбигейл», и упоминающая в числе всего прочего и этот благотворительный сайт. Она стала невероятно вирусной, и поток пожертвований утроился. Внесли собранные средства и несколько еврейских благотворительных организаций.

Митчелл покопался в интернете, пытаясь определить, не мошенничество ли это. Явно нет. «RPM» был хорошо известным и часто используемым сайтом.

Согласно последним публикациям, четыре часа назад они уже собрали восемьдесят процентов требуемой суммы.

— Эй, Ханна! — позвал Митчелл. — По-моему, Лисманы все-таки смогут выплатить выкуп похитителям.

* * *

Ханна наконец позвонила Клинту — после восьми вечера. Того явно слегка позабавила ее попытка пригласить его на свидание за ужином, который должен был бы начаться как минимум час назад. Он сказал, что полностью вымотался, уже у себя в номере в мотеле и не намеревается никуда идти. Но если она не возражает против еды навынос, то он только что собрался заказать суши.

Ханна поехала к нему в мотель, раздражаясь сама на себя, что позвонила так поздно, что вообще позвонила и что согласилась прийти к нему в номер в мотеле. А потом решила, что это Клинт во всем виноват, и почувствовала себя малость получше.

В Гленмор-Парке было два мотеля, оба не особо шикарные. Клинт остановился в «Паркс Лодж» — подковообразном здании с маленьким и практически неиспользуемым бассейном по центру. Поднявшись по скрипучим ступенькам на второй этаж, Ханна вошла в двести седьмой номер, в котором, по словам Клинта, он остановился.

Дверь он открыл через минуту после того, как она постучалась. Одет агент был не парадно — в джинсы и серую футболку, но футболка была тесной, плотно облегающей его мускулистую грудь, да и джинсы сидели хорошо. Ханна заподозрила, что он переоделся сразу после их телефонного разговора, и пожалела, что не поступила так же. На ней была та же самая одежда, в которой она приходила на работу вчера, — выцветшая синяя рубашка на пуговицах и черные штаны, которые она успела облить кофе. На черных штанах пятно наверняка не было особо заметно, но ее по-прежнему окружал легкий запах кофеина. Не слишком соблазнительный аромат.

Клинт тепло улыбнулся ей.

— Заходи!

Ханна прошла мимо него. Номер оказался вполне симпатичным для мотеля. Ярко освещенный, с кроватью с одной стороны, постельное белье на которой было чистым и аккуратно заправленным. На другой стороне комнаты пристроился маленький стеклянный

столик около трех футов высотой с расставленными вокруг него тремя деревянными стульями. Рядом с ним стоял небольшой письменный стол с темным кейсом Клинта на нем и серым скоросшивателем, аккуратно положенным сверху. Никакой одежды ни на полу, ни на кровати — ничто не указывало на то, что Клинт действительно живет здесь. Она даже не поняла, куда он девал свой дорожный чемодан.

И вновь Ханне оставалось только гадать, не прибрался ли Клинт перед ее приходом, или же он всегда такой чистюля. Когда ей самой приходилось останавливаться в мотеле, номер всегда больше напоминал магазин одежды, по которому пронесся ураган.

На столе стояли два картонных контейнера с эмблемами заведения и две бутылки пива. Еще раз улыбнувшись, Клинт уселся за него, взмахом руки пригласив Ханну присоединиться к нему. Она подошла, и ее взгляд еще раз упал на серый скоросшиватель на письменном столе. Кто-то написал на нем «Э.Л. 03». Это вполне могли быть материалы про кого-то по имени Эл или про город Эхо-Лейк, пусть даже это и в Калифорнии, но Ханна сразу поняла, что речь идет об Эбигейл Лисман.

— Будешь есть или я начну один? — поинтересовался Клинт, перебивая ее размышления. Ханна села напротив него, пытаясь выбросить рабочие вопросы из головы. Она жутко проголодалась.

— Надеюсь, тебе понравится, что я заказал, — сказал Клинт. — Вроде неплохой набор.

Ханна бросила взгляд на коробку.

— Это набор «С» из «Кайто-суши», верно? — спросила она.

— Ну да, — ответил он, удивленно посмотрев на нее.

— Я часто беру еду навынос, — объяснила она. — В Гленмор-Парке не так много мест, где готовят суши, и «Кайто» лучше всех. Конечно, это классно, спасибо.

— Думаю, что вилка тебе не понадобится, — заметил он.

Ханна слегка улыбнулась.

— Нет, спасибо. Я ем палочками.

Она тут же продемонстрировала это, взяв палочки и достав ими нигири с лососем из коробки. Окунула его в соевый соус и положила в рот, думая при этом: интересно, а что там в этом скоросшивателе? Новые заметки по делу? Есть ли вообще какая-то новая информация? Новые подозреваемые?

— Как там дела с убийством Глена Хейни? — спросил Клинт, тоже подхватывая ролл из коробки.

Проглотив, Ханна ответила:

— Удивительно, что ты вообще про него слышал. Судя по всему, Манкузо это интересует меньше всего.

— Это не так, — с серьезным видом ответил Клинт. — Ей просто нужно расставить приоритеты. Нас всех поставили в известность.

— У нас есть рисованный портрет человека, который бросил машину, — сообщила Ханна, наслаждаясь промелькнувшим на лице Клинта изумлением. Подхватила палочками маки, слегка обмакнула в соус.

— В самом деле?

— Ага. Мы нашли свидетеля.

— Вот здорово! Получилось найти совпадение в базе?

— Нет, — призналась Ханна.

— Присылай. Может, нам больше повезет.

— С чего это ты вдруг заинтересовался? — спросила Ханна.

Клинт поднял бровь.

— А с чего это ты так злишься?

Ханна подхватила еще один маки. Но не успела обмакнуть его в соус, как он сорвался с палочек и плюхнулся в плоскую тарелку с соевым соусом, погрузившись в него целиком. Поспешно выудив его, Ханна засунула соленый ролл в рот.

— Ничего я не злюсь, — соврала она. — Просто немного раздражает, что меня так вот отпихнули от дела. А теперь ты игнорируешь важные зацепки...

— Ничего мы не игнорируем...

— Хорошо, — резко бросила Ханна. — Расставляете приоритеты. Без разницы.

Были ли в том скоросшивателе какие-то упоминания об убийстве Глена Хейни? Она подцепила палочками еще кусок нигири, но чересчур резко. Тот развалился на две части — рис упал обратно в коробку, а между палочками остался только тоненький ломтик рыбы.

— И это было не наше решение ограничить вам доступ к делу, Ханна, — мягко произнес Клинт. — Так распорядились сверху.

Ханна с сомнением посмотрела на него. Он ведь просто взбесился, когда она проигнорировала его распоряжения в допросной!

А на следующий день их отдел вежливо отпихнули от дела. И теперь предполагается, что она сочтет это простым совпадением?

Подцепив следующий ролл, детектив понесла его ко рту. На сей раз он упал ей на рубашку, основательно уделав ее соусом. Просто замечательно! Теперь от нее несет еще и лососевым нигири поверх кофеина...

— Сейчас дам тебе вилку, — деликатно произнес Клинт.

— Да не нужна мне твоя чертова вилка! — рявкнула Ханна. Взяла салфетку и попыталась стереть пятно, но в итоге лишь размазала его еще шире. Клинт смотрел на нее с таким выражением лица, от которого ей хотелось завизжать. Ханна демонстративно встала, расстегнула рубашку и швырнула ее на пол у себя за спиной. А потом, как будто его и не было рядом, вытерлась салфеткой.

Ее лицо изменилось, когда он посмотрел на нее, слегка приоткрыв губы. Она, прищурившись, посмотрела на него в ответ. Все еще стоя, подхватила кусок маки прямо пальцами, обмакнула в соус и положила в рот, облизав пальцы.

— Видал? — шепнула она. — На черта мне вилка?

Подхватив со стола бутылку с пивом, основательно приложилась к ней, после чего поставила обратно, чувствуя, как глаза Клинта блуждают по ее полупрозрачному черному лифчику. И вдруг ощутила, что настроение в комнате переменилось. Тепло растеклось из груди в живот. Ханна облизала нижнюю губу.

Клинт встал, и ее опять поразило, насколько он выше ее. Подошел к ней — не более чем пара шагов, — и все тело у нее закололо от возбуждения, когда Клинт обхватил ее и его пальцы сомкнулись у нее на талии. Она обхватила его за затылок и притянула к себе, страстно целуя; вкус алкоголя и Клинта перемешивались у нее на языке.

Спотыкаясь, они двинулись к кровати, ее груди расплющились о его грудь. Ее пальцы скользнули ему в штаны, пока он пытался расстегнуть ее лифчик, и оба упали на белые простыни. Ханну пожирал голод, гораздо более сильный, чем раньше. За несколько секунд они избавились от одежды — так быстро, как только могли. Его рука скользнула вверх по ее бедрам.

Кожа у него была теплой, гораздо теплее, чем у нее, и чувство его атлетического тела, прижимающегося к ее телу, наполняло ее ненасытным желанием. Ханна куснула его за плечо, достаточно

сильно, чтобы оставить след, и впиалась пальцами ему в спину, выпуская весь свой накопившийся гнев.

* * *

Оба немного подремали, по-прежнему не отпуская друг друга. Напряжение, копившееся в Ханне в течение нескольких последних дней, исчезло без следа, ее переполняли тепло и радость. Наконец Клинт выпутался из ее объятий. Спросил ее, не хочет ли она в душ, и Ханна пробормотала, что пойдет после него. Прошлепав в ванную комнату, он прикрыл за собой дверь.

Она попробовала опять заснуть, но внезапное желание выкурить сигаретку окончательно разбудило ее. Ханна бросила курить уже три года назад, но желание все равно иногда возвращалось. Она решила встать и доесть остаток суши, чтобы перебить его. Поднялась, все еще голая, и направилась к маленькому столику. И тут остановилась.

Ее взгляд упал на серый скоросшиватель.

Ханна глянула в сторону двери ванной, прислушиваясь к шуму воды, а потом сделала два оставшихся шага и слегка приоткрыла его.

Ей просто хотелось заглянуть в него хотя бы одним глазком. Она говорила себе, что это только ради Наамит, которая доверилась ей всем сердцем. Но рефлексы взяли свое, и Ханна принялась быстро перелистывать страницы, обнаружив несколько расшифровок допросов Юргена Адлера, а потом какие-то обзоры активности в интернете, относящиеся к делу. В некоторых речь шла про «реддиторов», ежедневно ездивших в Гленмор-Парк.

В одном из отчетов упоминались чьи-то попытки взломать компьютерные системы отдела полиции Гленмор-Парка и даже ФБР. Другие хакеры избрали своей целью бензозаправку, местное почтовое отделение и пару магазинов одежды, пытаясь получить записи с камер наблюдения в ночь похищения. Хакеров уже отслеживали.

А потом обнаружилась единственная страничка с коротеньким текстом, в котором упоминалось ее имя.

Это был отчет агента Клинта Уарда с подробной оценкой ее действий в ходе расследования и настоятельной рекомендацией вернуть ее к делу.

Кто-то многозначительно откашлялся у нее за спиной. Виновато уронив страницы на стол, она обернулась. На пороге ванной комнаты стоял Клинт, уже в шортах. Ханна осознала, что по-прежнему совершенно голая, и это заставило ее еще больше смутиться и почувствовать себя выставленной на всеобщее обозрение — в тот самый момент, когда ее застукали с поличным за сованием носа в чужие вещи.

— Клинт, я...

Он слегка мотнул головой, с обиженным видом. Сглотнув слезы, Ханна быстро схватила свою одежду и неловко натянула ее на себя. Все это время Клинт молчал, не двигаясь с места. Подойдя к двери номера, она бросила на него еще один взгляд, а потом вышла, прикрыв за собой дверь.

Все дорогу домой Ханна едва сдерживала слезы. Хотя понимала, что жалости к самой себе отнюдь не заслуживала.

Глава 18

Похитительница сидела на диванчике в своей гостиной, стиснув зубы от непроходящей злости и думая про девочку. Телевизор был настроен на местный новостной канал, но звук был приглушен. Теперь она больше никогда не выключала его — даже на ночь, когда отправлялась спать. Так было спокойней — знать, что есть какое-то движение в доме, пусть даже и на телевизионном экране. Создавалось чувство, словно она до сих пор жива, как будто никто только что не нажал на «паузу» в ее истории.

Она пыталась сосредоточиться, отделить свои мысли о прошлом от планов на будущее. Все менялось. Какая-то благотворительная организация собирала деньги на выплату выкупа и, похоже, была готова вот-вот выполнить свою задачу — эту невыполнимую задачу. Изначально план похитительницы заключался не в этом. Но потом именно она решила воспользоваться открывшейся возможностью по полной программе.

Даррел хотел послать требование о выкупе из букв, вырезанных из газет. Он словно не слышал, что на дворе давно уже двадцать первый век. Никто теперь не клеит вырезанные из газет буквы, чтобы написать требование о выкупе. А если и поступает так, то использует для этого специальное приложение. «iRansomLetter» или что-нибудь в этом духе.

Даррел хотел, чтобы требование о выкупе было приватным. Но нет, ей хотелось разместить его в «Инстаграме». Ей хотелось, чтобы весь город знал, что происходит.

Она и представить себе не могла, насколько разрастется вся эта история. Согласно вчерашнему репортажу в новостях, пожертвования поступали даже из Японии и Австралии. На весь мир — только один интернет, вот в чем штука. Разместить в нем что-нибудь, и никогда не знаешь, кто это увидит и где. И правосудия здесь никакого нет. Никакое возмездие ей не грозит. Никому не придется расплачиваться за прошлое.

Но у нее по-прежнему оставалось будущее, если она правильно разыграет свои карты. Будущее с полутора миллионами долларов,

позволяющими жить со всеми удобствами. Можно по-прежнему начать жизнь заново — может, в другом штате или даже другой стране. Купить себе новую жизнь куда лучше прежней. Разве это не своего рода правосудие?

Нет, отвечала какая-то часть ее. Это не правосудие. Это компенсация. А это не одно и то же.

Она попыталась похоронить эту часть себя, убрать с глаз долой, постаралась сосредоточиться.

Девочка видела ее лицо. А значит... Ну, это много чего могло значить.

Если девочка вернется к родителям, то лишь вопрос времени, когда...

Но если не вернется — ну что ж, в этом случае...

Главное — заслуженная компенсация.

Сможет ли она это сделать? Убить ребенка? Возможно, это не придется делать ей самой. Она сможет просто устроить, чтобы это произошло. Сделает ли это Даррел? Нет, он слишком слабый. И вообще-то больно уж он сблизился с девчонкой. Думает, будто она не замечает картонок от пиццы, которые он регулярно выбрасывает. Но нет уж. Она замечает абсолютно все.

Она сможет это сделать. Вообще-то это не так уж и трудно. Она ведь уже убила того парнишку пару дней назад, так ведь? И она сделана из чего-то покрепче, чем Даррел.

И тут Даррел появился на экране телевизора. Ну, вообще-то не он, а рисунок — не слишком-то хорошо нарисованный портрет ее подельника.

Она прибавила звук, сжавшись в кресле. Репортер говорил, что этот человек разыскивается для беседы с полицией и ФБР в связи с убийством Глена Хейни.

Ей понадобилась секунда, чтобы сообразить, что это за Глен Хейни — тот парнишка, который появился в доме Даррела. Парнишка, которого она убила. Черт! Скоро ли полиция выяснит, чье лицо на этом рисунке? Нужно срочно переправить девчонку в другое место!

Но это тоже рискованно. Кто-то может заметить. Что-то может пойти не так.

Не лучше ли просто надеяться, что полиция и ФБР так и не выяснят, кому соответствует нарисованный портрет?

Не слишком удачный портрет.

Но со временем они догадаются. И через Даррела выйдут на нее.

Парнишка ведет к ней. И Даррел ведет к ней. След, по которому легко пойдет полиция.

Нужно все ускорить.

У нее было будущее, к которому стоило стремиться. Будущее с тремя миллионами долларов, чтобы жить со всеми удобствами. И она получит свою компенсацию.

* * *

Моррис Винсон хотел, чтобы система работала, — и вправду хотел. В идеале все они должны были жить в стране, где полиция делает свое дело, преступники отправляются в тюрьму, а невинные граждане никогда не страдают. Но, увы, это был не тот случай. Копы жиреют на пончиках и взятках, а федералы ковыряются пальцем в заднице и предоставляют публике самой исправлять то, что было испорчено. Моррис не был героем, он первым был готов это признать — он был просто парнем, желающим внести и свой вклад в общественное благополучие.

Он не любил термин «детектив-любитель». Из-за этого чувствовал себя... ну, любителем и чувствовал. Моррис гордился тем, что является одним из лучших интернет-расследователей. В двух отдельных случаях, используя только свой компьютер, он сумел лично вычислить преступников — одним из них был уличный грабитель, а другим наркоторговец — и сообщить о них в полицию. Вообще-то это оказалось не так уж сложно — преступники часто хвалятся своими «подвигами», нарушающими закон. Моррису всего-то пришлось отследить определенные ключевые слова в соцсетях. Простые скрипты направили его в нужную сторону.

У интернет-расследователей репутация обычно не из лучших, особенно после взрывов на Бостонском марафоне^[41], — но то, чего люди не знали, так это что некоторые «реддиторы» тоже указали на Джохара и Тамерлана Царнаевых. Конечно, большинство нацелились не на того человека, но разве полиция тоже частенько этим не грешит?

Люди вроде Морриса способны на то, на что полиция и ФБР неспособны. Они не связаны никакими законами и внутренними правилами. Связаны они лишь требованиями правды и справедливости. И они сто ят буквально сотен профессиональных расследователей... если бы вышло заставить их работать вместе. И Моррис был одним из лучших в этом деле.

Когда история Эбигейл Лисман получила широкую огласку, именно Моррис открыл главную тему на «Реддите», собирающую данные по делу. Именно он попросил людей выкладывать фото и видео того вечера. Когда появилось то фото Эбигейл и ее подруги, разве кто-нибудь позвонил и поблагодарил его?

Внимание, спойлер! Ни фига.

Когда участники подфорума решили отправиться в Гленмор-Парк, чтобы расширить границы своего расследования, Моррис понял, что тоже должен в этом участвовать.

На месте у них было четыре агента. Так они себя и называли. Агенты. Раньше их было шестеро, но двоим пришлось к понедельнику вернуться домой из-за школы или еще какой-то херни. Что Морриса вполне устраивало — это работа не для малолеток. Агенты, которые остались с ним на «земле», были взрослые люди, вполне способные за себя постоять.

Официально он там не командовал, естественно, — тут вся штука как раз в том, что каждый работает сам по себе. У каждого свои собственные зацепки, свой собственный способ добиться результата.

Моррис, к примеру, связался с пользователем «Реддита» под ником Yaaasiv42, который также был хакером. Попросил его раздобыть записи с камер наблюдения бензоколонки и почтового отделения возле места преступления. Yaaasiv39 сообщил ему, что он уже не первый, кто просит у него записи с камер за тот вечер, что несколько удивило. Но когда Моррис стал задавать дальнейшие вопросы, хакер закрыл рот на замок. Сказал, что не делится сведениями о своих клиентах. Назвал свою цену, которую Моррис благополучно выплатил, и на следующий день отправил ему видеофайл.

Моррис как раз анализировал запись, когда RemiDD выложил первую фотку с «парнем в сером худи». RemiDD встал лагерем прямо напротив детской площадки, постоянно снимая проходящих мимо людей — в надежде на то, что похититель вернется на место

преступления. Парень в сером худи засветился там в воскресенье и в понедельник.

Их сотоварищи по расследованию быстро выяснили его имя и фамилию: Кевин Бейкер. С этого момента улики повалились одна за другой. Выяснилось, что у него есть фургон, очень похожий на тот, что, по слухам, использовался при похищении. Согласно одному из реддиторов, имеющему доступ к архиву полиции, Бейкер уже был судим. И в вечер похищения обнаружился на фото, снятом *всего в двух сотнях футов от места преступления*.

Настало время всем агентам собраться вместе. Моррис знал лицо только одного из них — долгового бледнолицего парня по имени Дэн, ник которого в «Реддите» был Dantor.

Wardenofthenorth был низеньким, грузным, бородатым малым, совершенно лысым. А вот RemiDD застал Морриса врасплох, поскольку на самом деле оказался женщиной. Тут у него возникли некоторые проблемы — выглядела она просто отпадно, и он уже воображал, как встретится с ней снова, когда все это закончится.

Но первым делом надо было спасти жизнь маленькой девочки.

* * *

Когда утром Митчелл вошел в кабинет оперативников, Ханна уже была там. Он прошел к своему компьютеру, рассеянно пожелав ей доброго утра. Она повернула голову, и детектив остановился.

— Ты как? — спросил Митчелл. Выглядела Ханна ужасно. Глаза опухли, волосы всклокочены. Лицо смертельно бледное, и в какой-то жуткий момент ему показалось, будто она вот-вот расплачется.

— Нормально, — отозвалась Ханна напряженным голосом. — Просто не выспалась.

— О, ну ладно, — кивнул Митчелл.

Он мог это понять. Должно быть, это нелегко — каждый день видеться с матерью Эбигейл, когда не знаешь, что той сказать, а расследование практически не продвигается. Со времени последнего поста похитителей в «Инстаграме» прошло уже порядком времени, и многие подозревали, что девочки уже нет в живых. Ханна — очень

впечатлительный человек и без этой ноши у нее на плечах. Это дело довело ее почти до полного истощения.

Усевшись за свой компьютер, Митчелл шевельнул мышкой, пробуждая экран к жизни. Прочитал несколько сообщений, присланных по электронной почте, сделал себе чашку кофе и изучил белую доску. Последним дополнением здесь стал стоп-кадр, взятый с записей камер наблюдения за ту ночь, когда на Сайприс-стрит бросили тело Хейни. Это было изображение машины, едущей по улице, — водитель едва виден, на лице лыжная маска. Похитители определенно знали, что делали.

— Надо провести подомовой обход на Сайприс-стрит, — сказал Митчелл. — Может, получится найти еще кого-нибудь помимо Питера Белла, кто видел убийцу.

Ханна кивнула.

— А еще я хочу получить больше записей с камер в этом районе, — сказала она. — На какой-то он может уже быть без маски.

Опять усевшись за стол, Митчелл открыл подфорум на «Реддите» — посмотреть, насколько продвинулись детективы-любители.

Здесь появилось множество новых постов. В некоторых упоминался некий «парень в сером худи». Супер. Новый подозреваемый.

Митчелл принялся читать их один за другим. Поднес было чашку с кофе к губам, но вдруг замер.

В одном из постов упоминалось имя парня в сером худи — Кевин Бейкер.

К другому было прицеплено фото черного фургона вроде того, что описала Грейси. Утверждалось, будто фургон принадлежит Кевину, но никаких доказательств этому факту не приводилось.

В четвертом посте имелось фото, снятое в вечер похищения. Селфи целующейся парочки, и на заднем плане виднелся темнокожий человек в сером худи, идущий по улице в полном одиночестве. Лицо его было размыто. HandsomeBob11 сообщал, что этот снимок сделан всего в паре сотен футов от места похищения, а также услужливо подсказывал, что это то самое серое худи, которое имелось у Кевина. При этом он уверял, что и основные черты лица этого человека тоже совпадают с основными чертами Кевина. Насколько же мог судить Митчелл, единственное, что объединяло обоих, — это цвет кожи.

В пятом посте имелось упоминание об адресе Кевина. Кто-то сумел его раздобыть. В «Реддите» он не был размещен, но было ясно, что адрес частным образом передается между пользователями.

Множество голосов «за». Множество комментариев. Понятно, что это дело продолжалось достаточно долго. Публика хотела, чтобы с похитителями наконец разобрались, и как можно быстрее.

Встав, Митчелл схватил ключи и пистолет со своего письменного стола.

— Ханна, — бросил он, — нам надо ехать. По-моему, кто-то вот-вот пострадает.

* * *

У Кевина было очень плохое утро. Проснулся он с глухо пульсирующей головой. Эта пульсация была ему хорошо знакома, и способов избавиться от нее не имелось. До конца дня ей предстояло разрастись в полномасштабную мигрень, как и всегда.

Он принял пару таблеток ибупрофена, запив каждую несколькими глотками воды. Кевин как раз чистил зубы, когда зазвонил телефон — номер не опознал, — а когда ответил, на него сразу обрушился поток ругательств и угроз. Он отключился, сердце быстро забилося.

Телефон зазвонил еще раз — опять неизвестный абонент, — и он позволил включиться автоответчику. Тот, кто это был, оставил ему голосовое сообщение примерно того же содержания, что и телефонный звонок. Кевин уже подумывал позвонить в полицию, но сомневался, что они что-либо предпримут по поводу случайного хулиганского звонка.

Он ел разведенные молоком хлопья, когда телефон блямкнул, показывая, что у него новое текстовое сообщение. Кевин открыл его. Там попросту говорилось: «Мы нашли тебя, извращенец, крадущий чужих детей!»

Секунду он просто тарачился на телефон, чувствуя себя физически больным. Его чуть не стошнило хлопьями, которые он только что съел. Потом Кевин начал набирать «911»... и остановился. В полиции наверняка попросят подъехать к ним. А его босс и без того на него достаточно зол. Лучше просто не обращать внимания.

Телефон он поначалу решил оставить дома, но кто сейчас выходит из дома без телефона? Засунув его в рюкзак, Кевин вышел из квартиры. Дверь захлопнулась слишком уж громко, заставив его вздрогнуть. Все вокруг казалось враждебным и опасным. Он запер за собой дверь, сделал несколько глубоких вдохов.

В конце коридора нажал на кнопку лифта и стал ждать. Это показалось вечностью. Несколько раз ему казалось, будто он слышит за спиной какой-то шум, и оборачивался, но никого не было видно. Телефон опять блямкнул. Кевин проигнорировал его, думая, что поговорит с парнями на работе, посоветуется — не думают ли они, что ему нужно обратиться в полицию?

Возле входа в здание толклась компашка молодых людей, и он прошел мимо них, свернув влево, в сторону работы. Ему понадобилась буквально пара секунд, чтобы осознать, что они двинулись за ним.

Припугнуть Кевина было нелегко — в школе у него было полно задир, и он знал, как за себя постоять. Но телефонный звонок и эсэмэска, полученные утром, поколебали его уверенность, и он слегка запаниковал. Тем более что телефон блямкнул еще раз. Компашка за спиной двигалась не более чем в дюжине футов от него, не произнося ни слова. Ему пришло в голову, что все четверо — белые. Кевин рискнул бросить взгляд за спину.

Все они определенно смотрели на него, и их глаза были полны ненависти и злобы. Он осознал, что начинает дышать коротко и быстро, сердце колотилось в груди, как барабанщик на военном параде.

Кевин побежал.

Слышал, как они гонятся за ним, перекрикиваясь друг с другом. Вдыхал воздух глубокими глотками — морозный воздух жег легкие. Кто-то врезался в него, и они кубарем покатались на землю. Он ударился головой о тротуар, зрение на миг затуманилось. Глубокая резкая боль, когда кто-то пнул его ногой в живот, потом еще чья-то нога ударила его в спину. И все они, неразборчиво вопя, принялись осыпать его ударами.

Ханна орала на диспетчера Холли, когда под визг резины Митчелл резко свернул на Бейбл-лейн.

— Нет, Холли, отправь одну машину на его домашний адрес, а вторую — на детскую площадку на Бейбл-лейн!

Сквозь собственные вопли ей было слышно, как Холли разговаривает с кем-то по радио.

— Три шестьдесят два, центральной.

— На связи, — ответил Холли потрескивающий голос из рации.

— Три шестьдесят два, на Кимбелл-уэй требуется подкрепление.

— Центральная, это три шестьдесят два, вас понял, уже едем.

— И второй патруль на детскую площадку, — повторила Ханна уже более спокойным голосом, когда Митчелл замедлил ход, высматривая нужный адрес.

— Детектив Шор! — Голос у Холли был сердитый. — Вторая машина в данный момент задействована на другом конце города, и я не могу...

— Митчелл! — Ханна вытянула руку прямо перед собой.

— Вижу их, — мрачно отозвался он, прибавляя газу.

Перед ними на тротуаре собрались в кружок четверо. И хотя ей не было видно, вокруг чего они собрались, но вполне могла предположить. По тому, как они сгорбились, по тому, как двигались их ноги, они явно осыпали ударами кого-то, лежащего на земле.

— Холли, пришли патрульную машину на угол Бейбл-лейн и Кимбелл-уэй, тут четверо кого-то избивают!

— Три шестьдесят два, центральной, — опять услышала Ханна голос Холли. Отключилась, убрала телефон в карман, подобралась.

Митчелл не стал заморачиваться с парковкой, и автомобиль перескочил прямо через бордюры, отчего у Ханны лязгнули зубы. Машина еще двигалась, когда Ханна распахнула пассажирскую дверцу и выскочила, крича: «Полиция! Всем не двигаться и поднять руки над головой!»

Ханна увидела какого-то мужчину — судя по всему, Кевина Бейкера, — лежащего на земле и закрывшего лицо руками. Он свернулся в клубок, и один из мужчин пинал его в спину. Она не стала медлить, врезавшись в ближайшего к ней и сбив его на землю. Второй человек, женщина, получила удар в живот — застонав от боли, она

переломилась пополам, хватая воздух ртом. В этот момент двое других мужчин прекратили пинать Кевина и злобно уставились на Ханну.

— Полиция! — услышала она истошный крик Митчелла. Тот стоял за машиной, нацелив пистолет на двух стоящих мужчин... нет, даже не мужчин. Это были почти дети, не старше двадцати.

Оба нерешительно подняли руки.

— Зачем вы целитесь в нас из пистолета? — спросил один из них.

Ханна проигнорировала его, присев на корточки перед лежащим на земле. Губы его были разбиты в кровь, глаза закрыты, и дышал он короткими, болезненными толчками. Но, по крайней мере, дышал.

Вдалеке послышалось завывание сирены. Приближалась патрульная машина.

— Эй, — тихонько произнесла она. — С вами все будет в порядке.

Он не двинулся, просто продолжал лежать на земле, свернувшись калачиком и прикрывая голову руками. Ханна мягко положила ему руку на плечо, вытащила телефон, позвонила в центральную и приказала Холли вызвать на этот адрес «Скорую».

Ханна продолжала разговаривать с ним как можно более спокойным голосом, пытаясь заставить его двинуться, надеясь, что он откроет глаза. Видела, как Митчелл сгоняет в кучу четырех нападавших, приказав им встать к стене ближайшего здания, лицом к стене. Они подчинились, хотя и выкрикивали что-то насчет адвокатов и своих родителей, напирая на то, что всего лишь пытались заставить этого парня признаться, что он сделал с Эбигейл.

— Я ничего не сделал, — хрипло произнес мужчина. Его голос был негромким, полным боли.

— Знаю, — сказала ему Ханна. — Не волнуйтесь, мы вас ни в чем не обвиняем.

— Я не похищал эту девочку.

— Знаю, — повторила Ханна. — Эти идиоты просто сделали ужасную ошибку. Вас ведь зовут Кевин, верно?

Он слегка кивнул, приоткрыв один глаз.

— Кевин, мы сейчас отвезем вас в больницу, чтобы вас осмотрели, хорошо?

Подкатил патрульный автомобиль, из которого выпрыгнули патрульные Кейт Энтони и Ноэль Ллойд. Кейт подошла к Митчеллу и нападавшим, а Ноэль присел на корточки рядом с Ханной.

— Что тут, черт возьми, произошло? — спросил он.

— Они решили, что он похититель, — объяснила она резким и злым голосом. — Все это уже выходит из-под контроля.

* * *

Южное окно в гостиной Наамит и Рона было самым большим из выходящих на улицу. До похищения перед этим окном стоял небольшой столик с геранью в горшке и несколькими фото их медового месяца. Теперь этот столик задвинули в угол комнаты. Он стоял там в темноте, герань высохла и увяла.

Теперь возле окна поставили кресло, и в нем сидела Наамит. Просиживала в нем часами каждый день, глядя на улицу за окном. Ожидая появления Ханны с какими-то новыми сведениями, ожидая кого-то из агентов ФБР, который сообщит хоть что-нибудь, ожидая любого рода вестей.

Втайне — и она никому об этом не говорила, едва могла признаться даже самой себе — Наамит ожидала увидеть Эбигейл, идущую по улице, открывающую дверь, бросающуюся к ней в объятия. Она старалась не представлять себе такой картины. Этот образ иногда казался настолько реальным, что, когда он тускнел, это еще сильнее ранило ей сердце. Но даже в лучшие времена это было практически невыносимо.

Недавно ее посетила Дебра, опять принесла еды. Подруга словно не обращала внимания на несъеденную еду в холодильнике, добавляя сверху еще и еще. Она могла побыть с Наамит час-другой, пытаясь как-то отвлечь ее разговорами о работе, о том, как они справляются без нее. Дебра подменяла ее, но *только* до того, как все это разрешится. Подбадривала Наамит, вновь и вновь повторяя, что с Эбигейл, наверное, все будет хорошо.

Наамит не могла объяснить Дебре, насколько слово «наверное» ранит больней остальных. Нет ничего хуже, чем не знать, что случилось с ее дочерью. Прямо как с тем котом Шрёдингера. С Эбигейл одновременно и все нормально, и она испытывает невыносимые мучения, и мертва.

Дневной свет заливал их передний дворик. Денек был чудесный, почти безоблачный, небо ярко-синее. Хотя снаружи по-прежнему стоял холод и оконное стекло было холодным при прикосновении.

Наамит едва услышала, когда подал сигнал ее телефон, — новое сообщение. Она вздохнула, борясь с желанием проигнорировать его. В последнее время он сигналил и звонил безостановочно. Поначалу это были родственники и друзья, пытающиеся выразить ей свою любовь. А потом сообщения стали слать совершенно незнакомые люди. В поддержку, с соболезнованиями, а дальше — к ее ужасу — повалились едкие сообщения и телефонные звонки, обвиняющие ее в небрежении к дочери, в пьянстве, в фальсифицировании похищения. От них ее буквально выворачивало наизнанку.

Но Наамит не осмелилась проигнорировать это сообщение. С ней постоянно связывались люди, организовавшие сбор средств, — в том числе и чтобы держать ее в курсе своих усилий. Они уже начали обсуждать практические вопросы касательно перевода денег. Было собрано достаточно, чтобы выплатить выкуп, и теперь банки и юристы работали на всю катушку. Подробности были для нее туманны. Всем этим занимался Рон, но она все равно следила за тем, чтобы они держали ее в курсе любых проблем или сложностей, которые могли возникнуть.

Подобрав телефон, Наамит глянула на экран. Новый имейл. Она щелкнула на нем, и на миг показалось, будто это очередное сообщение от больных на всю голову людей, объединившихся против нее. И тут сердце у нее пропустило удар.

— Рон! — выкрикнула она, чувствуя головокружение.

Тот бегом появился в гостиной, с красными и расфокусированными глазами. Спал Рон совсем мало, почти так же плохо, как и она.

— Что? — встревоженно спросил он. — Что случилось?

— Это похитители, — прошептала Наамит. — Они прислали мне имейл.

Она протянула ему телефон. Рон выхватил его у нее из пальцев и уставился на экран. Наамит подошла к нему и прочитала текст уже в четвертый раз.

От кого: wegotabigail@guerrillamail.com

Кому: Наамит Лисман.

Тема: Выкуп.

У вас есть деньги на выплату выкупа. Завтра вы доставите их нам и получите свою дочь обратно. Положите три миллиона долларов 100-долларовыми купюрами в дорожную сумку и завтра, 29 марта, в 10:00, подходите к таксофону на углу Бейбл-лейн и Кимбелл-уэй. Не связывайтесь с ФБР или полицией. Если свяжетесь, то никогда не увидите свою дочь.

К сообщению было прикреплено фото. Это была Эбигейл с газетой «Бостон глоуб» в руке. Было трудно рассмотреть подробности. Была ли это сегодняшняя «Бостон глоуб»? Наамит понятия не имела. Всю последнюю неделю она не смотрела новости и не знала, соответствуют ли дню заголовки. Наамит решила, что это так, перебарывая побуждение проверить и убедиться, что ее дочь до сих пор жива. Сначала надо было заняться более неотложными вопросами.

— Нам нужны деньги на выкуп, — сказала Наамит Рону. — Они нужны нам прямо сейчас. Скажи этим ребятам: хватит юристов, деньги нам нужны к завтрашнему дню.

— Я поговорю с ними, — кивнул Рон, и она с облегчением увидела, что он не проявляет нерешительности, не высказывает возражений. Муж вроде был уверен, что получит их. Вот человек, в котором она прямо сейчас нуждалась, — тот, на кого можно опереться.

— Не думаешь, что мне надо проделать все это одной? — спросила Наамит. — Они связались со мной, так что...

— Нет, — твердо сказал Рон. — Я не позволю тебе встретиться с ними один на один. Я пойду с тобой. И нам нужно поговорить с агентом Манкузо, посмотреть, что она думает насчет...

— Нет! — выкрикнула она. — Мы не будем звонить в ФБР или полицию. Ты же видел этот имейл. Я не хочу рисковать жизнью Эбигейл.

— Но нам нельзя слепо доверять похитителям! — ответил Рон, тоже повысив голос. — Они могут врать. Могут попытаться вытянуть из нас еще денег, как только получат выкуп. Они могут... не отпустить Эбигейл после того как... В смысле... Мы не знаем, с чем там столкнемся. Нам нужно поговорить с агентом...

— Мы поговорим с Ханной Шор, — перебила его Наамит. — Она — единственный человек, которому я доверяю. Ты же сам видел новости. Это дело очень публичное. Кто знает, какие мотивы у ФБР? Ханне я доверяю — ей плевать на публичность.

Рон нерешительно кивнул.

— Ладно, — произнес он. — Но если Ханна скажет, что нам нужно связаться с ФБР...

— Нет, Рон, — сказала Наамит. — Мы привлечем к этому только Ханну. И больше никого другого.

И набрала номер Ханны.

Та ответила почти сразу.

— Здравствуйте, Наамит.

— Ханна? Ты не можешь приехать? Нам нужно с тобой поговорить, — попросила Наамит, гадая, не подслушивают ли разговор в ФБР. — Пожалуйста.

— Уже еду, — сразу же ответила Ханна и отключилась.

Глава 19

Она вошла в кухню, где за кружкой кофе сидел Даррел, покуривая сигарету. Она никогда не могла понять, какого черта он курит в доме. Его что, не волнует мерзкий запах табачного дыма, пропитавший все вокруг? Весь его дом воняет, как гигантская пепельница! Ну, весь, не считая подвала. В подвале сейчас воняет, как в общественном туалете.

Он покосился на нее, быстро двинув глазами, — как и всегда, когда нервничал. А у него имелась очень веская причина нервничать. Если завтра что-то пойдет не так, к вечеру Даррел окажется в тюрьме. Она и сама нервничала.

И уже далеко не впервые обо всем этом пожалела: что убедила Даррела сделать это — похитить девчонку, размещать посты в «Инстаграме»... Каждое из ее решений было сомнительным. Но опять-таки, скоро она будет в Мексике, с достаточным количеством денег, чтобы начать новую жизнь со всеми удобствами. Стоит ли того неделя стресса?

— Вот, — сказала она, протягивая ему одноразовый телефон. — Используй вот этот, если тебе понадобится позвонить им, а как только закончишь, вытащи батарею и...

— Да знаю я, что надо делать, — резко отозвался Даррел. В последнее время его все больше и больше раздражали ее инструкции. — Но по-любому он вряд ли мне понадобится. Они будут ждать меня там, где мы им сказали.

Она кивнула. Наамит уже дважды ответила на их имейл, пытаясь вызнать подробности — спрашивая, где будет Эбигейл, как и когда они ее доставят. Оба ее сообщения они проигнорировали. Наконец мать девочки написала третий ответ, подтвердив, что будет в указанном месте с предназначенными для выкупа деньгами.

— Как только я получу деньги, сразу поеду к подменной машине, проверив, не следят ли за мной. Переложу деньги в свою собственную сумку и позвоню тебе сообщить, что дело сделано. А потом, покрутившись по округе, двину обратно сюда, и ты как можно скорее присоединишься ко мне.

— Хорошо. — Она опять кивнула и улыбнулась. Даррел улыбнулся в ответ. Он всегда оживлялся, когда она улыбалась ему. Это и вправду было довольно мило — ему просто хотелось ее одобрения и оценки. Наверняка и ее тела. Но этого никогда не произойдет.

— Пожалуй, нам пора, — сказала она, глянув на свой собственный телефон, чтобы посмотреть время. Было малость рановато, но ей уже хотелось поскорей оказаться за пределами этого дома.

— Угу. — Даррел встал и двинулся в сторону подвальной двери.

— Куда это ты собрался, черт возьми? — резко спросила она.

— Просто хочу поговорить с Эби... с девчонкой. Сказать ей, что если она будет хорошо себя вести, то скоро увидит своих...

— Я сама этим займусь, — перебила она, подпустив стали в голос.

— Не переживай, я не тупой, надену маску, — произнес он, бросив взгляд на маски, висящие на гвозде возле двери. — Я просто хочу...

— Даррел, у тебя свои обязанности, у меня свои, — сказала она, напрягаясь. Ей это не нравилось, совсем не нравилось. Слишком уж он сблизился с этой девчонкой, а им нельзя позволять себе никаких любительских ошибок. Только не сегодня.

Даррел сердито сжал челюсти.

— Не вижу, в чем проблема, черт возьми. Она будет просто спокойней, когда ты возьмешь ее и...

— Эта девчонка не нуждается в каких-то дополнительных подбадриваниях, — перебила она.

Ей было видно, что пальцы у него сжались в кулак. Она недооценила, насколько он привязался к ребенку. Время это исправить. Она сделала три шага вперед и положила руку ему на предплечье. Это, наверное, был первый раз, когда она вообще прикасалась к нему, если не считать моментов, когда они случайно наталкивались друг на друга в доме.

— Ни к чему, чтобы воспоминание о тебе было свежо в ее памяти сегодня, — мягко произнесла она. — Как только они получают девчонку обратно, ФБР сразу ее допросит. Как ты выглядел? Какой у тебя голос? Чем от тебя пахло? Может ли она описать какие-то твои черты лица? Твои глаза?

Даррел тяжело дышал, пока она стояла совсем близко от него, гораздо ближе, чем когда-либо.

— Она просто маленький ребенок. Она наверняка не сможет точно описать тебя по памяти — но если девчонка увидит тебя всего за несколько часов до возвращения домой?

— Ты права, — хриловато отозвался он.

— Всего пара часов, и дело сделано. С бóльшими деньгами, чем любой из нас мог даже представить.

Даррел кивнул, заморгав. Отвернулся от двери.

— Через пару часов увидимся.

— Точно. — Она опять улыбнулась.

И он улыбнулся в ответ.

* * *

Ханна сидела в гостиной Наамит, нетерпеливо дожидаясь, пока на ноутбуке Рона загрузятся «Гугл-карты». Интернет у них работал нестерпимо медленно. Рон расхаживал взад и вперед, как и все последние двадцать минут. Наамит сидела напротив Ханны, уставившись на собственные колени. После прибытия детектива она успела уже дважды удариться в слезы. Стресс был явно слишком силен, чтобы она могла с ним справиться. Ханна надеялась, что мать девочки не сделает какую-то глупость при передаче выкупа.

— Наамит, — произнесла она, — пожалуйста, разрешите мне позвонить агенту Уарду.

Та подняла глаза.

— Ты сказала, что не уверена, что они не попытаются устроить засаду на похитителей.

— Ну да... но я также не уверена, что похитители вернут ее. Нам нужно участие опытных людей.

— Ты — опытный человек, — сказала Наамит.

— Только не в таких делах.

— А есть вообще хоть кто-то опытный в таких делах?

Ханна неуверенно прикусила губу. Известность, окружающая это дело, была просто неслыханной, насколько ей было известно. И стоило подумать про «реддиторов», про пожертвованную для выкупа сумму,

про это странное требование о выкупе... Мог ли кто-нибудь сказать, что когда-то имел дело с чем-то подобным?

Наконец на экране появилась карта.

— Приступим, — сказала Ханна. Рон и Наамит устроились по бокам от нее. Ей было слышно, как оба тяжело дышат. Напряжение в комнате выматывало ее.

— Вот угол Бейбл-лейн и Кимбелл-уэй, куда вам надо прийти. Примерно тут изначально и похитили Эбигейл. На прошлой неделе я с полдюжины раз обошла этот район, так что неплохо его знаю. Они хотят, чтобы вы ждали их возле таксофона... вот здесь. — Она ткнула пальцем в экран. — Не исключено, что они намереваются позвонить по этому телефону с дальнейшими инструкциями. Это единственный таксофон в Гленмор-Парке, так что место явно выбрано неслучайно. Они могут приказать вам пройти куда-то еще, где нет камер наблюдения. К северу от этого угла, в стороне Клейтон-роуд, где находятся бензозаправка и почтовое отделение, есть камеры наблюдения, направленные на улицу. Когда Эбигейл похитили, похитители не поехали туда, чтобы не попасть на запись, так что сомневаюсь, что они потребуют от вас пройти в ту сторону. Наиболее вероятно, что вам прикажут двигаться к югу, в сторону Джоан-авеню. В той стороне сплошь спальный район, и на улицах гораздо меньше народу. Или они потребуют...

Ханна остановилась, нахмурившись и уставившись на карту.

— Что? — спросил Рон.

— Ничего, — отозвалась она. Что-то неуловимое не давало ей покоя, копошилось где-то в самой глубине головы, но Ханна никак не могла точно сказать, что именно. — Они могут потребовать от вас пройти через детскую площадку. Возможно что угодно. До сих пор они действовали довольно профессионально — я буду удивлена, если сейчас они допустят какую-то промашку.

— Как думаешь, далеко нам придется идти? — спросила Наамит.

— Понятия не имею, что от вас могут потребовать, но сомневаюсь, — сказала Ханна. — Особенно вот с этим на руках. — Она мотнула головой на большую дорожную сумку, стоящую на полу. Та была чертовски тяжелой. Три миллиона долларов сотенными купюрами не так-то просто нести на себе.

— А потом что? — спросила Наамит. — Когда, ты думаешь, они отпустят Эбигейл?

Интересно, подумала Ханна, знает ли Наамит, сколько раз она сама задавала себе этот вопрос. Может, настоящую проблему представлял собой ответ, который постоянно звучал у нее в голове...

— Не знаю, — сказала Ханна. — Надеюсь, что вскоре после этого.

* * *

Эбигейл пребывала в полном ужасе с того самого момента, как мужчину, пришедшего спасти ее, зарезали прямо у нее на глазах. До того, как это произошло, ей хотелось верить, что шансы в ее пользу. В конце концов, если похитители не намеревались возвращать ее, какой смысл был надевать маски? Или снимать ее на телефон? Или кормить ее?

Но когда та женщина зарезала его — с не прикрытым маской лицом, с холодными и отстраненными глазами, — Эбигейл осознала две вещи. Убивать для этой женщины — не проблема. И теперь, когда Эбби знала, как она выглядит, эта женщина вряд ли отпустит ее домой.

Похитители уже пытались оттереть большое кровавое пятно с пола и сумели удалить бóльшую его часть. Но, как следует присмотревшись, Эбигейл все равно различала его контуры, немного отличающиеся по цвету от остального пола. Некоторые брызги крови на ступеньках и на стене остались незамеченными, и Эбигейл часами смотрела на них, припоминая тот момент — пустые глаза мужчины, его открывающийся и закрывающийся рот, не издающий ни звука, небольшую струйку крови у него на подбородке. А потом ужасное воспоминание о том, как его лицо словно потухло, все движения прекратились, и она поняла, что он умер. Женщина поднялась по ступенькам и вышла из подвала, закрыв и заперев за собой дверь. А Эбигейл осталась, свернувшись калачиком в углу комнаты, закрыв глаза и не в силах посмотреть на мертвое тело.

Наконец мужчина с женщиной вернулись, в пластиковых перчатках и плащах, и забрали тело. Позже они вымыли пол каким-то моющим средством, оставившим острый неприятный запах, надолго

пропитавший комнату, — хотя любой запах был предпочтительней медного запаха крови.

А теперь, когда женщина приносила ей еду, ее глаза так и сверлили Эбигейл. Верила эта женщина, что Эбигейл не запомнила, как она выглядит? Девочка молилась, чтобы это было так, хотя ей никогда уже не забыть этого холодного, бесчувственного лица.

И вот сейчас дверь открылась, и женщина шагнула внутрь. На ней опять была маска.

— Вставай, — приказала она. — Мы уходим.

Эбигейл встала, вся дрожа. Ей хотелось спросить, куда или зачем, но губы тряслись, горло сжалось от страха. Она неуверенно шагнула к женщине.

— Иди сюда, — негромко сказала та ровным и спокойным голосом.

Эбигейл подошла еще ближе. Женщина, нетерпеливо бурча, быстрым шагом подошла к ней, двумя крепкими пальцами ухватила ее за подбородок и подняла ей лицо вверх. Их взгляды встретились, и женщина смотрела на нее так долго, что это показалось часами. В конце концов кивнула, будто бы удовлетворенная тем, что увидела в глазах Эбигейл.

Эбигейл наконец обрела дар речи.

— А куда... — начала было она, но тут женщина ухватила ее за затылок и прижала ей ко рту и носу мокрую вонючую тряпку.

Эбигейл попробовала вырваться, запаниковав и вцепившись в руки женщины, пытаясь оторвать их, но пальцы мучительницы лишь впились в нее еще крепче, с силой прижимая тряпку к лицу и причиняя боль. Эбигейл попыталась вскрикнуть, но не было воздуха — лишь тошнотворные пары, от которых навалились головокружение и слабость. Ее придушенные крики превратились во всхлипы и наконец умолкли.

* * *

Рон закинул сумку на плечо. Штуковина была тяжелой — больше пятидесяти фунтов^[42] даже в столларовых купюрах. Вполне

достаточно, чтобы похитители смогли начать новую жизнь где-то далеко отсюда, где их никто никогда не найдет.

Он бросил взгляд на свою жену. Ее взгляд был острее, чем в последнюю неделю. Наамит оглядывалась по сторонам, постоянно посматривая на таксофон, словно желая, чтобы он поскорей зазвонил. Меньше всего ее волновало, что происходит с похитителями. Ей просто хотелось получить назад свою дочь.

Для Рона все было по-другому. Он считал, что кто-то должен заплатить за эти последние дни, которые ввергли их семью в этот непреходящий кошмар. И также волновался, что никогда теперь не будет чувствовать себя в безопасности, зная, что похитители вышли сухими из воды. Будет постоянно чувствовать себя так, будто они по-прежнему преследуют его семью, планируют второе похищение. И даже то, что это крайне маловероятно, не заставляло его чувствовать себя по-другому. Разве не сказала детектив Шор, что похититель — это кто-то из числа их знакомых?

Улица была сумрачной и серой, густые темные тучи полностью закрывали солнце. Не пойдет ли сейчас дождь? Зонтик они не взяли. Рон подумал про сумку. Интересно, она промокает? Там же внутри куча денег. Сумку они купили в ближайшем «Уолмарте». День тогда был суматошный — переговоры с банками и с людьми, которые организовали сбор средств. Те набросали нечто вроде договора, который он, практически не глядя, подмахнул, надеясь, что не продает свою собственную душу.

Рон бросил взгляд на часы. 10:07. Похитители опаздывали. Он хотел снять трубку с рычага, проверить, есть ли гудок, но волновался, что прямо в этот момент они и позвонят.

Он оглядел пустую детскую площадку. Погода была не особо подходящей, чтобы родители и няньки привели своих детей в парк. Пустые качели печально замерли. Эбби и Грейс частенько сидели на этих качелях, болтая друг с другом. Сидели ли они на них в вечер похищения, дожидаясь появления несуществующего парнишки?

Увидит ли он сегодня свою дочь? Обнимет ли ее? Рон оттолкнул от себя эту мысль, понимая, что никак не может этого знать. У него хватило дурости погуглить истории разных похитителей, которые убивали детей вместо того, чтобы вернуть их родителям. Рон не стал рассказывать про эти истории Наамит.

Мимо проехал одинокий автомобиль. Это заставило его осознать, насколько пустынна улица. Похитители хорошо выбрали место. Единственная причина заехать сюда — это если ты живешь здесь. Бейбл-лейн пролегла между Клейтон-роуд и Изабел-авеню, но все, кто хотел перебраться с одной улицы на другую, использовали гораздо более быстрый маршрут через бульвар Трит.

— Может, телефон не работает, — процедила Наамит сквозь стиснутые зубы. Она явно уже замерзла, хотя ничего и не говорила. Рон мысленно дал себе пинка за то, что не заставил ее надеть более толстую куртку. В последнюю неделю он не слишком о ней заботился. Наамит буквально разваливалась на части.

— Все будет нормально, — сказал он — пустое утешение, от которого ни одному из них не стало лучше.

По улице проехал еще один автомобиль, почти миновав их, а потом вдруг резко свернул, едва не ударившись в бордюр. Водительская дверца распахнулась, открыв человека в темной лыжной маске, сидящего за рулем.

— Давайте сюда деньги, быстро! — гаркнул он.

Рон не двинулся с места. Он не был готов к такому внезапному появлению похитителя и, как всегда, когда был чем-то удивлен, неподвижно застыл. Сейчас он был оленем, уставившимся на приближающиеся фары и неспособным даже пошевелиться.

— Если хотите получить Эбигейл, давайте сюда деньги! — сказал мужчина, протягивая руку.

— Рон! Отдай ему сумку! — прикрикнула на мужа Наамит.

Многолетняя привычка беспрекословно выполнять то, что говорит жена, сделала свое дело. Словно во сне Рон снял лямку тяжелой сумки с плеча. Сумка с глухим стуком свалилась на землю, и он поволок ее к мужчине, который схватил ее за лямки и вздернул на пассажирское сиденье.

— Возвращайтесь домой, — распорядился он. — Мы свяжемся с вами через час. Если за мной будут следить, мы убьем ее. Если нет, вы скоро увидите свою дочь.

Голос у него был почти извиняющийся. Похититель захлопнул дверцу. А потом, медленно и спокойно, автомобиль отъехал от тротуара, развернулся и укатил прочь. Рон смотрел ему вслед, чувствуя головокружение и шок.

Даррел просто не мог поверить, насколько без сучка и задоринки все прошло. Остановившись возле Лисманов, он обильно потел, и ему пришлось преодолеть дрожь в голосе, разговаривая с ними в громком, сердитом тоне. Он почти ожидал увидеть дюжину агентов ФБР, выскочивших с детской площадки и окруживших его. Тут было полно мест, чтобы спрятаться.

Но фэбээровской засады не было. Пара была явно удивлена, увидев его там. Они наверняка ожидали звонка таксофона, как и планировала его подельница. Хвоста не было видно. Порядка двадцати минут Даррел ехал к северу из Гленмор-Парка, а потом свернул к западу, в сторону Нью-Гемпшира. Наконец свернул на тихую удаленную дорогу и еще четверть мили катил по ней, после чего остановился. Выждав десять минут, никого не увидел, хотя мог представить, как ФБР отслеживает его машину, используя спутники или бинокли с большим увеличением. Не исключено, что в сумку подсунули GPS-маячок. Если это было так, то надо было как можно быстрее продолжать следовать плану.

Его собственный автомобиль дожидался на обочине дороги, где он заранее его оставил. Машина, на которой он приехал, старенькая «Вольво», была куплена за наличные у торговца подержанными автомобилями в Бостоне. Они уже заменили на ней номера, просто дополнительной подстраховки ради. Даррел выбрался из-за руля, открыл свою собственную машину и достал из нее другую сумку. Открыл сумку с выкупом, держась от нее подальше, — на тот случай, если в ней установлена выбрасывающая несмываемую краску ловушка, как он как-то видел в кино.

Никакой краски не было. Только пачки денег. Больше денег, чем он когда-либо видел в своей жизни.

Даррел начал переключать пачки в свою собственную сумку. Это заняло достаточно много времени, но ему не хотелось просто вывалить содержимое одной сумки в другую — надо было убедиться, что он не прихватит с собой и GPS-маячок.

Наконец покончив с этим делом, Даррел швырнул пустую сумку обратно в «Вольво», сел в свою собственную машину, завел мотор и тронулся с места. Начал ухмыляться, еще снимая с рук латексные

перчатки. Маску он тоже выбросил, зная, что больше никогда не наденет на себя эту чертову штуку. Все кончено.

Бросив взгляд на лежащую на пассажирском сиденье большую сумку со все еще расстегнутой молнией, он подмигнул ей. Пачки денег подмигнули ему в ответ. Его улыбка стала еще шире, когда он накрепко застегнул ее. Не было смысла рисковать тем, что кто-то посмотрит сквозь стекло и увидит необычного пассажира. А ведь и правда, он ехал с целой толпой ребят по имени Бенджамин^[43] в своей машине... Не превысил ли он лимит пассажировместимости? Ну что ж, эта машина рассчитана на четырех пассажиров, не считая водителя, но везет сейчас тридцать тысяч Бенджаминов. Даррел расхохотался. Неплохо! Тридцать тысяч Бенджаминов! Лимит малость превышен, так ведь? Он опять рассмеялся, слезы облегчения и радости навернулись ему на глаза.

Перед ним по-прежнему стояли глаза матери Эбигейл, когда она смотрела на него, — ее лицо так и умоляло его вернуть ей дочь. Ну что ж, теперь эта тетка получит свою дочку назад. Наконец-то. Последняя неделя была просто ужасной. Знать, что они удерживают маленькую девочку вдали от родителей, было трудно для них обоих. Даррел видел смятение в глазах своей подельницы всякий раз, когда они говорили про это. Он видел, как она пыталась держать дистанцию. Что ж, вполне естественно. Она ведь женщина — наверняка испытывала к девочке материнское сочувствие... Даррел ощутил облегчение при мысли, что они могут наконец снять этот груз со своей совести.

Черт! Он же должен был сообщить подельнице, что уже можно отпустить девчонку! Остановившись на обочине, Даррел достал одноразовый телефон и поспешно набил эсэмэску: «Всё в порядке. Еду назад».

Быстро пришел ответ: эмодзи в виде поднятого вверх большого пальца. Они всегда были осторожны, никогда не упоминая в текстовых сообщениях ни про девочку, ни про выкуп. Никогда не упоминали про это по телефону. Никогда не брали с собой свои собственные мобильники, когда встречались. Чтобы размещать эти фото в «Инстаграме», использовали только одноразовые телефоны, всякий раз из нового места, как минимум в тридцати милях от Гленмор-Парка. Его подельница и настояла на всем этом. Сказала, что неизвестно,

какие сейчас у ФБР технологии, так что лучше перестраховаться. И она была права. Он рад, что именно она была мозгом всей операции.

Уже на подъезде к Гленмор-Парку кольнуло нехорошее предчувствие. Не преследует ли его этот автомобиль в зеркале заднего вида? Но нет, на следующем перекрестке тот, к его облегчению, свернул. Даррел был осторожен, и семья Лисман не подвергала опасности жизнь дочери.

Наконец он подъехал к своему дому и открыл гаражную дверь. Это было тяжело — приезжать домой всю последнюю неделю, зная, что в подвале сидит плачущий ребенок. Даррел испытывал облегчение от того, что девочка наконец-то вернется домой. Когда-нибудь в будущем он подошлет ей денег, в качестве компенсации за ужасную неделю, которую ей пришлось вытерпеть.

Он поставил машину в гараж, вздернул увесистую сумку на плечо. Черт, эти тридцать тысяч Бенджаминов изрядно весят! Даррел опять ухмыльнулся собственной шутке, заходя в дом.

Она уже поджидала его, к его удивлению. Стояла в кухне, на столе — бутылка шампанского. По бокам — два полных фужера. Улыбнулась ему, и Даррел улыбнулся в ответ, отреагировав на нее как и всегда. Он любил видеть ее улыбку.

— Ты уже позвонила родителям? — спросил он. — Сказала им, где она?

— Конечно, — ухмыльнулась она. — А это что, деньги?

— Верно! Хочу представить тебя моим новым друзьям, — объявил Даррел, расстегивая сумку. — Их тридцать тысяч, и каждого зовут Бенджамин.

Она не рассмеялась. Может, до нее просто не дошло. Заглянула в сумку, и ее ухмылка стала шире.

Он знал, что она в этот момент чувствовала. Это была свобода.

— По-моему, это надо отпраздновать, — сказала она, взяв один из бокалов и подняв его, глядя на него.

— Конечно! — отозвался Даррел, подхватывая другой бокал. Она пригубила из своего, и он сделал то же самое — всего лишь маленький глоток.

— Уф, — скривился, ощутив горечь на языке. — По-моему, это шампанское испортилось.

— Да ну? — Она тоже приложилась к фужеру. — По мне так отличный вкус. Это наверняка просто первый глоток. Попробуй еще.

— Не, — сказал Даррел, ставя бокал на кухонную стойку. — Я не стал бы это пить. Смотри, как бы желудок не испортить.

Он оглядел бутылку, проверяя срок годности.

— Да отличный вкус, — сказала она, заходя ему за спину.

— Эй, послушай! Я знаю, какое шампанское на вкус, а это шампанское...

Боль в спине была резкой и ужасной. Он мучительно вскрикнул и обернулся. Она стояла перед ним, ее глаза были холодными и пустыми. Тут и живот пронзила резкая боль, и Даррел попятился назад, опустив взгляд. Кровь. Так много крови. Откуда она...

Опять резкая боль, на сей раз в груди, и это была ее рука там — кровь струилась по ней, брызгая на щеку прямо под лишенным всяких эмоций глазом. Он сделал еще шаг назад, чувствуя, что боль в груди становится еще сильнее, стоило ему пошатнуться. Это был нож. Когда Даррел попятился назад, тот выскользнул у нее из пальцев, все еще застрявший между ребер.

Он кое-как нащупал рукоять, чувствуя ужас и не веря в происходящее. Вот же сука! Она пыталась убить его! Из-за денег! Он выдернул нож из груди — боль едва не ослепила его — и замахнулся на нее. Но ее там уже не было. Она смотрела на него отстраненным взглядом футов с шести.

— Ах ты сука... — пробормотал Даррел, шатнувшись вперед. Кровь пузырилась у него в рту. Он собирался убить ее.

Но она вдруг двинулась вперед, взмахнув рукой, и бутылка шампанского ударила его по лицу, повалив на колени.

— Господи, — пробормотал Даррел, заваливаясь на спину. Где она? Его зрение затуманилось, лицо горело огнем. Где нож? Он ведь еще секунду назад держал его в руке...

Попытался встать — и что-то твердое опять обрушилось ему на голову.

Глава 20

Из коридора доносились крики, безостановочно звонили телефоны, копы и детективы вбегали и выбегали из комнаты оперативников. С гудящей от чувства вины и ненависти на саму себя головой Ханна попыталась сосредоточиться, силясь сообразить, как она сможет помочь исправить весь этот колоссальный бардак.

Наамит и Рон Лисман добрались домой к половине одиннадцатого утра и стали ждать звонка. В одиннадцать к ним присоединилась Ханна — все трое напряженные и молчаливые, бросающиеся к любому телефону, который коротко звякал или звонил. Но ни одно из текстовых сообщений, ни один из имейлов или звонков не были от похитителей. В одиннадцать сорок пять, через полтора часа после передачи выкупа, Ханна наконец убедила их позвонить агенту Манкузо.

Звонок был коротким. Результатом стала огромная облава при участии десятков агентов ФБР, всего отдела полиции Гленмор-Парка, большого количества сотрудников полиции штата. Задействовали даже управление полиции Бостона. Над различными районами кружили пять вертолетов. Известили ближайшие аэропорты. Предполагалось, что похитители попытаются покинуть страну.

Предполагалось, что Эбигейл Лисман больше нет в живых.

Ханна прикусила губу, вновь перечитывая папку с делом об убийстве Глена Хейни — ее единственную ниточку, ведущую к похитителям. Все улики, имеющиеся у ФБР касательно дела о похищении, придерживались, особенно от нее.

Она осознала, что уже в третий раз перечитывает один и тот же абзац. На заднем плане слышала голос Митчелла, разговаривающего с кем-то, повторяющего все то же описание выцветшей голубой «Вольво», на которой скрылся похититель.

Наконец Ханна больше не смогла этого выносить и позвонила агенту Манкузо. Долгое время в трубке слышались лишь длинные гудки, после чего вызов переключился на автоответчик. Она набрала еще раз. На сей раз агент ответила буквально через пару секунд.

— Да, Шор, что надо?

— Ну что у нас там? — спросила Ханна. — Вы послали кого-нибудь на автомобильную свалку, где похитители избавились от фургона? Потому что, может, им захочется избавиться и от «Вольво», так что...

— Шор... — Тон агента Манкузо был холодным и резким. — Я не обязана перед вами отчитываться и вообще держать вас в курсе дела. Позвольте мне вас заверить, что я знаю, как выполнять свою работу. И я знала, как выполнять свою работу и вчера, когда Лисманы позвонили вам и сообщили, что похитители связались с ними. Если б вы велели им позвонить нам...

— Я и вправду пыталась...

— Если б вы *убедили* их позвонить нам, мы уже арестовали бы похитителей, а может, и вернули бы Эбигейл Лисман. Черт, Ханна, вы должны были сами нам позвонить! Да кого волнует, что вам такого наговорила мать? Она что, опытный оперативник? Это вы опытный оперативник — или, по крайней мере, считаетесь таковым... Сама не знаю, о чем я, черт возьми, думала! Мне надо было распорядиться отстранить вас от дела, едва только узнав, что вы лично знакомы с матерью. И я определенно должна была сделать это после допроса того говнюка, Юргена. Вы — это ходячая катастрофа, Шор.

Ханна прикусила губу.

— Я поступала так, как считала...

— Мне плевать. Скажите это своему чертову капитану, который убедил меня дать вам шанс. Послушайте, Шор, скажу как есть. Вот что я на сей счет думаю: если б вы вчера нам позвонили, Эбигейл Лисман по-прежнему была бы жива.

Из трубки слышались короткие гудки.

Ханна аккуратно положила ее на рычаг. Шум вокруг был просто оглушительным, и ее внезапно охватило чувство клаустрофобии. Она встала и, спотыкаясь, вышла из комнаты, намереваясь направиться на улицу, но на полпути к выходу настолько закружилась голова и замутило, что она метнулась к туалету. До кабинки добралась как раз вовремя, чтобы успеть исторгнуть в унитаз то небольшое количество еды, которое было у нее в желудке. Немного постояла на коленях, откашливаясь и отплевываясь; в голове глухо пульсировало.

«Если б вы вчера нам позвонили, Эбигейл Лисман по-прежнему была бы жива».

Невольный всхлип сорвался у нее с губ. Закрыв крышку унитаза, Ханна уселась на нее и расплакалась, прикрыв лицо руками и пытаясь хоть как-то сохранять тишину. Сейчас она не могла иметь дело с сочувствием коллег.

Поплавав несколько минут, Ханна сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. В голове немного прояснилось. Похитители скрылись с выкупом, а Эбигейл не вернулась. В ФБР полагали, что она уже мертва, а они регулярно имеют дело с делами о похищениях. Они знали, о чем говорят. Нельзя было уклониться от факта, что девочки наверняка уже нет в живых. Единственное, что оставалось, — это поймать похитителей. Осуществить правосудие.

Это слово никогда еще не казалось таким пустым. Ханну не волновало правосудие. Все, чего ей хотелось, — это вернуть Эбигейл Наамит и Рону, и...

Почему же похитители так долго держали Эбигейл живой? Лисманы заплатили бы выкуп, даже если б и не получили последнее фото Эбигейл с газетой в руках. В этом не было никакого смысла, если только они не намеревались отпустить ее. И передача выкупа прошла гладко, так почему же они так не поступили? Внезапно передумали?

Решили подержать Эбигейл в заложниках?

Нет, в ФБР явно считали, что она мертва, и...

Ханна сделала паузу и попыталась посмотреть на все с другой стороны.

Предположим, она — агент ФБР, ответственный за наиболее громкие дела о похищениях за последние годы. И, предположим, ее уведомили, что похитители связались с родителями, а те сообщили об этом лишь одному детективу, который никого не поставил об этом в известность. Выкуп выплачен, похитители скрылись, ребенок по-прежнему неизвестно где.

Она бы взбесилась. И предпочла бы заключить худшее: детектив облажался и виновен в смерти ребенка.

Действительно ли Эбигейл нет в живых? Скорее всего. Но для Ханны девочка не может быть мертва. Если это так, то Ханна — ничемное ничтожество. Ей плевать на поимку похитителей. На все плевать, вообще-то говоря. Но если Эбигейл все-таки жива...

Если девочка жива, то сейчас живет в долг. Они держат ее в заложниках, в качестве козыря на тот случай, если их поймают при

попытке покинуть страну. Или похитители просто не знают, как вернуть ее, и не хотят идти на ненужный риск. Как только они окажутся достаточно далеко, то отпустят ее или избавятся от нее.

В этом случае задача полиции и ФБР — поймать похитителей до того, как это произойдет. А задача Ханны — сделать все возможное, чтобы вернуть Эбигейл родителям. *Придется* исходить из предположения, что девочка до сих пор жива.

Она встала и быстро направилась обратно в комнату оперативников. Сделала себе чашку кофе и уселась за свой письменный стол, уставившись на папку с делом об убийстве Хейни. Это было глупо. Нельзя просто вести себя так, будто ничего не произошло. У нее появилась новая зацепка — передача выкупа возле таксофона. Выцветшая голубая «Вольво». Можно было попробовать получить список всех голубых «Вольво» в этом районе и людей, на которых те были зарегистрированы. Интересно, побывал ли там уже Мэтт — он мог бы дать ей кое-какую информацию. На асфальте мог остаться уникальный след протектора, или, может, автомобиль был поцарапан, когда внезапно остановился, и остались фрагменты краски... Хотя если что-то такое и было, то агенты ФБР наверняка уже всё проверили.

Ладно, забудем материальные следы на месте передачи выкупа... Что еще? Разум Ханны расширился, пытаюсь ухватить бóльшую картину. «Кто у нас в числе подозреваемых? Кто-то, кто близок к родителям, кто ненавидит их, какой-то администратор низшего звена...»

Сердце ускорило бег. Как насчет Дебры? Ее вообще как следует проверяли? Прошное всех изучено, но достаточно ли тщательно? Администратор низшего звена, близкий к Наамит... Была ли у нее причина ее ненавидеть?

Да целых три причины, как минимум! До управляющей повысили Наамит, а не ее. У нее был выкидыш, в то время как у Наамит — замечательная дочка. Муж Дебры бросил ее, а Наамит счастлива в браке.

И как она сразу это не увидела? Это же было прямо у нее перед носом, это...

Нет. Она пытается вставить детальку головоломки силой. Иногда удается состыковать их друг с другом, и вроде все на своих местах,

пусть даже иногда приходится прикладывать значительное усилие. Но это не та деталь. У Дебры есть алиби на вечер похищения. Наамит была на корпоративе. И особо подчеркнула, что на нем присутствовали все ее коллеги. Можно, конечно, позвонить Наамит и уточнить, но Ханна уже инстинктом чувствовала, что Дебра ни при чем. Нет, это кто-то еще. Она мысленно пробежалась по всем людям, с которыми они сталкивались в ходе расследования. Вроде никто не отвечал нужному профилю.

Ханна вздохнула, пытаясь вновь набрать обороты — развернуть дело задом наперед, взглянуть на него под иным углом, с другой, свежей перспективы. Можно провести подомовой обход, расспросить всех, кто живет поблизости, не видел ли кто машину... Кто-то мог запомнить ее номер. А еще попробовать раздобыть записи с камер наблюдения с бензозаправки и почтового отделения. Без ордера это может быть проблематично, но можно попытаться.

И попытаться стоило. Ханна открыла карту с тем перекрестком у себя на компьютере, пытаясь решить, с чего начать. Почтовое отделение и заправочная станция — единственные предприятия в этом районе. Она начнет с них. А потом проведет подомовой обход, начиная с...

Ханна нахмурилась. Вновь что-то не давало ей покоя, закопошившись в самой глубине головы. Что-то, связанное с картой улицы, смутно беспокоило ее. Она сосредоточилась, пытаясь выцепить неуловимую деталь, словно крошечную занозу, попавшую под кожу.

Бензозаправка и почта — единственные предприятия в этом районе. Припомнился отчет в чемоданчике Клинта. Системы видеонаблюдения различных предприятий Гленмор-Парка были взломаны хакерами. Заправочной станции, почты, двух магазинов одежды...

Возле места похищения не было никаких магазинов одежды. Так зачем же взломом добывать их записи с камер?

Ханна пожевала губу, пытаясь это понять. Поискала в интернете магазины одежды в Гленмор-Парке и внимательно проглядела получившийся список. Большинство из них располагалось в торговом центре, еще несколько — на Клейтон-роуд, но ни один не был даже близко к месту похищения, а два из них вообще находились на другом конце города. В этом не было никакого смысла.

Она встала и вышла в вестибюль. За регистрационной стойкой сидел офицер Маклур, который кивнул ей.

— Маклур, — обратилась к нему Ханна, — у тебя не найдется сигаретки?

Он нахмурился.

— Разве вы не бросили, детектив?

Она кивнула.

— Три года как. Но сегодня плохой день.

Вытащив из кармана смятую пачку, Маклур перебрал ее ей.

— Зажигалка внутри, — сказал он.

— Спасибо, — поблагодарила она. Вид у дежурного был такой, будто он собирается что-то сказать, но потом Маклур пожал плечами и молча откинулся на спинку кресла.

Выйдя на улицу, Ханна зашла за угол здания. Засунула сигарету в рот и прикурила, ощутив знакомый вкус никотина, дыма и надвигающегося рака легких. Почувствовала себя получше.

Она медленно покуривала сигарету, уставившись на автостоянку. «Реддиторы» могли подумать, что в этих магазинах одежды есть камеры, направленные на дорогу. Хотя кто знает, что этим задвинутым могло прийти в голову? Черт, они могли просто искать записи из примерочных кабинок с какой-нибудь симпатичной покупательницей внутри...

И тут сигарета выпала у нее изо рта. Выругавшись, Ханна наступила на нее и подобрала окурок. А потом бросилась обратно в отдел, на бегу перебрал пачку Маклуру, который поймал ее, даже не поднимая головы. Опять ворвалась в кабинет оперативников, уселась за свой письменный стол и открыла страницу Эбигейл в «Инстаграме». Все они до сих пор были там — три знаменитые фотографии, размещенные похитителями. На второй Эбигейл позировала во весь рост.

Потом Ханна открыла подфорум в «Реддите» и кликнула на самом верхнем посте — с той знаменитой фоткой, на которой Эбигейл и Грейси идут вместе по улице.

Перевела взгляд с одного фото на другое.

Было почти невозможно судить — цвет был тот же самый, а изображение улицы размытым и не в фокусе. Но на Эбигейл точно были другие леггинсы.

Похититель купил ей новые.

* * *

Митчелл был практически убежден, что эта зацепка никуда их не приведет. Конечно, посмотрев на оба фото, он увидел, что леггинсы выглядят немного по-разному, но бросить все и заняться просмотром записей с камер наблюдения магазинов одежды недельной давности представлялось ему пустой тратой времени. Особенно когда у них нет достаточных оснований для получения ордера.

Но у Ханны уже загорелись глаза. Он видел во-одушевление и надежду у нее на лице и просто не мог заставить себя сказать ей, что это дохлый номер. Равно как и Бернард. Так что они втроем поделили между собой все имеющиеся в Гленмор-Парке магазины одежды.

Посещение первого из них Митчеллом оказалось очень коротким. Там не имелось в продаже никаких черных брюк для девочек, и неделю назад тоже. Если во всех пяти выпавших ему магазинах дело пойдет так быстро, он успеет вернуться в отдел и даже перекусить. Но во втором магазине все-таки имелись черные брюки для девочек. Лонни попросил записи с камер недельной давности, за чем последовал длинный спор касательно приватности покупателей. Закончился он лишь тогда, когда Митчелл заявил управляющему, что знает одного репортера, который с радостью опубликует статью об этом магазине и о том, как его управляющий помешал возвращению Эбигейл Лисман. Менеджер еще немного поворчал, а потом заглянул в свои книги и сказал, что брюки, о которых идет речь, никто не покупал в течение всей недели после Дня святого Патрика.

Теперь Митчелл был уже в третьем магазине. Он подошел к прилавку, за которым стояла юная продавщица, складывая новые рубашки. Когда она заметила его, рот ее растянулся в настолько фальшивой улыбке, будто был сделан из пластика.

— Чем могу помочь? — раздраженно пропела она ему.

— Я хотел бы поговорить с управляющим, — сказал Митчелл.

— Управляющий занят, — ответила девица все тем же голосом.

Интересно, подумал он, уж не всегда ли она так изъясняется... Наверное, так принято говорить на их планете.

— Может, и я могу вам чем-то помочь? — добавила продавщица. Митчелл показал ей свой значок.

— Детектив Лонни, — представился он. — Я расследую похищение Эбигейл Лисман. Мне нужны ваши записи с камер наблюдения.

Пластиковая улыбка исчезла.

— Сейчас позову управляющую, — сказала девица нормальным человеческим голосом.

— Спасибо.

Продавщица скрылась в подсобке. Прислонившись к прилавку, Митчелл огляделся. Из примерочной кабинки вышла девочка-блондинка, лет шести-семи, которая подошла к женщине с кислым выражением на лице.

— Ну что думаешь, ма? — спросила она.

Женщина оглядела ее.

— Это тебя малость толстит, Кимми, — сказала она. — Давай поищем что-нибудь другое.

Митчелл едва одолел желание арестовать эту женщину прямо на месте и отволочь ее в отдел.

— А по-моему, ты выглядишь просто великолепно, — громко произнес он. — Настоящая принцесса.

Глянув на него, девочка робко хихикнула. Он улыбнулся ей. Ее мать покосилась на него, и ее глаза расширились, когда она увидела, как он выглядит. Она тоже улыбнулась.

— У нее день рождения, — объяснила мамаша. — Мы покупаем ей новое платье.

— Ну, она просто красавица, — сказал на это Митчелл. У него имелись и с полдюжины едких продолжений, вроде «готов поспорить, она пошла в отца», или «розовое очень идет вашей внучке». Но девочка выглядела такой счастливой, что он решил прикусить язык.

— Чем могу? — К нему в сопровождении продавщицы подошла женщина лет тридцати с небольшим, с короткими черными волосами и милостивым лицом.

— Детектив Лонни из отдела полиции Гленмор-Парка, — еще раз отрекомендовался Митчелл. — Я работаю над делом о похищении Эбигейл Лисман. Ищу мужчину или женщину, которые купили черные брюки для девочки двенадцати лет, примерно неделю назад, скорее

всего восемнадцатого марта, на следующий день после Дня святого Патрика. Я надеялся взглянуть на записи с ваших камер наблюдения.

— Мы храним записи только за последние семьдесят два часа, — огорошила его управляющая.

— О-о... — сокрушенно протянул Митчелл. — А вы можете заглянуть в свои книги, посмотреть, вдруг...

— Какие конкретно брюки? — перебила его продавщица.

Выудив из кармана телефон, Митчелл открыл на нем страницу Эбигейл Лисман в «Инстаграме» и показал ей фото.

— А! — воскликнула продавщица. — Эти! Ну да, они у нас есть в продаже. Дайте подумать...

Она нахмурилась, крепко сжав зубы, словно процесс мышления требовал невероятных усилий.

— Их мог купить вот этот мужчина, — добавил Митчелл, открывая набросок полицейского художника.

Девушка присмотрелась.

— Да! Помню его! Вэл, помнишь? Я рассказывала тебе про парня, который выглядел как с полного перепоя — он пришел покупать одежду для племянницы, но не помнил размер и настолько запутался с выбором, что чуть не ушел, но я сказала ему...

Она медленно умолкла, когда осознала, что детектив и управляющая уставились на нее.

— Когда это было? — спросил Митчелл.

— Сразу после Дня святого Патрика, — еле слышно прошелестела юная продавщица. — Так он похититель? Он не был похож на похитителя. Я не знала. Мне так жаль...

— Кейси, — произнесла Вэл — как показалось Митчеллу, невероятно терпеливым голосом. — В какое время? И ты не помнишь, он расплатился наличными или...

— Кредиткой! — выпалила Кейси. — Я помню. Точно картой.

Чтобы найти сведения об оплате, ушло не более десяти минут. Звали покупателя Даррел Симмонс.

Сердце Ханны дико колотилось в груди, когда она вытаскивала из багажника кевларовый бронежилет и натягивала его на себя. Ее машина стояла возле патрульного автомобиля и нескольких машин ФБР. Рядом стояла группа из восьми бойцов группы захвата ФБР в полном боевом снаряжении, готовящихся штурмовать дом Даррела Симмонса. Рисковать было нельзя.

Ханне с Митчеллом и еще двум полицейским поручили охранять периметр — или, как это воспринял Лонни, держаться подальше и не высовываться. Единственной причиной, по которой они вообще присутствовали при задержании, было то, что Ханна и Митчелл дали им адрес. Ни агент Манкузо, ни Клинт на самом деле никак не показывали, что замечают их присутствие.

Гаражная дверь была закрыта, и в доме было темно. На бойцах группы захвата были очки ночного видения, хотя Клинт и Манкузо не озаботились их надеть. Ханна предположила, что они последуют за бойцами, когда те ворвутся в дом.

Это предсказание сбылось — бойцы группы захвата заняли позиции вокруг дома, а Манкузо с Клинтом держались позади. Боец, ближайший к двери, пинком выбил ее, а стоящий рядом с ним бросил что-то внутрь. Через секунду последовала яркая вспышка, оглушительно бабахнуло, и группа устремилась в дверь. Со своей позиции «держаться позади и не высовываться» Ханна все равно слышала их вопли, когда они занимали комнату за комнатой.

Наконец кто-то выкрикнул, что все чисто. Манкузо с Клинтом бросились в дверь вслед за бойцами. Ханна последовала за ними, Митчелл присоединился к ней. Когда они добежали до дома, внутри уже включили свет. Ханна ворвалась во входную дверь, но вдруг резко остановилась, когда ноздри заполнил знакомый медный запах крови. Обменявшись взглядами, они с Митчеллом двинулись к свету. И даже прежде чем оказаться в комнате, Ханна увидела бурые мазки на полу. На одну ужасную секунду она представила себе, как сообщает Наамит, что ее дочь нашли убитой в доме похитителя.

Но это была не Эбигейл. На полу кухни, посреди огромной лужи высохшей крови, обнаружилось тело Даррела Симмонса. Лежал он на животе, повернув голову набок, с искаженным от боли лицом.

— В доме все чисто, — доложил Манкузо один из агентов. — Больше никого здесь нет. В подвале мы нашли маленькую кровать и

ведро, явно использовавшееся в качестве туалета.

Ханна прикрыла глаза. Другой похититель скрылся, прихватив с собой Эбигейл.

Глава 21

Ханна сознавала движение вокруг себя, словно сквозь какую-то пелену слышала бормотание криминалистов, негромкие переговоры агентов ФБР между собой или по телефонам, резкие и краткие реплики из потрескивающей рации в патрульной машине на улице. Но не сводила глаз с единственного уцелевшего фужера для шампанского с красно-коричневым потеком сбоку, стоящего на кухонном столе. К горлу подкатывала тошнота.

Информация имелась еще вчера. Они должны были оказаться здесь раньше. Они нашли бы Эбигейл, вернули бы ее родителям.

А теперь у них на руках труп похитителя и никаких признаков Эбигейл.

Митчелл уже успел спуститься в подвал вместе с одним из агентов, чтобы осмотреть комнату, в которой всю последнюю неделю держали девочку. Ханна не смогла заставить себя последовать его примеру.

Энни стояла на коленях возле тела, измеряя его температуру. Неподалеку от нее Мэтт тщательно соскребал кровь с пола в небольшую баночку. Ведомственная принадлежность места преступления оставалась неясной. Убийство было совершено на территории Гленмор-Парка, так что дело вроде бы принадлежало местному отделу полиции. Но оно было напрямую связано с похищением Эбигейл Лисман, а значит, находилось в руках ФБР.

Никто по этому поводу отношений пока не выяснял, хотя в ближайшем будущем Ханна уже видела темные тучи недовольства. Но на данный момент фэбээровцы были только рады использовать Мэтта и Вайолет в качестве криминалистов, раз уж те оказались под рукой. И вроде как никто не возражал против того, чтобы именно Энни официально объявила, что мертвое тело действительно является мертвым телом.

Поднявшись, медэксперт прокашлялась. Неуверенно оглянулась по сторонам, словно не зная, к кому обращаться. Встретившись с ней взглядом, Ханна слегка покачала головой. Энни кивнула, а потом посмотрела на агента Манкузо.

— Гм... агент?

Та подошла ближе, тщательно избегая большого кровавого пятна, окружающего бóльшую часть лежащего на полу тела.

— Да? Доктор Тёрнер, верно?

— Да. Можете называть меня Энни.

Было совершенно ясно, что Манкузо сейчас не в настроении фамиллярничать.

— Итак, доктор, что вы обнаружили?

— Трупное окоченение пока в процессе, — сказала Энни. — Согласно ему и температуре тела, покойный уже мертв от пяти до шести часов. Нет почти никаких признаков трупных пятен, и тело очень бледное, что указывает на то, что причиной смерти стала обширная кровопотеря. — Она на секунду примолкла, и обе, равно как и Ханна, посмотрели на огромное кровавое пятно на полу. — Я считаю, что основным источником кровотечения явилась резаная рана шеи. Есть также две хорошо заметные колотые раны — одна на спине, другая на груди. Имеются также множественные ссадины и порезы на лице, вызванные, судя по всему, каким-то предметом с острыми краями... — Энни бросила выразительный взгляд на разбитую бутылку из-под шампанского на полу. — И еще одна ушибленно-рваная рана на затылке, предположительно нанесенная тем же предметом.

— Есть признаки борьбы? — спросила Манкузо.

— Не думаю, что особо продолжительной. Двигательная активность часто ускоряет процесс трупного окоченения, а это не тот случай. Хотя, естественно, после вскрытия я смогу сказать точнее. А Мэтт наверняка сумеет во многом восстановить картину происшедшего по брызгам крови. Я... — Тут она замешкалась.

— Продолжайте, — попросила Манкузо.

— Все это очень приблизительно, но могу предположить, что как минимум после одного из колющих ударов он упал на пол и получил удар по голове... каким-то твердым предметом, — произнесла Энни, старательно не упоминая бутылку. Это была не ее работа делать такие выводы. — В этот момент он был полностью обездвижен, может, даже без сознания. После чего нападавший мог ткнуть его ножом в спину. А потом вздернул ему голову, ухватив за волосы, и перерезал горло.

— Спасибо, доктор Тёрнер, — сказала Манкузо, нахмурившись. Повернулась к Мэтту: — Это так, мистер Лоуэри?

Мэтт выпрямился.

— Так.

— Сколько вам и вашей группе еще понадобится времени, чтобы закончить с местом преступления?

Мэтт бросил взгляд на остальных из их «группы». Вайолет стояла в углу комнаты и, сдвинув брови, набрасывала схему кухни.

— Я бы сказал, от пяти до шести часов, — ответил он. — Нам нужно еще и подвал обработать.

— Понятно, — все так же хмуро отозвалась Манкузо. — Есть какие-то предварительные заключения, которыми вы готовы поделиться прямо сейчас?

— У нас тут два фужера для шампанского, один разбитый и другой целый, и разбитая бутылка, — сказал Мэтт. — И множество крови.

— И в самом деле, — сухо произнесла Манкузо. Ответы явно не произвели на нее особого впечатления.

— И кое-чего не хватает, — добавил эксперт.

Ханна напряглась, пристально посмотрев на него.

— В каком это смысле не хватает?

— Ну... — Он подошел к россыпи кровавых пятнышек на полу. — Видите вот эти брызги?

Ханна присмотрелась к месту, на которое указывал Мэтт. По полу протянулась россыпь вытянутых в одну сторону засохших капель крови, траектория которых была направлена от тела. Заканчивались они смазанным пятном.

— Да, — кивнула Манкузо.

— А вот эти брызги видите? — Он показал на россыпь поменьше, на фут дальше.

— Да.

— Это одни и те же брызги, — объяснил Мэтт. — Здесь стоял какой-то большой предмет. Часть капель крови попала на него. А потом, позже, этот предмет удалили — можно сделать это заключение на основании не затронутого брызгами пространства и смазанного пятна.

— Понятно, — сказала Манкузо. Тон ее немного потеплел. Судя по всему, у нее не было никаких претензий ко всем присутствующим касательно того, как они выполняют свою работу, не считая разве что Ханны. — Могла это быть большая дорожная сумка?

Мэтт пожал плечами.

— Конечно. Размер соответствует.

Повернув голову, Манкузо обменялась многозначительными взглядами с Клинтом.

— Ничего себе, — послышался за спиной у Ханны знакомый голос. — Ну и свинарник!

— Капитан Бейли! — удивленно подняла голос Манкузо. — А вы-то что тут делаете?

— Я узнал, что в моем городе совершено убийство, — отозвался Бейли, осторожно входя в комнату и натягивая на руки резиновые перчатки. — И насколько я понял, вы хотите работать над этим делом совместно с моими детективами.

— Это убийство является частью похищения Эбигейл Лисман, — резко заметила Манкузо. — Которое расследует...

— Пожалуй, лучше обсудить это на улице, — быстро предложил Бейли. — Я всего лишь старый бюрократ, и при виде крови мне становится дурно.

Манкузо прищурилась, после чего коротко кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте выйдем.

Оба на пути к двери протолкались мимо Ханны. Она посмотрела им вслед, а потом встретилась взглядом с Клинтом. Тот быстро отвернулся, и Ханна опять остановила взгляд на единственном бокале на столе.

* * *

Снаружи было холодно, и ночной ветер сразу же отморозил Фреду Бейли уши. Вообще-то холод он переносил неплохо — а это практически обязательное условие, если работаешь в отделе полиции Гленмор-Парка, — но в ветреную погоду уши всегда болели. И ничего тут не поделаешь. Есть определенный набор вещей, который положено

носить капитану полиции, и теплые меховые наушники в этот набор не входили.

Манкузо же вроде как вообще не обращала внимания на холод. Она была просто-таки каменной, особенно когда злилась. За многие годы, что они работали вместе, Бейли никогда не видел, чтобы она выказывала хоть какую-то слабость. Но сейчас ему показалось, что он видит в ее глазах смятение. Здесь была не только злость, но и боль. А может, он просто видел то, что сам чувствовал.

— Я хочу, чтобы мы работали над этим делом совместно, — начал капитан.

— Черта с два, — сердито отозвалась она. — Это наше дело, и вам прекрасно это известно, Бейли.

— А кого волнует, чье это дело? — произнес он хоть и мягко, но достаточно громко, чтобы быть услышанным на фоне ветра. — Это дело касается всех без исключения. На славу и известность вам наплевать. Вас никогда это не волновало. Это проблема вашего руководства, а не ваша. Вы просто хотите найти девочку.

— Верно! — рявкнула Манкузо. — И я не могу позволить вашим детективам мешаться в мое расследование и всячески самовольничать, особенно если некому их остановить, когда это требуется!

Это замечание явно укололо капитана, и он постарался сохранить совершенно нейтральное выражение лица.

— Мои детективы — лучшие в штате, — сказал Бейли. — Конечно, иногда с ними немного... нелегко...

— Вы называете это «нелегко»? Если б Шор сообщила нам про тот имейл...

— Если б детектив Шор сообщила вам про него, то вы могли бы задержать похитителей, согласен. Или же Эбигейл Лисман могли убить.

— Она и так уже наверняка мертва.

— Не исключено, — кивнул Бейли. — Но никаких признаков недавнего насилия в подвале не имеется. Ее забрали оттуда живой.

— Мы бы поймали их!

— Или нет! — практически рявкнул он, теряя терпение. — Если бы да кабы! Да что это с вами такое, черт возьми? Давайте смотреть на все с нынешней точки зрения. Сейчас у нас пропавший ребенок,

убитый похититель и ни секунды времени для раздумий. Вы действительно хотите обсудить, что *могло бы* произойти?

Манкузо лишь обожгла его взглядом, сжав кулаки.

— Вы поступили бы как-то иначе? — продолжал Бейли, понизив голос. — Стали бы на ее месте сообщать об этом письме, несмотря на требование матери? Подвергая опасности ее дочь?

— Да.

— Чушь! Я знаю, что не такой вы человек. Вы поступили бы точно так же. И это был бы правильный выбор.

Она молча помотала головой.

— Да что это с вами такое, Кристин? — спросил капитан.

Манкузо уставилась на дом, ее рот горько скривился.

— У нас над этим делом работают больше ста пятидесяти агентов, всяких профессионалов и консультантов, — произнесла она. — И последнюю неделю все это на мне. Я почти не бываю дома. Вижу собственную дочь, только когда она уже спит. Все мои люди работают сверхурочно. И мы всё равно не заметили, что на ней разные леггинсы. Никогда не отслеживали эту зацепку. Если б мы обратили на это внимание хотя бы на день раньше... — Манкузо умолкла, сжав зубы. Внезапный порыв ветра подхватил ее волосы, перепутал их. Она этого вроде даже не заметила.

— Всем нам знакомо чувство вины, — заметил Бейли. — Знаете, мой отец любил говаривать, что чувство вины — это как мороженое. Все хотят откусить кусочек...

— ...если оно только не с мятным вкусом, — подхватила Манкузо.

Капитан удивленно заморгал.

— Откуда вы это знаете?

— Моя мама постоянно это говорила.

— Серьезно?

— Угу. Хотя понятия не имею, как это понимать.

— Угу, — отозвался Бейли. — Я тоже.

Они постояли в молчании. Черт, до чего же болят уши! Наверное, черные наушники — это не настолько уж против устава. Будет даже предстательно... Моложе он не становится.

— Как раз детектив Шор и обратила внимание на леггинсы, — осторожно напомнил Бейли.

— Знаю, — сказала Манкузо.

— У нее есть свои особенности, сами знаете. С ней иногда чертовски трудно работать, но она, пожалуй, самый выдающийся детектив в моем отделе.

Агент кивнула. Капитан предпочел выждать.

— Хорошо, — произнесла она после некоторой паузы. — Но, Фред, я хочу, чтобы она обо всем докладывала вам. Хватит уже всей этой самостоятельности! И если кто-то из нас прикажет ей что-то сделать, я хочу, чтобы она действовала так, словно услышала глас Господень.

— Конечно, — ухмыльнулся Бейли, мысленно отфильтровывая заключительную фразу.

Где-то вдали недобро прогремел гром.

— Ладно, — сказала Манкузо. — Давайте вернемся в дом. Я уже замерзаю.

Они двинулись к входной двери.

— Как думаете, можно мне надевать теплые наушники в такую погоду? — спросил капитан.

— Нет.

— Даже черные?

— Категорически нет, Бейли, и давайте больше не будем затрагивать эту тему.

* * *

Ханна наблюдала, как Вайолет делает снимки на месте преступления, и чувствовала самую настоящую зависть. Было что-то такое в Вайолет — некое ощущение цельности. Она всегда казалась абсолютно спокойной, всегда превосходно выполняла свою работу и вроде как ничуть не возражала против того, что многие обращаются к Мэтту как к ее начальнику, хотя это нисколько не соответствовало действительности.

Интересно, подумала Ханна, бывают ли в жизни Вайолет моменты, когда она часами лежит в кровати, не в силах заснуть, поскольку никак не может отключить мозг? Казнит ли она себя днями и неделями за принятые решения? Чувствовала ли она когда-нибудь,

что уже на пределе, что вот-вот лопнет, как пузырь из жевательной резинки, которую жевали уже три часа?

Появившийся из подвала Мэтт подошел к Ханне.

— На одной из стен подвала у входа есть пятна высохшей крови, — сообщил он, — и на нижних ступеньках тоже. И вроде как на полу раньше была большая лужа крови, которую кто-то затер. Но очертания все равно видны. Конфигурация брызг на стене указывает на то, что кого-то там наверняка зарезали.

Ханна в ужасе застыла.

— Это может быть Эбигейл? — прошептала она.

Мэтт задумчиво посмотрел на нее.

— Не исключено, — ответил он. — Если ее зарезали несколько дней назад.

— Сколько дней?

Он пожал плечами.

— Мне нужно провести несколько тестов. Кровь высыхает очень быстро.

Мозг Ханны опять набрал обороты.

— Погоди-ка, — произнесла она. — Ты сказал, что кровь на ступеньках...

— Да, — подтвердил Мэтт. — Удары ножом наносились на ступеньках входа в подвал.

— А потом жертва скатилась по этим ступенькам на пол?

— Это наиболее вероятное объяснение, но мне нужно...

— Это кровь Глена Хейни! — воскликнула Ханна. — Там его и убили. Это соответствует следам, обнаруженным на теле.

— Я проведу тест на ДНК, — сказал Мэтт.

— Это он, — произнесла Ханна с уверенностью, которую отчаянно хотела чувствовать на самом деле.

Капитан Бейли и агент Манкузо вернулись в кухню. Бейли подошел к Ханне.

— Детектив Шор, — объявил он, — вы вместе с детективом Лонни продолжаете расследовать это дело.

Ханна удивленно раскрыла глаза. Бросив взгляд на Манкузо, увидела, как та вполголоса обсуждает что-то с Клинтом. Под глазами у нее набрякли черные мешки. Стояла она так, словно ей стоило

больших усилий не свалиться на пол, словно использованная тряпка. Ханна хорошо представляла, каково это.

— Будете работать совместно с ФБР. Агент Уард тоже назначен на это дело. Я хочу, чтобы меня посвящали во все, что вам удастся обнаружить.

— Есть, сэр, — как положено ответила она.

— Ханна... — добавил Бейли.

— Да?

— Вы ни в чем не виноваты. А теперь найдите эту девочку, пожалуйста.

— Есть, сэр.

— Я еду домой, — сказал он. — Тут достаточно агентов, криминалистов и детективов, чтобы заполнить стадион. Я вам тут больше не нужен.

Она кивнула ему.

— Спасибо вам, сэр.

Бейли ушел. Ханна постояла на месте, пожеывая губу, а потом подошла к Клинту. Манкузо уже тоже ушла, и агент разговаривал с кем-то по телефону. Она терпеливо дождалась, пока он завершит звонок. Наконец Клинт отключился и посмотрел на нее.

— Привет, — сказала Ханна.

— Ну привет, — отозвался он, с лицом индифферентным и неулыбчивым.

Она вздохнула.

— Наверное, я должна извиниться?

— Ты спрашиваешь меня, надо ли тебе извиняться? Откуда мне это знать?

— Нет. Я хочу сказать, что хочу перед тобой извиниться, — поправилась Ханна. — Я все испортила. Не надо было мне совать нос в твои материалы. И надо было сказать тебе, что Наамит получила тот имейл...

— Никто не знает, чем бы все кончилось, если б ты так поступила, — ответил Клинт, покачав головой. Голос его по-прежнему звучал напряженно, прежних теплоты и благодушия в нем как не бывало. Интересно, подумала Ханна, вернутся ли они когда-нибудь...

— Спасибо, — сказала она.

Оба несколько секунд смотрели друг на друга, и Ханна поняла, что они никогда больше не окажутся в объятиях друг друга. Она подорвала его доверие, и даже такой покладистый человек, как Клинт, вряд ли сможет так просто это забыть.

— Нашли «Вольво», на которой Симмонс ездил утром, — наконец произнес Клинт, несколько мягче, но все тем же официальным тоном. — Мне только что сообщили.

— Да ну? — Ханна заморгала, пытаясь вновь заострить свой затупившийся разум.

— Да. В Нью-Гемпшире, на обочине дороги. С дорожной сумкой, которую Лисманы использовали для передачи выкупа. Пустой, естественно.

— Он поменял машину и сумку, — сказала Ханна.

— Ну да, как и при похищении. Они никогда не используют одно и то же транспортное средство повторно после совершения преступления. Наши люди сейчас едут туда — может, он оставил какие-то следы.

— Даже если и оставил, мы все равно знаем, что это он на ней ездил, — сказала Ханна. — Сомневаюсь, что хоть что-то там сможет вывести нас на его сообщника.

— Согласен. А еще мне сообщили, что у него есть судимость. За кражу со взломом. Отсидел два года, шесть месяцев назад освобожден.

— Что-нибудь еще у него в деле?

— Мелкое хулиганство. Ничего серьезного. У него был барыга, с которым он некогда работал, так что сейчас мы посылаем агента пообщаться с этим парнем — вдруг он чего знает? Даррел мог привлечь кого-то из своего прошлого. А еще мы связались с сотрудником, который его задерживал, как там его... Финли?

— Кевин Финли, — кивнула Ханна. Она сомневалась, что Кевин сможет сообщить что-нибудь полезное. Парень — далеко не главный мудрец в их дружном коллективе. И отнюдь не образец приятного собеседника, раз уж на то пошло.

— Ну да, точно. И подомовой обход сейчас в самом разгаре — вдруг кто что заметит... В округе несколько камер наблюдения — на какой-то может обнаружиться что-нибудь полезное, хотя я сомневаюсь.

Эти ребята были очень осторожны, а отсюда можно выехать на автостраду, практически не попадая в зону видимости камер.

— И что, по-твоему, тут произошло?

— Ну... Похитители встретились в доме, чтобы отпраздновать успех. — Клинт мотнул головой на фужер для шампанского на столе. — Думаю, из-за чего-то сцепились. Не поделили выкуп? Сообщник схватил нож, воткнул в Даррела, разбил ему о башку бутылку шампанского, а потом закончил начатое. Схватил деньги и свалил.

— А как же Эбигейл?

— Прихватил ее с собой. Наверняка в качестве заложницы. Если б он хотел ее прикончить, то проде-лал бы это прямо здесь и бросил бы ее рядом с трупом Даррела.

— Может, они еще раньше ее куда-то перевезли, — предположила Ханна.

— Угу.

— Детектив! — позвал Мэтт. Оба повернули к нему головы. Он хмуро смотрел на что-то возле двери, ведущей в подвал. Они подошли ближе. Из стены рядом с ней торчал небольшой гвоздь.

— Что там? — спросила Ханна.

— Посмотри-ка на ворсинки на гвозде, — сказал Мэтт.

Ханна пригляделась. К гвоздю пристал пучок черных волокон.

— Симмонс наверняка вешал сюда свою куртку, — предположила она.

— Возле двери есть вешалка с крючками, — резонно заметил Клинт.

— Да и место неподходящее, — добавил эксперт. — А разве та вторая девчонка... Грейси, не говорила, что на похитителях были лыжные маски?

— Верно, — подтвердила Ханна.

— По-моему, тут они и висели, — сказал Мэтт.

— Почему здесь? — нахмурился Клинт. — Почему не в шкафу или...

— Потому что им требовалось надевать их всякий раз, спускаясь в подвал, — произнесла Ханна, вдруг почувствовав возбуждение. — Они не хотели, чтобы Эбигейл видела их лица.

— Так что в итоге они явно намеревались освободить ее, — заключил Клинт. — Но сейчас масок тут нет.

— Тот, кто забрал Эбигейл, прихватил с собой и маску, — сказала Ханна. — Не исключено, что он по-прежнему намерен отпустить ее.

— И он что же — вышел из дома в маске с ребенком на руках? — спросил Клинт. — Да они и трех кварталов не проехали бы, прежде чем их задержали!

— В подвале остро пахнет какой-то химией, — заметил Мэтт. — Не исключено, что девочку предварительно усыпили, прежде чем погрузить в машину.

— И если машина была в гараже, то никто этого и не увидел бы, — подхватила Ханна. — Он наверняка засунул ее в багажник.

— Ладно, — сказал Клинт. — Давайте продолжим осмотр.

Увлекаемая вернувшимся воодушевлением, Ханна начала не спеша исследовать каждую из комнат, стараясь ни до чего не дотрагиваться или не сдвинуть то, что еще не успели обработать криминалисты. В помойке на улице нашла несколько коробок из-под пиццы и проследила, чтобы их тоже поместили в пакеты для вещественных доказательств. Вернулась в кухню и встала у входа, пытаясь прочувствовать все произошедшее здесь.

Тело вынесли, увезли в морг. Вся комната была усеяна криминалистическими маркерами, Мэтт аккуратно укладывал осколки стекла в очередной прозрачный пакет. Вайолет водила кисточкой с порошком для снятия отпечатков по бутылке на столе.

Казалось, что чего-то... не хватает. Даррел был крупным мужчиной. Если бы возникла какая-то свара, он не сдался бы без боя. Но, несмотря на огромное бурое пятно на полу и разбитую бутылку, в кухне было слишком уж чисто. Сушилка возле раковины, полная стаканов и тарелок, совершенно не пострадала. Уцелевший фужер на столе стоял, похоже, там, где его и поставили. Нет... Все произошло очень быстро.

Вайолет нахмурилась, глядя на фужер. Ханна подошла к ней.

— Что такое?

— Понюхай, — предложила Вайолет, показывая на него.

Ханна принюхалась.

— Пахнет шампанским, — сказала она.

Вайолет помотала головой.

— Тут и что-то еще... — Она оглядела комнату. — Есть тут кто-нибудь с хорошим обонянием?

Один из агентов ФБР повернул к ней голову.

— Я, — сказал он. Вообще-то нос у него был крошечный, вроде кнопки, и Ханна сомневалась, что парень отличается таким уж острым нюхом.

— Можете понюхать этот фужер? — попросила Вайолет.

— Конечно, — ответил агент, подходя ближе.

— У меня обоняние вроде неплохое, — заметила Ханна, когда он опустил нос к фужеру. — Но я ничего такого не почувствовала.

— Ну да, странный запах, — произнес агент, поднимая голову. — Что-то вроде... миндаля?

Вайолет кивнула.

— Цианистый калий пахнет миндалем, — объяснила она Ханне. — Хотя унюхать сумеет далеко не каждый, даже с отличным обонянием. Дело в генах. Думаю, что шампанское в этом фужере было отравлено.

Ханна удивленно посмотрела на нее.

— Выходит... один из них пытался отравить другого?

— Думаю, что так.

К ним подошел Клинт, услышавший разговор.

— А вы в этом уверены? — спросил он.

Вайолет пожала плечами.

— Отправим в лабораторию и проверим, — сказала она. — Но миндалем отдает точно.

— Так что один пытался отравить другого еще до поножовщины, — заключил Клинт.

— Вкус должен был быть довольно горький, — заметила Вайолет. — Вдобавок, действие цианистого калия слабеет, если смешать его с алкогольным напитком с высоким содержанием сахара. Яд вступает в реакцию с сахаром, в результате чего образуется другое вещество, которое называется ами... ами... Мэтт! Как там называется эта фигня, получающаяся при смешивании цианида с сахаром?

— Амигдалин, — подсказал тот, присоединяясь к ним.

— Точно, — кивнула Вайолет. — Так что могу предположить, что он отпил совсем чуть-чуть, заметил странный привкус и поставил фужер на стол. Этой дозы оказалось недостаточно, чтобы отравить его.

Большинство людей не в курсе, что цианид малоэффективен в сочетании со сладким алкоголем.

— И тут началась драка, — заключил Клинт.

— Нет, — уверенно возразила Ханна. — И тут второй похититель внезапно ударил его ножом в спину, повалив на пол. Он предполагал, что яд может не подействовать. Все это было заранее спланировано.

Зазвонил ее телефон. На экране высветилось имя Бернарда, и она ощутила укол чего-то вроде ностальгии. Ее напарничество с Бернардом никогда не было обременительным, никогда не было сложным. Ханна ответила на звонок.

— Привет!

— Привет, — отозвался тот. — У Даррела Симмонса есть судимости.

— Да, знаю, мне уже фэбээровцы сообщили.

— Понял, — сказал Берnard. — В общем, я только что позвонил в городскую тюрьму. Судя по всему, все два года своей отсидки он делил камеру с неким Густавом Боулером.

— А этот Густав тоже вышел? — спросила Ханна.

— Нет, все еще сидит. Ему еще почти три года сидеть.

— Ясно. Спасибо, Берnard. Что-нибудь еще?

— Нет. Как там все продвигается?

— Все сложно. Потом расскажу.

Ханна отключилась.

— Все два года отсидки однокамерником Симмонса был некий Густав Боулер, — сообщила она Клинту.

Тот кивнул.

— Отправим кого-нибудь побеседовать с ним.

— Лучше я сама, — сказала Ханна. — Не хочешь присоединиться?

Клинт помотал головой.

— Мне нужно сообщить Манкузо о находках и быстренько проверить это шампанское на наличие яда, — ответил он. Ханне показалось, что Клинт просто хочет избавиться от нее. — Если этот наш второй похититель где-то купил цианид, можно будет отследить его по месту покупки.

— Ладно, — сказала Ханна. — Дам тебе знать, если что-нибудь выясню.

Густав Боулер оказался низеньким толстячком с плоской, как полка, макушкой. «Полку» эту покрывали жесткие светлые волосы, сквозь которые просвечивал его розовый скальп. Он внимательно наблюдал за Ханной и Митчеллом, когда они подходили к нему, и его глаза не выражали ничего, кроме скуки.

— Мистер Боулер, два года вашим сокамерником здесь был некто Даррел Симмонс, — начала Ханна.

— Два года? — переспросил он сонным и расслабленным голосом. — Ну, вам видней. С хорошим корешем время летит незаметно.

— Вы часто с ним разговаривали?

— Угу. Нормальный мужик. Хороший сокамерник. Не скандалил, с катушек не съезжал. Никогда не пробовал насчет чего-нибудь такого подъехать, пусть даже я иногда слышал, как он дрочит ночью. И не храпел, в отличие от того говнюка, которого мне после него подселили. Тот храпит чисто бензопила.

— Мистер Боулер, Симмонс когда-нибудь...

— Хотя пердел. Говорил, что от тюремного хавчика у него газы. Хотя чё греха таить, от него тут у всех газы. У нас во дворе на прогулке порой что твой духовой оркестр играет.

— Мистер Боулер, Симм...

— Лично я умею сдерживаться, хотя это наверняка не полезно для здоровья. А вот у Даррела никак не получалось. В нашей хате воняло, как в испорченной канализации.

— Симмонс когда-нибудь упоминал при вас...

— По-моему, если б кто-нибудь запалил спичку, вся тюрюга взлетела бы на воздух. — Густав разразился каркающим смехом. — Можете себе представить? Погибнуть от чьего-то пердежа...

Ханна потеряла виски. Она прекрасно знала пристрастие мужчин к теме метеоризма. Все шуточки ее собственного папаши так или иначе сводились к ней. Он частенько выдавал их прямо за ужином, и ее мать никогда не забывала напомнить ему, что дело происходит за едой. И все же она пришла сюда отнюдь не для того, чтобы обсуждать проблемы пищеварения тюремных сидельцев.

— Даррел Симмонс мертв, — неожиданно выдала Ханна.

Смех Густава как обрезало.

— Да ну? — опешил он.

— Да. Мне нужно знать, он когда-нибудь...

— Мама дорогая... И как он умер? Страдал? А его мать знает? Вы уже сообщили его матери? Ой-ёй-ёй... — По щеке Густава скатилась слеза, мясистые губы скривились.

— Сочувствую, — сказала Ханна. — Насколько я понимаю, вы были очень близки. И нам нужна ваша помощь, чтобы поймать убийцу. Он когда-нибудь...

— Ой, блин, простите! Вы сказали «убийцу»? — Густав зарылся лицом в ладони, его плечи затряслись.

Ханна бросила взгляд на Митчелла. Тот кивнул и откашлялся.

— Эй, друган, — негромко произнес он. — Эй, Густав! Вот, держи. — Вытащив из кармана упаковку «Клинекса», протянул ее плачущему мужчине.

Через секунду Густав убрал руки от лица и вытащил из упаковки бумажный платочек. Высморкался в него, а потом достал еще один и вытер слезы.

— Простите, — пробубнил он все еще прерывающимся голосом. — Это просто... мы ведь целых два года тут вместе чалились, понимаете? Он как-то раз тормознул двух ублюдков, которые собирались... короче, напасть на меня в душевой. Мы много разговаривали, понимаете? В таких местах нужен друг.

Положив ладонь на руку Густава, Митчелл слегка сжал ее. Тот поднял на него взгляд. Дыхание у него все еще прерывалось, когда детектив произнес:

— Прекрасно все понимаю. У меня тоже когда-то был очень хороший друг. Я понимаю, каково вам сейчас приходится.

— Ну да, в общем... мы были очень близки, понимаете? — прошептал Густав.

— Да, — отозвался Митчелл.

Ханна недоверчиво смотрела, как лицо Густава постепенно разглаживается. Джейкоб как-то сказал ей, что его напарник способен склонить любого убитого горем человека открыться ему, но никогда не видела этого собственными глазами.

— Мы с детективом Шор сейчас как раз ищем его убийцу, — продолжал Митчелл.

— Ой, мама... И как же эта сволочь убила его? Он страдал?

— Нет, все произошло очень быстро, — ответил Митчелл, не сводя с него мягкого и правдивого взгляда.

Ханне сразу припомнился Симмонс в луже крови. «Быстро-то быстро...»

— А маме его вы позвонили?

— Полиция обязательно ее известит, — заверил Лонни. — А нам нужно поймать того, кто это сделал.

— Ну да, конечно. Прищучьте этого гада!

— Даррел когда-нибудь вам говорил, чем собирается заняться, когда выйдет отсюда?

— Ну, он говорил мне, когда уже вышел, — ответил Густав.

Ханна заметила, что Митчелл напрягся.

— Он приходил вас навестить? — спросил тот.

— Да говорю же вам! Мы и вправду сильно подружились. Приходил сюда недель шесть назад. Сказал мне, что у него нарезается что-то реально крупное. Что планирует какой-то крупняк со своим боссом. Сказал, что, типа, это изменит всю его жизнь навсегда. Обещал подкинуть денег и встретиться, когда меня выпустят, типа как в том кино — «Побег из Шоушенка», не смотрели? Только вот я гораздо симпатичней Моргана Фримена, как он сказал... — Густав улыбнулся, и на глаза у него опять навернулись слезы. — Как мы тогда ржали над этой шуткой! Он был такой приколист...

— А вы в курсе, что это за босс?

— Не, он не говорил.

— Вы знаете, где он работал?

— Уже забыл. Что-то там такое, связанное с инструментами, вроде на букву «М» — типа как «Мохе тулз» или «Моше тулз»...

— «Кохе тулворкс»? — резко спросила Ханна.

— Ну да, точно! И вовсе не на «М» начинается, стоило об этом подумать...

Ханна уже вставала.

— Спасибо, мистер Боулер, — сказала она. — Вы нам очень помогли.

Глава 22

Лэнс Кохе сидел в допросной вместе со своим адвокатом, всячески напуская на себя надменную крутизну. Но Ханна чувствовала, что он отнюдь не столь спокоен, как пытается им показать. Когда общаешься с таким типом у него в офисе, он считает себя неприкасаемым. Защищенным своим начальственным местом, вроде короля.

Но приди к нему домой, арестуй его, притащи в отдел? Король сознаёт, что потерял свой трон. А когда король теряет свой трон, то вскоре рискует потерять и голову. Ханна наблюдала за ним сквозь одностороннее стекло — глаза его постоянно бегали по сторонам, а левая нога нервно притоптывала, пока адвокат что-то приглушенно ему втолковывал.

— Приступим? — спросил Клинт. Он стоял рядом с ней, не сводя глаз с допросной за стеклом.

— Угу, — кивнула Ханна. — Пошли. — Бросив взгляд на Митчелла, напомнила: — Пять минут.

Тот кивнул.

Ханна вошла в допросную, Клинт — за ней. Уселась напротив Кохе. Его адвокат не стал возбуждать и требовать немедленного освобождения, не начал с ходу доказывать, что его клиент задержан незаконно. Обычно это означало, что они имеют дело с настоящим профессионалом. Что ж, вполне объяснимо. Когда дело доходит до адвокатов, то чем вы богаче, тем они круче.

— Джентльмены, — начала Ханна. — Мистер Кохе уже знаком с нами. Я — детектив Шор. А это агент Уард из ФБР.

— А я Гидеон Бейтс, — представился адвокат. — И представляю мистера Кохе, естественно.

— Мистер Кохе, — продолжала Ханна, — где Эбигейл Лисман?

— Понятия не имею, — с каменным лицом ответил тот.

— А я думаю, что имеете, — возразила она. — В конце концов, именно вы ее и похитили.

— По-моему, на этом мы закончили, — вмешался Бейтс.

— Нисколько, мистер Бейтс. Ваш клиент похитил двенадцатилетнюю девочку у ее матери, и я намереваюсь найти ее, — отрезала Ханна.

— Могу понять ход ваших мыслей, вот потому-то и говорю, что мы закончили. Мой клиент никого не похищал, и я не собираюсь сидеть здесь и позволять вам выворачивать наизнанку все, что найдется сказать у моего клиента, только чтобы уложить это в вашу глубоко ошибочную версию.

— Если ваш клиент никого не похищал и может это доказать, то сегодня он сможет отправиться домой и спать в своей собственной постели, — сказал Клинт. — Но если вы сейчас прервете этот допрос, он окажется в федеральной тюрьме в ожидании суда.

— Трудней доказать обратное, агент Уард, — не уступал Бейтс. — Мой клиент ни в чем не виновен. Чем вы можете доказать, что он похитил эту девочку?

— Доказательств более чем хватает, — заверил его Клинт.

— Ну, по-моему, такого заявления недостаточно.

— Скажите мне, что у вас есть, — вмешался Кохе. — Я готов ответить на все ваши вопросы.

— Ну, для начала — у нас есть частный детектив, которого вы наняли следить за вашей биологической дочерью, — начала перечислять Ханна.

— У вас он и раньше был.

— Мы знаем, что одним из похитителей был Даррел Симмонс, — продолжала она. — Знаете его, мистер Кохе?

Тот нахмурился.

— Даррел Симмонс? — переспросил он. — Грузчик?

— Выходит, все-таки знаете.

— Естественно! Я нанял его на несколько недель. Так он — один из похитителей?

— Вот именно, — осторожно произнесла Ханна. Она уже допустила глупую ошибку, сказав «был», говоря о Дарреле Симмонсе. Но теперь, когда Кохе упомянул его в настоящем времени, Ханна уже засомневалась, в курсе ли он смерти Симмонса. Она была убеждена, что убил Симмонса не Кохе, а какой-то третий сообщник. Не исключено, что Кохе тоже кинули.

— В последний месяц Даррел Симмонс у меня не работал, — заявил Кохе. — Все это... как-то неожиданно. А вы уверены, что он во всем этом замешан?

— Сейчас наша очередь задавать вопросы, — сказал Клинт. — Когда именно вы взяли на работу Даррела Симмонса?

— Точно не помню, — Кохе нахмурился. — Вроде пару месяцев назад.

— Интересно, с чего это вы решили принять на работу человека с криминальным прошлым... — задумчиво произнес Клинт. — Вы верите в то, что каждому надо дать еще один шанс, мистер Кохе?

— Я понятия не имел о его криминальном прошлом, — ответил тот. — Я не беру на работу преступников.

— Вы что, не проверяете своих потенциальных сотрудников?

— Естественно, проверяю!

— Так вот: Симмонс вышел из тюрьмы всего шесть месяцев назад.

Кохе поджал губы и ничего не ответил.

— Ваш бизнес переживает трудные времена, мистер Кохе? — продолжал Клинт.

— А какое это имеет отношение к данному вопросу?

— Позвольте мне ответить за вас. Это так. Вы задолжали кучу денег множеству людей.

— Откуда вам это известно? — твякнул Кохе с покрасневшим лицом.

— Я из ФБР, — напомнил Клинт. — Это моя работа — узнавать такие вещи. Я даже могу сказать, что вы близки к банкротству. Может, мысль о полной сумке денег начала казаться вам весьма привлекательной...

— Ничего не отвечайте, — предостерег Бейтс. — Они просто пытаются ловить рыбку в мутной воде.

— Я отнюдь не близок к банкротству, — возразил Кохе. — В данный момент мы реорганизуемся. В прошлом месяце я продал все свои товарные запасы шлифовальных машин и перфораторов конкуренту. Мне нет нужды похищать детей, чтобы спешно восполнить дефицит фондов.

— Прямо в данный момент мы готовы предложить вам досудебную сделку, если вы назовете нам местонахождение Эбигейл

Лисман, — напрямик объявила Ханна.

— Я не могу этого сделать — я не знаю, где она. И не имею никакого отношения к ее похищению.

— Наверное, вы были раздосадованы, — предположила Ханна. — Чувствовали себя так, будто вашу собственную дочь у вас просто украли. Решили дать Наамит Лисман прочувствовать то же самое на себе, а заодно и заработать денег для спасения своего бизнеса?

— Да это просто смешно! Я никогда не хотел ребенка, и если бы узнал, что эта женщина беременна, то немедленно потребовал бы сделать аборт! А потом, какие деньги? У Наамит Лисман ни гроша за душой! С чего это мне требовать с нее выкуп?

— Вот потому-то вы и проделали это в «Инстаграме», — вмешался Клинт, подаваясь вперед. — Вы знали, что кто-то все равно заплатит выкуп.

— Хватит! — резко произнес Бейтс. — Мой клиент...

Тут дверь в допросную распахнулась, и адвокат умолк на полуслове. Вошел Митчелл с несколькими листами бумаги в руке, которые передал Ханне. Наклонился и прошептал ей на ухо:

— Держи. Как уже было известно, у него четыре склада и маленький домик на пляже. Никаких других объектов пока не нашли.

Его теплое дыхание щекотно коснулось ее уха. Он был невероятно близко, и Ханна попыталась не обращать внимания на его запах, опустив лицо к бумагам и надеясь, что никто не заметил внезапного румянца у нее на щеках. Митчелл вышел из комнаты.

— Детектив Лонни только что сообщил мне, что мы получили адреса ваших складов, равно как и уютного загородного домика, которыми вы владеете, — сказала Ханна, делая вид, будто внимательно изучает написанное. — Пока мы тут с вами беседуем, наши люди направляются туда, чтобы обыскать их.

Бейтс вздернул голову.

— Вам нужен ордер, чтобы...

— Ордер у нас уже есть, — перебила она. — Судья Рот проявил взаимопонимание. И я уверена, что если у вас есть что-то в ваших бумагах, то мы это обязательно отыщем, мистер Кохе. Скажите нам прямо сейчас, где Эбигейл Лисман, и досудебная сделка вам обеспечена.

Наступил момент тишины, и Кохе резко опустил взгляд, упрямо сжав зубы.

— Мне нечего добавить, — наконец произнес он.

* * *

Юрген Адлер, вздрогнув, резко проснулся — кто-то неистово барабанил в дверь. Он заморгал в своей постели, совершенно сбитый с толку; в голове пронеслись вечные вопросы вроде «кто я», «где я» и «что это за шум». На первые два было достаточно легко ответить; третий загрузил его поосновательней.

Как только он сообразил, что шум вызван кулаком, стучащим в дверь — и что еще хуже, в его собственную дверь, а не какую-то соседскую, — то решил вернуться ко сну. У него в последнее время уже был ряд неприятных столкновений с домовладелицей, и Юрген подозревал, что это опять что-то из этой оперы. А если это и не она, то наверняка опять фэбээровцы. Его всего два дня назад как отпустили. Вновь угодить в федеральную тюрьму очень не улыбалось.

Но в конце концов он все-таки встал и открыл дверь — в основном из-за того, что не хотел, чтобы грохот разбудил соседей. Соседкой справа была молодая мать-одиночка с двумя детьми, которая как-то раз пожаловалась Юргену, что спит от силы по десять минут за ночь.

На пороге стояла детектив Ханна Шор. Выглядела она ужасно. Вся мокрая, волосы спутанной массой прилипли к голове, лицо бледное. Куртка насквозь пропиталась водой. Только тут он обратил внимание на шум дождя с улицы. Поливало по полной программе.

— Ханна... — произнес Юрген. И после секундных размышлений добавил: — А сколько сейчас времени?

— Половина третьего, — последовал ответ.

— Ого... А что ты тут делаешь?

— Ищу Эбигейл Лисман.

— Я ее не похищал, Ханна.

— Да знаю я, болван! — раздраженно ответила она. — Ее похитил Кохе. Мне нужно, чтобы ты помог мне понять, как именно и где он ее держит.

Мозг Юргена все силился понять, что, черт возьми, происходит.

— Кохе? В смысле, Лэнс Кохе?

— Ага. — Ханна посмотрела на него. — Не хочешь пригласить меня войти?

— Гм... конечно. Заходи. Сейчас сварю лошадиную дозу кофе.

— Отлично. Мне это сейчас очень нужно, — сказала она, переступая через порог и снимая куртку. Одежда под курткой оказалась в основном сухой, хотя штаны понизу были хоть выжимай.

— Да здесь чуть ли не холодней, чем на улице, — заметила Ханна, пристально глядя на него. На нем была тонкая хлопковая пижама. — А ты не мерзнешь?

— Я никогда не мерзну, — гордо отвечивал Юрген. — Не так легко, по крайней мере. Это, должно быть, моя норвежская кровь греет.

Пройдя в кухню, он занялся приготовлением кофе.

— Так с чего ты решила, что Эбигейл похитил Лэнс Кохе?

— На это указывает целый ряд фактов, — ответила она, усаживаясь на один из трех стульев в кухне. — Он нанял тебя следить за ней. В похищении был замешан некий Даррел Симмонс, который работал у Кохе. А тот рассказал одному своему приятелю, что планирует какой-то крупняк со своим работодателем. Мы в курсе, что Кохе на грани банкротства, так что ему позарез нужны деньги. А еще мы подозреваем, что он хотел поквитаться с Наамит за то, что так долго скрывала от него Эбигейл.

— Понятно, — отозвался Юрген, наполняя две гигантские кружки. Одну он поставил перед Ханной и тоже уселся. — Вы поймали этого Даррела Симмонса?

— Он мертв.

— Ого, — сказал Юрген, отхлебывая из кружки.

— Ты его знаешь?

— Нет. Я вообще в «Кохе тулворкс» не так много народу знаю.

— Во всяком случае, Эбигейл целую неделю держали в его доме. Мы там сегодня были. Симмонс мертв, а Эбигейл пропала.

— Думаешь, это Кохе его убил?

— Нет. — Ханна помотала головой. — Не собственными руками, по крайней мере. Там еще кто-то третий замешан.

Юрген задумчиво кивнул. Посмотрел на Ханну, которая казалась не столь враждебно настроенной, как обычно, даже слегка

присмирившей. Наталкиваясь на кого-то из отдела полиции Гленмор-Парка, он в основном встречал косые взгляды. Хуже всего было с Бернардом. Человеком с огромными глазами, которые в прошлой жизни могли принадлежать какому-нибудь умильному щенку. Когда бы они с ним ни встретились взглядами, глаза эти были всегда полны обиды и разочарования — глаза человека, которому его лучший друг бессовестно врал.

Ну, такова жизнь. Но теперь вид у Ханны был просто усталый и потерянный. Ему даже захотелось обнять ее, сказать, что все будет о'кей.

— Итак... — начал он.

— Да?

— От меня-то ты чего хочешь? — деликатно спросил Юрген. Ханна вряд ли хотела, чтоб он ее обнимал. Нечего и думать.

— Я хочу, чтобы ты включил свои детективные мозги и предположил, с кем Кохе мог работать, — сказала она. — Или сказал мне, где он держит Эбигейл.

— Как?

— Да елки-палки, Юрген! Ты работал с этим человеком, ты снабжал его фотками Эбигейл... Подумай! В чем он был заинтересован? С кем разговаривал? Видел ли ты, как он обсуждает с кем-нибудь вопросы, не имеющие отношения к электроинструменту? Были ли у него какие-то темные контакты? Бернард сказал, что ты был просто блестящим детективом!

— Не мог он такого говорить, — буркнул Юрген, страстно желая поверить ей.

— Ну... он сказал, что ты был бы блестящим детективом, если бы не был таким жадным и аморальным типом.

— Во! Это больше на него похоже.

— По-моему... — Тут голос Ханны осекся. — По-моему, этот третий похититель прихватил с собой Эбигейл в качестве заложницы. Он не уверен, собирается ли сохранить ей жизнь, и хочет посмотреть, не пойдет ли у него что-нибудь наперекосяк. И как только решит, что он в безопасности, то сразу убьет ее. Не думаю, что у нас особо много времени.

Встав, она принялась расхаживать по крошечной кухоньке.

— Сейчас мы копаемся в документах и переписке Кохе. Но там сотни тысяч писем и сообщений, а в бухгалтерии вообще черт ногу сломит. Этим занимаются больше тридцати агентов ФБР, а они еще и пяти процентов всего не обработали. Все это слишком затягивается!

— Его склады, — вдруг произнес Юрген. — У него этих складов до беса — он может держать ее в одном из них.

— Все его склады мы уже проверили. Ничего, кроме ящиков с электроинструментом. Домик на пляже тоже обыскали. Никто не бывал там несколько месяцев.

Схватив огромную кружку, Ханна основательно приложилась к ней. Юрген уже начал беспокоиться. Вряд ли ей стоило вообще пить кофе. Как долго человек может обходиться без сна, прежде чем заработает нервный срыв? Он где-то читал статистику на эту тему.

— Что еще у тебя на него есть? — спросил Юрген.

Она хмуро обвела его взглядом.

— Всякое. Не могу тебе все рассказать.

— Потому что я скурвился?

— Нет. Потому что теперь ты гражданское лицо, а ФБР уже и без того на меня косо смотрит, и...

— Ладно, ладно, — Юрген раздраженно отмахнулся. — Что ты все-таки можешь мне рассказать?

Ханна на секунду задумалась.

— В «Кохе тулворкс» шестьдесят семь работников. Некогда было больше, но в последнее время проведен ряд сокращений. Компания по уши в долгах, и Кохе даже продал часть своих товарных запасов, чтобы частично с ними рассчитаться. У него до сих пор есть товару на две целых восемь десятых миллиона долларов, но долгов больше пяти миллионов, так что этого не хватит, чтобы расплатиться с...

— Хватит, если у него есть деньги от выкупа, — перебил ее Юрген.

— Точно. Так мы и подумали. Хотя в таком случае ему понадобится вся сумма выкупа целиком.

— Может, она у него и есть, — предположил он. — Может, как раз потому-то Симмонс и мертв. Другого похитителя тоже уже может не быть в живых.

— Ну да... — Кивнув, Ханна пожевала губу. — Мы знаем, что это дело было спланировано заранее, за несколько месяцев. Симмонс

проговорился об этом своему приятелю шесть недель назад.

— А ты уверена, что он говорил именно про это дело? — спросил Юрген. — Он мог иметь в виду какое-то другое.

— Симмонс сказал, что назревает какой-то крупняк, который он планирует осуществить со своим работодателем. — Ханна пожалала плечами. — Во всяком случае, Кохе попросил тебя приступить к слежке за Эбигейл примерно два месяца назад, так ведь?

— Так.

— Ну вот. Что же касается того, кто мог в итоге кинуть Кохе... На его электронной почте нашли переписку касательно судебного иска одного из сотрудников по поводу незаконного увольнения. Мы это проверили — сотрудник чист, у него есть алиби, так что маловероятно, чтобы он был сообщником Кохе. Хотя того довольно серьезно разозлил этот имейл. Сплошь заглавными буквами, куча угроз, так что в этом наверняка стоит покопаться поподробней.

— И все это на его рабочей почте? — уточнил Юрген, приподняв бровь. — Или на личной?

— Что?

— На каком конкретно аккаунте? В смысле, насколько я понимаю, это деловой вопрос...

— Мы знаем только про один аккаунт, — сказала Ханна, широко раскрывая глаза.

— У него их два, — просветил ее Юрген. — Я это знаю, потому что первый раз отправил фото на рабочий. А потом он попросил использовать его личный, на «джимейле». Сказал, что рабочую почту часто проверяет секретарша и что он предпочитает не светиться.

— Блин! — воскликнула Ханна. — Мне нужно сообщить это агенту Уарду. Они наверняка найдут способ зайти в его личную почту с его компьютера!

— Ну-у... — нерешительно протянул он. — Я знаю, как зайти на его личную почту.

Секунда молчания. Юрген неловко отхлебнул кофе из своей кружки.

— А откуда ты это знаешь? — спросила Ханна.

— Когда мы встречались, я стоял у него за спиной, пока он заходил в свой аккаунт, чтобы посмотреть фотки, которые я ему отправил. И заметил, какой пароль он набрал.

— И он не был скрыт?

— Был. Я следил за его пальцами.

Ханна заморгала.

— И ты вычислил пароль только по движениям пальцев?

— У меня очень хорошая память, — сказал Юрген. — И острое зрение.

— А почему ты вообще смотрел на его пальцы, когда он набирал пароль?

Юрген ухмыльнулся.

— Как там Бернارد меня охарактеризовал, говоришь? Жадный и аморальный?

Ханна тоже улыбнулась.

— Ладно тогда, — сказала она.

* * *

У Эбигейл жутко болели руки. Веревка врезалась в запястья, плечи были вывернуты под неестественным углом. Она проснулась в каком-то обширном темном пространстве — руки связаны за спиной, ноги тоже стянуты веревкой. Эбигейл сидела, привалившись к холодной металлической стене, и слышала, как за ней льет дождь, шлепая по металлу и наполняя все вокруг глухим гулом.

Помещение было практически пустым, каждый дюйм пола густо покрывала пыль. Единственной вещью здесь был старый на вид зеленый автомобиль. Окон не было — тусклый свет поступал лишь от неоновой лампы на потолке. Ее похитительница, та самая женщина, расхаживала туда-сюда, что-то бормоча себе под нос.

Маски на ней не было.

Время ползло невыносимо медленно, каждая секунда казалась неделей. Поначалу Эбигейл мучило — очевидно, это были последствия того, чем эта женщина одурманила ее. Но через какое-то время дурнота и головокружение прошли, а потом вернулись, на сей раз как результат голода и жажды. Во рту жутко пересохло, язык опух, в горле саднило. В какой-то момент женщина открыла багажник машины и порылась внутри, вытащив сэндвич в пластиковой обертке. Надежды

Эбигейл разбились вдребезги, когда женщина разорвала обертку и принялась жадно поедать его.

— Пожалуйста, — полусшепотом прошелестела она. — Можно мне тоже?

Женщина не обратила на нее внимания. Эбигейл повторила свою просьбу, и женщина бросила на нее взгляд своих холодных и едких глаз. Вид у нее был в точности как в тот день, когда она убила того парня. Эбигейл быстро опустила голову.

Она немного поерзала, пытаясь найти такое положение, чтобы поменьше напрягать плечи. Предположила, что, если лечь, станет полегче, но сомневалась, что сможет потом опять сесть. Эта мысль почему-то испугала ее. Сидеть, даже связанной, казалось немного безопасней, чем лежать на полу.

Покопавшись в своей сумочке, женщина вытащила маленькую пластиковую бутылку воды. Больше всего сейчас Эбигейл хотелось получить эту бутылку. Она представила, как холодная вода струится по ее пересохшему языку в горло, забирая жуткую жажду, завладевшую ею целиком.

— Пожалуйста! — прохрипела она, собственный голос показался ей чужим. — Дайте воды!

Отхлебнув из бутылки, женщина навинтила крышечку обратно.

— Пожалуйста! — практически всхлипнула Эбигейл. Ей было все равно, пусть даже если эта женщина ее ударит. Ей просто хотелось пить.

Голова женщины резко повернулась. Все те же холодные глаза глянули на Эбигейл, и она сумела увидеть в них и что-то еще — неприкрытую ненависть.

Женщина подошла, цокая каблуками по полу, — этот резкий звук эхом отдавался в пустом пространстве. Присела рядом с девочкой на корточки, ухватила ее за подбородок, как в тот раз, вынуждая Эбигейл поднять лицо.

— У ребенка отцовские глаза, — произнесла женщина пронзительным голосом, выплевывая каждый слог, как кусок непережеванного хряща. — Лживые, коварные... Теперь меня не обманешь! Только не меня, я уже усвоила свой урок!

Она лающе хохотнула, отчего у Эбигейл застыло сердце. Это было непохоже на женский смех. Скорее напоминало смех гиен из «Короля

Льва».

— У меня уже есть все, что мне нужно. Мне больше не нужен этот ребенок. Время закончить то, что я начала.

Поднявшись, она быстрым шагом подошла к зеленой машине. Вытащила из кармана связку ключей, открыла багажник и склонилась над ним. А когда выпрямилась, в руке у нее блеснул какой-то предмет. На миг Эбигейл не поняла, что именно видит. Женщина скрывалась в тени, и предмет у нее в руке больше напоминал большую порцию фруктового льда на палочке.

Но тут она двинулась, предмет попал на свет, и Эбигейл ощутила, как напряглась всем телом. Это был нож, лезвие которого покрывала засохшая кровь. Женщина медленно подошла к Эбигейл, и ее глаза стали стеклянными, отстраненными.

«Ребенок» — назвала ее эта женщина. Сердце Эбигейл быстро заколотилось в груди, когда она, извиваясь, попыталась отползти, чувствуя, как ею овладевает паника. Женщина говорила о ней, как о каком-то предмете — как о чем-то, что можно при желании просто выбросить.

— Меня зовут Эбигейл Лисман, — произнесла девочка, пытаясь справиться с дрожью в голосе. — Мою маму зовут Наамит. — Она уже собиралась упомянуть отца, а потом сообразила, что умней этого не делать. — У меня есть подруга, которую зовут Грейс. Мы любим вместе смотреть мультики... Пожалуйста!

Шаги женщины замедлились, хотя она продолжала подходить к Эбигейл, уставившись куда-то в пространство.

— В прошлом году я заняла второе место по гимнастике. У меня есть маленький плюшевый медвежонок, которого мне подарила бабушка, когда мне был годик. Я все еще сплю с ним, но никому не говорю.

Женщина остановилась, ее глаза сфокусировались, отстраненный взгляд стал чуть более осмысленным.

— Я люблю поп-музыку и читать, а больше всего люблю ходить на пляж. Мне двенадцать лет. На день рождения мне...

— Заткнись! — гаркнула женщина. Ее глаза были широко раскрыты и полны злобы. Она посмотрела на Эбигейл, скривив рот в гримасе бешенства, а потом повернула назад, бросила нож обратно в багажник и захлопнула его. Подобрал бутылку с водой и открутив

крышечку, опять подошла к Эбигейл. Резким движением сунула ее к губам девочки, и та почувствовала, как края горлышка врезаются в десны, ощутила медный привкус крови во рту. Женщина наклонила бутылку, и вода полилась в рот Эбигейл. Она не могла пить достаточно быстро — кашляла, давилась, вода потекла у нее по подбородку на рубашку.

Наконец женщина убрала бутылку.

— Ты все еще полезна мне, ребенок, — произнесла она дрожащим, прерывающимся голосом. — Ты можешь понадобиться мне как заложник. Но я обещаю тебе вот что. — Она вдруг улыбнулась — жуткой, безумной улыбкой. — Твой отец больше никогда тебя не увидит.

Женщина поднялась и подошла к машине. Открыла дверцу, забралась внутрь и захлопнула ее.

Эбигейл тяжело дышала, дрожа всем телом. Она замерзла. Промокшая рубашка прилипла к телу. Девочка заскулила, упав на пол, не в силах сдержать мучительных рыданий.

Глава 23

Ханна проснулась, совершенно сбита с толку, и только через пару секунд сориентировалась. Находилась она в гостиной Юргена — лежала на его диване, прикрытая небольшим одеялком. Несколько раз моргнула, пытаясь восстановить последовательность событий.

Домашний аккаунт электронной почты Лэнса Кохе оказался сплошным разочарованием. Судя по всему, заглядывал он на него крайне редко, предпочитая пользоваться рабочей почтой. За последние три года Кохе получил всего пятьсот двенадцать писем, большинство из которых были отмечены непрочитанными. Здесь нашлись результаты медосмотра для оформления страховки — здоровье у немолодого уже воротило оказалось просто-таки отменным, — несколько предложений подписаться на новостные рассылки, а также чеки на приобретение книг, цветов, какого-то ожерелья, наручных часов и телевизора. Обнаружилась еще переписка, в которой Кохе обсуждал какой-то частный иск со своим адвокатом — что-то, связанное с клеветой, — который со временем был урегулирован во внесудебном порядке.

Имелись здесь также и все сообщения Юргена с фотографиями Эбигейл, за исключением самого первого, отправленного на рабочую почту. Юрген и Ханна дважды прошлись по всем папкам. Когда она начала клевать носом, Юрген предложил ей дать глазам отдохнуть и десять минут покемарить у него на диване.

Юрген все еще сидел за компьютером.

— Доброе утро, — бросил он, даже не обернувшись.

— Сколько сейчас времени? — пробормотала она.

— Самое начало восьмого.

— Черт! — раздраженно воскликнула Ханна. — Я не собиралась так долго дрыхнуть! Почему ты меня не разбудил?

— По-моему, тебе требовалось пару часов поспать, — откликнулся Юрген. — Ну, как чувствуешь себя сейчас? Посвежее?

— Ужасно себя чувствую, — пролепетала она. — Сейчас налью себе кофейку.

— И мне тоже сделай, — рассеянно отозвался он.

Ханна прошлепала в кухню и разлила перестоявшийся кофе, даже не потрудившись помыть кружки после вчерашнего. Бросила взгляд за окно кухни. На утро это было не похоже. Небо полностью скрывалось за темными грозовыми тучами, хлестал дождь, заливая улицы Гленмор-Парка. Вернувшись в гостиную, она сунула одну кружку Юргену.

— Что-то странное с этим выкупом, — заметил он, прихлебывая из кружки.

— И что же? — спросила Ханна.

— Итак, ты считаешь, Кохе знал, что требование о выкупе в интернете станет вирусным, что люди обязательно пожертвуют деньги?

— Верно, — отозвалась она, с трудом подавив зевок.

— По-моему, это малость притянута за уши. Но предположим, он это и вправду знал. Тогда зачем просить три миллиона? Его долг — пять миллионов, так? Ему не покрыть этот долг тремя миллионами.

— Ну да, — сказала Ханна. — Но он мог покрыть этот долг деньгами от выкупа и тем, что осталось от его активов.

— Однако тогда он был бы банкротом, — резонно заметил Юрген. — Что не похоже на хороший план для человека вроде Кохе. В смысле... он остался бы у разбитого корыта.

— Может, он планировал смыться с этими деньгами, — предположила Ханна, пожимая плечами.

Юрген помотал головой.

— Он не похож на человека, который спасается бегством. Знаешь, что я думаю? Давай допустим, что заговор с целью похищения Эбигейл — это затея не Кохе.

— Ладно, — сказала Ханна. Она не собиралась спорить. Все свидетельства указывали на то, что это дело рук Кохе, но зачастую нелишне изучить дело и с иных точек зрения.

— Допустим, кто-то знал, что бизнес Кохе уже дышит на ладан. Продав свои товарные запасы, он мог бы набрать почти три миллиона долларов, но тогда его бизнес был бы обречен.

— Ты хочешь сказать, кто-то похитил Эбигейл, чтобы погубить Кохе?

— У нас есть сразу несколько очевидных подозреваемых. — Юрген ткнул пальцем в экран. — Вот этот мужик с иском о клевете.

Твой обозленный работник. Какой-нибудь конкурент, которого он загнал в угол...

— Профайлер из ФБР считает, что похититель ненавидит родителей Эбигейл, — медленно произнесла Ханна. — Но никто не знал, что Эбигейл — дочь Кохе. Нет, это не имеет никакого смысла.

— Он мог сказать кому-нибудь.

— Сомневаюсь.

— Нам надо как минимум проверить, вдруг он...

— Обязательно проверим, — резко отозвалась она, — но твоя версия трещит по всем швам.

Он глянул на нее через плечо.

— Знаешь, а это вообще не моя работа — высказывать всякие версии и делать заключения. Это проблема полиции. Я больше не в органах — вы, ребята, дали мне пинка под зад...

— Сам, блин, виноват!

— Хорошо, послушай...

— Тест на отцовство, — опять перебила его Ханна. — Тот, который отправила ему Наамит. Его нет на этой почте.

Юрген пожал плечами.

— Она могла просто передать его из рук в руки.

— Нет, она послала его по электронке, — возразила Ханна. — Кохе нам сам сказал. Она, должно быть, отправила его на рабочую почту.

— Ну предположим.

— Кто в офисе мог читать его имейлы? — продолжала Ханна. — Может, его компьютер не был заблокирован и кто-то открыл его почту и увидел тест на отцовство?

— Такое не исключено, — кивнул Юрген. — Какой-нибудь айтишник? В смысле, такому даже не надо проникать в офис. Он мог получить доступ к почте Кохе прямо с сервера или типа того.

— Верно, — Ханна нахмурилась. — Но тогда у него должны были быть какие-то проблемы с Кохе. Твоя версия требует мотива.

— Деньги — чем не мотив? — заметил Юрген.

— Так что, теперь все дело просто в деньгах? Нет, в таком случае можно было бы просто похитить ребенка какого-нибудь первого попавшегося богатея. Зачем охотиться за биологической дочерью Кохе, которую тот даже так и не признал? Это не имеет никакого смысла.

— Короче, допустим, что кто-то в компании, кто ненавидел Кохе, получил доступ к его электронной почте, — резюмировал Юрген.

— Угу. — Ханна пожевала губу. — Но это не бьется с тем фактом, что Даррел Симмонс рассказал своему приятелю про какой-то крупняк, который он планирует повернуть со своим боссом...

— Своим работодателем, — поправил Юрген.

— Что-что?

— До этого ты говорила, что, по словам Симмонса, он планировал что-то крупное со своим *работодателем*.

Ханна нахмурилась.

— Он сказал... с боссом. Не с работодателем.

— Так-так.

— Босс — это тот, кто отдает распоряжения, — медленно произнесла Ханна. — И необязательно владелец предприятия. Кохе не показался мне человеком, который лично отдает распоряжения грузчикам.

Юрген медленно кивнул.

— Так кто же босс Симмонса? — спросил он. — Кто приказывал ему, что делать?

Ханна задумалась. Она чуть ли не наяву видела, как вроде бы сложившаяся головоломка рассыпается у нее в голове, а потом собирается вновь, образуя совершенную иную картину. Это было словно обман зрения — когда вдруг осознаешь, что изображение, на которое ты смотришь, можно трактовать совсем по-другому. И теперь из разрозненных кусочков сложился вовсе не мужчина средних лет, а молодая женщина.

Меган, секретарша Кохе.

Юрген сказал, что у нее есть доступ ко всем письмам шефа на рабочем аккаунте. Это часть ее *работы*. Кохе купил ожерелье и цветы, используя свой частный аккаунт. Он воспользовался домашней почтой, потому что хотел сделать сюрприз своей *любовнице* — той самой, что читает всю его деловую переписку. А потом, примерно год назад, «цветочные» имейлы прекратились. Кохе разорвал отношения.

Что он сказал им несколько дней назад? «Уже далеко не впервые женщины пытаются повернуть со мной такую штуку. Вначале говорят, что принимают таблетки, а потом вдруг выясняется, что они беременны и я должен оплачивать счета». Она-то думала, что он имеет

в виду Наамит! Но нет, Кохе говорил про какую-то другую женщину, которая тоже забеременела. Про Меган. И он не хотел ее ребенка. А потом она выяснила, что у него есть ребенок от другой женщины.

— Меган, секретарша! — быстро произнесла Ханна со столь же быстро забившимся сердцем. — Она видела тест на отцовство. И твой первый имейл. Она знала, что Кохе проявляет интерес к своей биологической дочери. У нее был доступ *абсолютно ко всему*. Меган знала, сколько денег потребовать, чтобы полностью уничтожить бизнес Кохе. И как раз она-то наверняка и распорядилась грузчиками. Это Меган была боссом Симмонса...

Ханна на секунду задумалась. Кохе уверял, что никогда не брал на работу людей с криминальным прошлым.

— Она запланировала это, еще когда оформила на работу Симмонса. Она знала о его судимостях и наверняка подумала, что он сможет помочь ей все это проверить. Вот о чем говорил Симмонс! Он планировал проверить крупное дело с Меган, своей начальницей. Они задумали похитить биологическую дочь Кохе! И... блин, это полностью соответствует составленному Зои профилю похитителя!

— Что это еще за Зои?

— Профайлер ФБР, — отсутствующе отозвалась Ханна, лихорадочно размышляя. Ужас начал просачиваться ей в мысли. — Симмонс, должно быть, думал, что они собираются вернуть Эбигейл. Но это никогда не входило в намерения Меган. Может, она хотела разрушить не только бизнес Кохе, но и всю его жизнь, убив его дочь. Вот потому-то и убила Симмонса.

— И ты думаешь, что она убила Эбигейл? — негромко спросил Юрген.

— Может, и убила. — Голос Ханны дрожал. — Или нет. Тело мы не нашли. А она бросила бы мертвую Эбигейл вместе с Симмонсом, верно?

Юрген с ничего не выражающим лицом пожал плечами.

— Она может намереваться использовать ее в качестве заложника, — сказала Ханна. — Или устроить из смерти Эбигейл целый спектакль. Не думаю, что де-вочка на данный момент мертва. По-моему, Кохе уже знал бы, если б она была мертва. Думаю, что Меган обязательно поставила бы его в известность.

Юрген кивнул, и Ханна могла представить, о чем он сейчас думает. Думает, что Ханна на самом деле не считает, что Эбигейл жива, просто надеется на это. И он был совершенно прав.

* * *

Митчелл занимался тем, что получалось у него лучше всего: сидел перед компьютером, перелопачивая информацию. Он находился в «Кохе тулворкс» вместе с агентом Манкузо, агентом Уардом и несколькими другими агентами ФБР, чувствуя себя в такой компании полнейшим чужаком. Мысленно Митчелл в очередной раз проклял Ханну, что так и не появилась. Когда она находилась здесь, они были группой отдела полиции Гленмор-Парка, участвующей в совместном расследовании. Но в ее отсутствие он был здесь белой вороной — единственным, кто не имел никакого отношения к ФБР.

Митчелл внимательно изучал все имейлы, отправленные или полученные Кохе, в которых хоть как-то упоминался Даррел Симмонс. Таких нашлось немного. Вообще-то до сих пор было трудно получить подтверждение тому, что оба мужчины были даже просто знакомы друг с другом, не считая того факта, что Симмонс работал в «Кохе тулворкс». Владелец фирмы особо не общался с грузчиками — переложил это дело на одного из своих подчиненных.

Детектив вздохнул и откинулся в кресле. Наверное, это время лучше было бы потратить на то, чтобы поискать еще какие-нибудь объекты, на которых могли спрятать Эбигейл Лисман. Прошлым вечером он уже составил список адресов, упоминавшихся в электронной почте Кохе. Открыв электронную таблицу, Лонни принялся их просматривать.

И тут услышал, как агент Манкузо отвечает на свой телефон.

— Алло? Да, детектив?

Сразу потеряв интерес к таблице, Митчелл стал прислушиваться к разговору.

— Нет, ее здесь нет. Тут вообще никого нет. Думаю, адвокаты Кохе посоветовали его сотрудникам...

Она резко умолкла. Обернувшись, Митчелл посмотрел на нее. Нахмурившись, Манкузо пристально вслушивалась в трубку.

— Понятно, — наконец произнесла она. — Отправляю группу к ней домой. А вы приезжайте сюда как можно быстрее.

Агент отключилась.

— Это детектив Шор. Нашим пропавшим похитителем может быть секретарша Кохе. Ее зовут Меган...

— Шаффер, — подсказал агент Уард. — Меган Шаффер. У меня есть ее адрес.

Он заглянул в свой компьютер. В комнате вдруг воцарилась полнейшая тишина, все напряженно ждали.

— Олд-Квори-роуд, тридцать два, квартира тринадцать, — наконец объявил Уард.

Манкузо кивнула, поджав губы. Секунду подумав, она произнесла:

— Ладно. Детектив Шор достаточно веско обосновала свои подозрения. Это не точно, но я не хочу упустить это на случай, если она права. Агенты Константайн, Фуллер, Мэннинг и Уард — сейчас мы едем на квартиру Меган Шаффер. Группа захвата встретит нас там.

Несколько агентов повскакивали со своих мест. Митчелл схватил свои ключи и пистолет и тоже встал. Манкузо уже опять разговаривала по телефону, запрашивая группу захвата. Закончив, она быстрым шагом вышла из комнаты, остальные агенты потянулись за ней. Митчелл собрался уже последовать за ними, когда заметил, что агент Уард по-прежнему сидит, хмуро уставившись в экран компьютера.

— Что такое? — спросил Митчелл.

— Это многоквартирное здание, — сказал Уард. — В доме Симмонса был встроенный гараж, и мы думаем, что они использовали его, чтобы ввезти и вывезти ее на автомобиле. Но Меган пришлось бы высадить ее из машины прямо на улице, чтобы подняться с ней в квартиру.

— Там может быть подземная парковка, — предположил Митчелл.

— Это все равно публичное место, — возразил Уард. — До сих пор она была очень осторожна. Стала бы она тащить ребенка в свою квартиру в здании, где по пути может встретиться кто-то из соседей?

— Может, Эбигейл и не с ней, — сказал Митчелл. — Она могла... — Он не закончил фразу.

Уард кивнул.

— Не исключено. Но в таком случае нет причин торопиться. На пути к дому Меган Шаффер четыре агента и группа захвата. Они возьмут ее. Но давайте исходить из того, что Эбигейл еще жива. Это допущение придает мне бодрости.

— Вы прямо как Ханна, — заметил Митчелл.

Агент Уард немного помолчал, после чего медленно кивнул.

— Спасибо за сравнение, — произнес он. — Так что... куда Меган могла ее отвезти?

— Можно заглянуть в ее компьютер, — предложил Митчелл.

— Хорошая мысль! Сейчас позвоню нашему айтишнику — может, он добудет нам ее пароль.

Клинт, прижав к уху телефон, подошел к письменному столу в секретарской, где обычно работала Меган. Митчелл рассеянно слушал, как агент с кем-то разговаривает. Наконец и сам позвонил Ханне.

— Да? — отозвалась она.

— Почему ты считаешь, что похититель — это Меган?

— Объясню, когда приеду, Митчелл. Но она сделала это без участия Лэнса Кохе. Она пошла на это, чтобы поквитаться с ним. Думаю, что у них была интрижка.

— Ну ладно, — сказал он и отключился. Если Ханна была права, Лэнс Кохе не был тем, кто отдавал приказы. Вся эта их работа с проверкой его владений, обыском складов...

Немного поразмыслив, Митчелл вновь уселся за компьютер. Кохе сообщил им, что продал часть своих товарных запасов, чтобы рассчитаться с долгами. Не означает ли это, что он больше не нуждался в некоторых складах? Детектив глянул на свой список адресов. Вот — два склада, которые Кохе некогда снимал, месяц назад были полностью освобождены, договор аренды прекращен. Отыскав владельца в списке контактов Кохе, Митчелл позвонил ему.

— Билли Фаллоу, «Складские решения», — почти сразу же донеслось из трубки.

— Здравствуйте, — сказал Митчелл. — Беспокоит детектив Лонни из отдела полиции Гленмор-Парка. Вроде как Лэнс Кохе некогда арендовал у вас два складских помещения, так?

— Совершенно верно, — ответил Билли, в голосе которого послышалось подозрение. — Но больше не арендует. Поганец досрочно расторг договор аренды! И отказался выплатить неустойку

— сказал мне, что, мол, на моем складе крысы. Грозил подать в суд. Чертов говнюк, нет там никаких крыс...

— Мистер Фаллоу, в данный момент эти помещения кто-нибудь снимает?

— Без обид, детектив, но это частная информация. Если у вас есть ордер...

— Я расследую похищение Эбигейл Лисман, и каждая минута на счету, — сказал Митчелл. — Вам не требуется называть их имена. Просто ответьте на один вопрос. Не снимает ли один из этих складов некая Меган Шаффер?

— Да, верно, — ответил мужчина, явно удивившись. — Связалась со мной через два дня после того, как Кохе освободил помещение. В Гленмор-Парке не так-то много складов, детектив. Ей очень повезло, что этот...

— Спасибо за помощь, — бросил Митчелл в трубку и отключился. — Уард! — выкрикнул он. — Я знаю, где она!

* * *

Ханна умылась в ванной комнате Юргена, попытавшись смахнуть обрывки паутины сна с лица. Смочила волосы и постаралась придать им презентабельную форму, с треском провалившись в этом начинании. Это научит ее спать на чужих диванах!

Да и черт с ним. Ей нужно сейчас быть с Манкузо и всеми остальными. Выйдя из ванной, она стала искать свою сумку.

— Куда это ты намылилась? — спросил Юрген.

— Пока не знаю, — ответила Ханна. — Манкузо просила меня приехать на «Кохе тулворкс».

— Может, лучше сразу двинешь домой к Меган? — спросил Юрген.

— Лучше для разнообразия хотя бы раз сделаю то, о чем меня попросили, — коротко сказала она. — Спасибо за помощь.

— А можно с тобой?

— Категорически нет. — Ханна открыла входную дверь. — Я правда очень благодарна. Ты вовсе не такой плохой, каким...

Тут зазвонил ее телефон, и она ответила.

— Да?

— Ханна? — выкрикнул Митчелл. Судя по звуку, он ехал в машине. — Я с агентом Уардом. Я не думаю, что Меган сейчас у себя в квартире. Месяц назад она сняла складское помещение. На Марш-Крик-роуд! Мы гоним изо всех сил, но это займет какое-то время — это, блин, на другом конце города...

— Марш-Крик-роуд? — удивленно переспросила она. — Я всего в пяти минутах езды оттуда.

— Что? А где ты сейчас?

— Дома у Юргена Адлера.

— Ты... где? Почему?

— Неважно. Сейчас туда еду!

— Ханна, послушай! — практически заорал Митчелл. — Там возможна ситуация с заложником. Не делай никаких глупостей! Дождись группы захвата!

«И это говорит человек, который загнал в угол серийного убийцу с заложником»^[44], — подумала Ханна.

— Я просто осмотрюсь, — пообещала она, выйдя из квартиры и сбегая вниз по ступенькам. — Не буду заходить внутрь, если только Эбигейл не будет угрожать непосредственная опасность.

— Ханн... Не на... Меган... — На лестнице связь прервалась.

Добежав до выхода, Ханна резко остановилась. Снаружи бушевала гроза. Улицу было не узнать — вода стеной обрушивалась на нее, затопив проезжую часть. Ветер гнул верхушки деревьев, отклоняя струи воды вбок.

— Вот черт, — пробормотала Ханна. Вчера вечером место для парковки удалось найти лишь в паре кварталов от дома бывшего коллеги, не меньше чем в пяти минутах ходьбы. Но теперь эти пять минут грозили перерасти в двадцатиминутное плавание против ветра.

— Так куда едем? — спросил Юрген, который материализовался рядом с ней.

— Ты никуда не едешь, — сердито отозвалась Ханна, уже подобравшись, чтобы ринуться сквозь творящуюся на улице свистопляску к машине.

— Вон моя тачка, — произнес Юрген, показывая на синюю «Фиесту», припаркованную прямо перед ними. Ханна сразу узнала ее по стоп-кадрам с камер наблюдения.

— Ладно, — сказала она. — Но поведу я. Дай мне ключи.

— Никто не садится за руль Шэрон, кроме меня, — твердо заявил Юрген.

— «Шэрон»? Серьезно? Юрген, я видела, как ты едешь!

— Либо так, либо никак.

Ханна секунду помедлила.

— Ладно, — наконец произнесла она. — Пошли.

Нацелив на автомобиль брелок, Юрген отпер его. Хотя до машины было всего три шага, оба промокли насквозь, пока не оказались внутри.

— Куда?

— На Марш-Крик-роуд есть склад... — начала она.

— Знаю его, — коротко ответил он, заведя машину, и, поддавая газу, резко вырулил с парковочного места.

Дорога была в основном пуста. Несколько попавшихся им на глаза автомобилями ехали медленно, поливаемые струями дождя. Это был Гленмор-Парк, и его жители привыкли к дождю и снегу, но люди все равно предпочитали оставаться дома, когда погода окончательно распоясывалась.

Юрген ехал быстро — мотор взвизгнул на повышенных оборотах, когда они обогнали какой-то маленький фургон. Ханна едва сдерживала желание сказать ему, чтобы сбавил скорость. Ей тоже хотелось добраться до склада как можно быстрее.

— Итак, ты хочешь ворваться внутрь и спасти девочку от Меган? — спросил Юрген.

— Нет, — ответила Ханна. — Это слишком опасно. Не время изображать героев. Мы подъедем туда, убедимся, что она там, и дождемся группу захвата. Они изолируют Меган и завладеют Эбигейл так, чтобы никто не пострадал.

Юрген кивнул. Ханна мрачно смотрела вперед. Было трудно разглядеть что-то даже футов на тридцать в любую сторону. Тьма дождя окружала их, полностью поглощая свет фар автомобиля. Во многих местах разлившиеся по дороге лужи были очень глубокими, и Ханна молилась, чтобы они нигде не застряли. Чертова погода! Разве не могла эта гроза случиться на денек-другой попозже?

Прямо перед ними возникли два красных огонька: задние габаритные огни. Потом проявился белый «Бьюик», который, подобно

всем остальным машинам на дороге, медленно полз вперед. Юрген резко дернул рулем, чтобы обогнать его, и «Шэрон» послушно переместилась на соседнюю полосу. Мотор гневно взвизгнул, когда они пошли на обгон.

И тут откуда-то из темноты впереди возникла пара ярких желтых огней — фары. Ближко. Слишком близко.

— Юрген! — вскрикнула Ханна, голос которой потонул в реве мотора, когда Юрген до отказа втопил педаль в пол. Он дернул рулем, и их автомобиль в последнюю секунду резко метнулся обратно на свою полосу. «Бьюик» позади яростно засигналил, а лучи фар «Шэрон» на секунду высветили лобовое стекло встречного автомобиля — прямо перед тем как он пролетел мимо.

Ханна в шоке уставилась прямо перед собой; разум обрабатывал то, что она только что видела.

— Разворачивайся! — крикнула она Юргену.

— Что? Зачем?

— Это была Меган! Это она ехала на этой чертовой машине! Она уходит!

Глава 24

Эбигейл кричала до хрипа в горле — наполовину от страха, наполовину от отчаяния. На сей раз женщина не стала заморачиваться с вонючей тряпкой, чтобы усыпить ее. Просто швырнула ее, все еще связанную, в багажник машины и захлопнула крышку. Темнота казалась удушающей. Может тут кончиться воздух? Казалось, что может. Девочка тяжело дышала, чувствуя вибрацию машины.

Через несколько минут после того как ее закрыли в багажнике, загудел заработавший мотор, и автомобиль тронулся с места. А потом почти сразу же на уши ей обрушился страшный глухой гул, и она опять начала кричать, изворачиваясь и пиная вокруг себя связанными ногами.

Это дождь, наконец осознала Эбигейл. Они выехали на улицу, и по крышке багажника забарабанили струи воды.

Исчерпав силы, она неподвижно лежала, чувствуя толчки машины на ухабах, отдающиеся в суставах. Болело все тело. Она очень устала — хотелось, чтобы все поскорей кончилось. Эбигейл уже почти жалела, что остановила эту женщину прошлым вечером. Она все равно умрет. Какой смысл продлевать мучения?

Закрыв глаза, девочка подумала о своих родителях. Дождливыми вечерами мама иногда доставала какую-нибудь настольную игру — «Монополию» или «Скрэббл», — и они все втроем играли в нее. Иногда папа готовил попкорн. Эбби чуть ли не как наяву ощутила аромат горячего попкорна, который отец выкладывал в миску на столе, всегда предупреждая ее, что в нем могут попадаться непрожарившиеся зернышки.

Она больше никогда не увидит своих. Хотелось заплакать, хотелось всхлипнуть, хотелось оплакать себя. Но Эбигейл слишком устала даже для слез.

Что-то больно впивалось в ногу. Она явственно чувствовала это — какой-то острый предмет, сместившийся со своего места на очередном ухабе, теперь утыкался ей в лодыжку. Еще один ухаб, и она вскрикнула от боли. Эта штука буквально врезалась в нее.

Нож. Окровавленный нож, которым эта женщина вчера ей угрожала. Который она бросила в багажник. Эбигейл кое-как извернулась, пытаясь ухватить острый предмет, но сумела лишь вновь порезать ногу. Рана казалась глубокой, и голова закружилась от боли.

Сменив стратегию, она попыталась зацепить нож ногой. Можно было попытаться подтащить его ближе к рукам — или, по крайней мере, оттолкнуть подальше от кровоточащих ног.

Рев дождя смешивался с гулом мотора и заунывным посвистыванием ветра, а Эбигейл все сгибала и разгибала связанные ноги. Дважды промахнулась; каждое движение выходило неуклюжим и неловким. Третий пинок достиг цели. Она ощутила контакт, услышала, как эта штука со звоном отлетела куда-то, но так и непонятно куда. Она потеряла нож.

Эбигейл осторожно повернулась, опасаясь, что внезапное движение насадит ее на острое лезвие. Медленно, как змея, она двигалась в тесном пространстве багажника, пытаясь нащупать нож всем своим телом.

Первым на него натолкнулся живот — похоже, на рукоятку, к ее огромному облегчению. Дело продвигалось медленно, но Эбигейл хитрилась перевернуться на спину, и ее пальцы неловко сомкнулись на рукоятке.

Лезвие было острым, но перерезать веревку, стянувшую ей запястья, оказалось нелегко. Она резанула по ней еще два раза, на второй раз едва не выронив нож. А потом вдруг ощутила, что захват впившейся в запястья веревки ослаб. Руки свободны!

Эбигейл опять всхлипнула, на сей раз от облегчения, сжимая и разжимая пальцы и чувствуя, как кровь возвращается в них.

После этого перерезать веревку на ногах было уже просто.

Девочка приостановилась, чтобы подумать. Она не связана. У нее есть нож.

А теперь что?

* * *

Дождь усилился, оглушительно барабанил по крыше машины. Из-за этого Ханне почти ничего не было слышно. Она истошно орала на

Митчелла по телефону.

— Нет! Да не на склад мы едем! Мы преследуем машину Меган, черт побери!

По крайней мере, она молилась, чтобы это была машина Меган. На самом деле преследовали они размытую пару красных габаритных огней — единственную, которую заметили, когда развернулись. Автомобиль, у которого они висели на хвосте, ехал очень быстро, особенно учитывая погоду, и как раз по этой причине Ханна подозревала, что именно он им и нужен. Хотя, разумеется, это вполне мог оказаться и какой-нибудь тупой малолетний отморозок, которому просто жить надоело. Лицо Юргена представляло собой сосредоточенно застывшую маску. В такой ливень габаритные огни впереди могли исчезнуть из виду в любую секунду.

— Эбигейл в машине? — орал в ответ Митчелл.

— Не знаю! — выкрикнула она. — Я заметила только Меган на водительском месте. Эбигейл может быть на заднем сиденье или в багажнике!

— Сейчас позвоню Манкузо; она пошлет агентов на этот склад проверить, есть ли там кто-нибудь, — уже спокойней сказал Митчелл. — Можешь описать автомобиль?

Черт! Единственное, что запомнилось, — это что он был мокрый.

— Я не смогла как следует его разглядеть. Цвет темный. Черный или темно-зеленый, я так и не поняла, и...

— Это темно-зеленая «Хонда Сивик», — перебил ее Юрген, крепко вцепившись пальцами в руль. — Номер заканчивается на три-девять-два.

Ханна изумленно покосилась на него. Она провела с этим человеком меньше полусуток, а он уже успел продемонстрировать обескураживающий набор талантов. Детектив повторила описание Митчеллу.

— Ладно, где вы сейчас? — спросил тот. Ему пришлось три раза повторить этот вопрос, прежде чем Ханна сумела его понять.

— Она едет по Сикамор-пасс! — крикнула она. — Мы только что проехали «поворот Джонсонов».

Поворот назывался так в память о семействе Джонсонов, глава которого потерял на нем управление, отчего машина три раза перевернулась через крышу и врезалась в дерево. В результате все

сидящие в ней погибли. Это был самый край городской застройки Гленмор-Парка. Дальше начиналась территория индейской резервации, протянувшаяся до самого выезда на трассу 128.

— Так что она едет к северу, — заключил Митчелл.

— Думаю, что да.

— Ладно! Сейчас переговорю с Манкузо, буду регулярно держать вас в курсе! — выкрикнул он и отключился.

Сикамор-пасс была абсолютна пуста, не считая их машины и автомобиля, который они преследовали. Этот маршрут в плохую погоду желательно было избегать, поскольку проезжую часть тут часто усыпали оборванные ветром ветки деревьев, а иногда, в особо сильные грозы, валились и целые деревья, перегораживая дорогу. Но это был самый быстрый путь до автострады.

— Как думаешь, куда она едет? — спросил Юрген.

— Не знаю, — мрачно отозвалась Ханна. — Думаю, что она просто хочет убраться как можно дальше.

— Как мы ее остановим? — продолжал он. — В смысле, если у нее Эбигейл...

— Не знаю.

— Не можем же мы просто столкнуть ее с дороги, если...

— Да блин, Юрген, не знаю я! Но нам нельзя упустить...
Осторожно!

Огромная ветка ударила им по капоту, быстро отлетев назад. Юрген дернул рулем, на миг потеряв контроль над машиной, а потом выровнял ее — его пальцы даже побелели от напряжения.

— Господи! — воскликнул он. — Ну и дорога! Поскорей бы она кончилась...

— Уже скоро, — мрачно отозвалась Ханна. — Она рвется на сто двадцать восьмую. Не спускай с нее глаз.

У нее уже было чувство, что Меган заметила их и решила попробовать оторваться от них в плотном потоке машин на автостраде. И Ханна не намеревалась этого допустить.

* * *

— Мы пытаемся догнать детектива Шор! — орал Митчелл в телефон. — Она на хвосте у подозреваемой, на сто двадцать восьмой!

— А сами-то вы где, Митчелл? — спросила Манкузо.

— Только что свернули на Сикамор-пасс с Клейтон-роуд. Манкузо, вам надо перекрыть сто двадцать восьмую. Нельзя дать ей уйти!

— Я займусь этим, детектив, — заверила Манкузо. — Детектив Шор едет одна?

— Что-что? Не слышу! — выкрикнул Митчелл. Слышал-то он ее хорошо, но это была тема, в которую он сейчас не собирался вдаваться.

— Я сказала...

— Агент Манкузо, вы прерываетесь! Перезвоню, как только мы окажемся на сто двадцать восьмой! Просто перекройте трассу, черт побери! — И он отключился.

«Шеви» агента Уарда ревел, как реактивный самолет, и Митчелл заподозрил, что под капотом такой же двигатель. Автомобиль несся по дороге с головокружительной скоростью. У Митчелла колотилось сердце от ужаса. Фэбээровец вообще видит что-нибудь дальше собственного носа в такую погоду?

— Уард, давайте помедленней, сейчас будет «поворот Джонсонов»! — выкрикнул он.

— Что-что?

— Помедлен... Блин!

Они вошли в поворот слишком быстро. Уард резко крутанул руль, дал по тормозам, и машина потеряла управление, выскочив на встречку. Встречные фары надвигались с угрожающей быстротой, пока их автомобиль скользил, визжа шинами... а потом вдруг резко вильнул обратно на свою полосу, и два ярких огня пронеслись мимо.

Митчелл услышал истошный крик и осознал, что тот исходит из его собственного горла. Умолкнув, он сделал глубокий вдох, опустив взгляд на пол. И там, у себя под ногами, наткнулся взглядом на удивительный предмет. Это был белый кружевной лифчик.

— Уард, — произнес он дрожащим голосом, — пожалуйста, больше так не делай.

— Ладно, — отозвался тот столь же напряженным тоном. — Прошу прощения.

— Тут у тебя лифчик на полу, — сказал Митчелл.

— О!

Наступила секунда молчания.

— Он, видать, был под сиденьем и вылетел на крутом повороте, — наконец произнес Уард.

— Похоже на то.

Еще одна секунда молчания. Агент осторожно прибавил газу.

— А чей это? Подруги?

— Нет. У меня нет подруги. Я ни с кем не встречаюсь. Это одной знакомой.

— Ого! — сказал Митчелл, ухмыльнувшись. — Хотел бы я тоже иметь таких знакомых.

Уард покосился на него с нечитаемым выражением лица.

— Угу, — произнес он после некоторой паузы. — Она просто нечто.

* * *

Меган поймала себя на том, что все последние двадцать минут скрипит зубами — с того самого момента, как заметила, что ее преследуют. Автомобиль позади не отстал, когда она прибавила газу, лавируя между машинами на автостраде. Наверное, следовало спрятаться в потоке транспорта на дороге, но едва она решала сбавить, то замечала, что фары преследующего ее автомобиля неумолимо приближаются, и нога сама собой опять давила на газ.

Когда она перестала следовать плану? Когда начала принимать необдуманные решения, подчиняясь своим инстинктам, а не мозгам?

Когда убила того парня, который проник в дом Даррела, и позволила девчонке увидеть свое лицо? Или когда Лэнс сунул ей руку под юбку после ухода полиции, пытаясь заставить ее развлечь его в память о старых добрых временах?

Или, может, поворотной точкой был момент, когда она решила убить своего поделщика?

Когда бы это ни произошло, теперь Меган едва ли понимала, что делает. План был в том, чтобы после похищения неделю выждать, а потом покинуть Гленмор-Парк для продолжительного отпуска за пределами Штатов, скорее всего в Мексике. Еще вчера вечером она

думала, что отправится в Мексику. Но вот сегодня погнала в противоположную сторону, к северу, осознав, что ее преследуют. Без всякой веской причины — просто что-то в голове шепнуло, что так надо.

Надо было тогда убить этого ребенка. И не надо было убивать Даррела. Ей вообще не следовало похищать девчонку. Не следовало спать с Лэнсом.

Не надо было, не следовало, если бы да кабы...

У нее три миллиона долларов в дорожной сумке на заднем сиденье, похищенный ребенок в багажнике, и она несется к северу в жуткую грозу, преследуемая как минимум одним автомобилем. Как бы Меган-организатор предложила ей поступить?

Меган-организатор сказала бы, что те, кто висит у нее на хвосте, наверняка находятся на прямой связи с ФБР. А это означало блокпосты на дороге. И вертолеты. Хотя пока бушует непосланная богом гроза, шиш им, а не вертолеты.

Отлично. Значит, только блокпосты на основных автомагистралях. Вроде сто двадцать восьмой.

Меган-организатор объяснила бы ей, что ребенок в данный момент очень полезен в качестве заложницы. Это единственная причина, по которой «хвост» держится на расстоянии. Но как только она избавится от хвоста, следует избавиться и от ребенка. Ребенок — это обуза.

Убить ребенка или отпустить?

Меган-организатору было на это абсолютно плевать.

Меган — импульсивный ангел возмездия лишь хищно ухмыльнулась.

А вот и указатель впереди. «Съезд 56», написано на нем. «Скотланд-роуд, Ньюбери».

Меган — импульсивный ангел возмездия перестроилась в левый ряд. Преследующий ее автомобиль сделал то же самое.

И тут она резко крутанула руль вправо, пересекла две полосы, и ее автомобиль подскочил, слетев с автострады на ответвление развязки и промазав на пару футов, отчего проехался боком по жидкой грязи и траве. На миг ей показалось, что сейчас его окончательно раскрутит или он застрянет. Но нет.

— Она сворачивает! — выкрикнула Ханна. — Давай за ней!

Сбросив газ, Юрген начал было поворачивать руль, но тут увидел налетающие фары в зеркале заднего вида. Вскрикнув, он крутанул руль обратно, и машина под визг резины вернулась обратно на левую полосу, за чем тут же последовал тошнотворный хруст, когда боковое зеркало проскочившей вперед машины сокрушило их собственное боковое зеркало.

— Нет, черт возьми! — завопила на него Ханна. — Она уходит!

Он ничего не мог с этим поделать. Они пролетели мимо съезда. Ханна орала на него, ругалась; ее лицо исказилось, превратившись в маску разочарования и ярости. Юрген сбавил скорость, сделал глубокий вдох. Оставался только один шанс, только один шанс.

Они пропустили съезд номер 56 — съезд на Скотланд-роуд.

Но оставался еще выезд с нее на трассу 128, пусть и со встречным движением.

Приближаясь к нему, он глянул в зеркало заднего вида. Две приближающиеся машины. Слишком близко? Пожалуй. Но у них была только одна попытка. Не обращая внимания на вопли Ханны, Юрген глубоко вдохнул, дал по тормозам и повернул руль.

Машину занесло, закрутило, и весь мир закружился вместе с ней — в их поле зрения замелькали деревья, пока она делала оборот за оборотом вокруг своей оси.

Но тут нога Юргена топнула по педали газа, и «Шэрон», дай ей бог здоровья, послушно взревела в ответ и метнулась вперед, к выезду на сто двадцать восьмую, развернувшись против движения. Юрген молился всем известным ему богам, чтобы навстречу не попало машин, выезжающих со Скотланд-роуд на автостраду.

К счастью, он знал многих богов. Эта часть развязки была пуста. Выскочив на Скотланд-роуд, Юрген переместился через осевую на правильную полосу. Только тут он осознал, что затаил дыхание, и шумно выдохнул. Габаритные огни машины Меган едва виднелись вдалеке... но по-прежнему были видны.

— Как ты там говорила, я езжу? — спросил он.

Ханна промолчала. Его лихая манера езды явно повергла ее в шок — вид у нее был такой, словно сейчас она свалится без чувств. Юрген

решил дать ей немного прийти в себя и просто прибавил газу.

* * *

Ощупав изнутри весь багажник, Эбигейл наконец ухитрилась найти... что-то. Вроде как маленькую ручку. Та откроет багажник — она была в этом абсолютно уверена.

Девочка едва переборола желание немедленно дернуть за эту штуковину. Как только багажник откроется, женщина поймет, что она освободилась. Остановит машину, вылезет и убьет ее. Эбигейл уже видела глаза этой женщины — знала, что та не будет колебаться. Так что стоило сначала подумать.

Какие у нее еще варианты?

Можно ничего не делать. Просто ждать. Ткнуть женщину ножом, когда она откроет багажник.

Но кто знает, когда это произойдет? Кто знает, куда они едут? Что если эта женщина хочет воссоединиться с целой бандой похитителей? Всех их никак не одолеть... Нет, это вариант не из лучших.

Эбигейл ощупала противоположную сторону багажника. Та была мягкая, кожаная. Это спинка заднего сиденья. Можно прорезать ее, пролезть в салон. Приставить нож к горлу женщины. Заставить ее остановить машину. Вот только... Понадобится время, чтобы проковырять лаз в сиденье. Да и пролезть будет трудно. А она очень ослабла после дня без еды и сна и от того, что была связана по рукам и ногам. Это тоже кончится очень плохо.

Вариант третий. Дернуть за ручку. Крышка багажника резко подскочит вверх. Автомобиль ехал быстро — она это чувствовала. Можно выпрыгнуть и выкатиться на дорогу. Даже если дорога пуста и ее не переедет чья-нибудь машина, что крайне маловероятно, она, скорее всего, погибнет. Плохой вариант. Очень плохой вариант.

И это ее единственные три варианта. Она вот-вот погибнет. Эбигейл опять едва не расплакалась.

Но, по крайней мере, если она выпрыгнет из машины, есть шанс, что кто-то найдет ее тело. Ее мама будет знать, что с ней случилось. А женщина, которая похитила ее, проиграет.

Эбигейл дернула ручку.

Ничего не произошло.

Она едва не рассмеялась. Ну что ж... Этот вариант отпадает. Так что же тогда? Резать сиденье или ждать у моря погоды?

Опять дернула ручку, со всей силы.

Багажник с хлопком открылся, и внутрь хлынула дождевая вода, сразу промочив ее насквозь.

* * *

— Митчелл! — кричала Ханна в телефон. — Где ты?

— Едем по сто двадцать восьмой, — откликнулся Митчелл. — ФБР перекрыло дорогу сразу перед мостом. Она в ловушке, Ханна! Ей придется остановиться.

— Мы уже не на сто двадцать восьмой! — завопила она в ответ. — Эта сука съехала на Скотланд-роуд!

Секунда молчания.

— Черт! — наконец сказал Митчелл.

— Угу.

— Ладно, послушай... — Опять пауза. — Короче, у меня тут есть карта. Вы едете в сторону Ньюберипорта, верно?

— Верно!

— Хорошо, на следующем съезде мы свернем и будем у моста в Ньюберипорте раньше нее. Устроим там, блин, свой собственный блокпост. Ей некуда деваться, Ханна, клянусь! Мы остановим ее на мосту.

— А что если у нее Эбигейл?

— Мы должны остановить ее, Ханна! Давай действовать по обстановке.

— Ладно. — Ханна отключилась. — Митчелл говорит, что впереди мост, — сказала она Юргену. — Они его перекроют. Ей будет некуда деваться.

— Если только она едет в Ньюберипорт, — заметил тот.

— Ну да... Но больше нам ничего не остается.

— Где все эти долбанные агенты ФБР? — взорвался наконец Юрген. — Почему они не здесь?

Ханна покачала головой.

— Они не такие профи, как мы с тобой, — произнесла она, ухмыльнувшись ему.

— Ну да, ну да, скажи это... Ой, блин!

Ханна глянула вперед посмотреть, что его так испугало, и у нее отвалилась челюсть. Багажник машины Меган был открыт. Разглядеть было трудно, но вроде как из него высовывалась маленькая голова.

— Это она! — вскрикнула Ханна, наполовину в панике, наполовину от радости. — Она жива!

— Это ненадолго, если она выпрыгнет, — буркнул Юрген, стиснув зубы. — Мы едем за семьдесят^[45]. Она себе все кости переломает.

— У нас совсем нет времени, — пробормотала Ханна, лихорадочно перебирая в голове возможные варианты. — Давай ближе!

— Что ты задумала?

Пропустив его слова мимо ушей, она до отказа откинулась на сиденье, задрав ноги. И прежде чем он успел еще хоть что-то сказать, резко ударила ими вперед и вверх.

Лобовое стекло треснуло.

— Да что ты, блин...

Она ударила ногами еще раз, высадив наружу несколько осколков. По лицу ей забарабанили дождевые капли.

— Ханна, прекрати!

Она ударила третий раз. Огромный кусок ветрового стекла выпал вперед, загремев по капоту и свалившись с машины куда-то вбок.

— Да черт, Ханна! — опять заорал Юрген.

— Давай ближе! — крикнула ему она. — Если она перепрыгнет на нашу машину, ничего с ней не случится! Мы оба едем на одинаковой скорости!

— Ты чокнулась!

Выхватив свой пистолет, Ханна принялась выбивать то, что осталось от лобового стекла. Все вокруг было усыпано осколками.

Варианты кончились. Время кончилось.

* * *

Дождевая вода хлестала на Эбигейл, когда она огляделась по сторонам. Она была на пустой дороге, окруженной деревьями, черт знает где. Машина неслась жутко быстро, даже еще быстрее, чем она думала. И их преследовал другой автомобиль, неуклонно приближаясь.

Если выпрыгнуть, ей точно конец.

Машина, в которой она находилась, вдруг резко вильнула влево, а потом вправо. Женщина заметила, что багажник открыт. Пыталась ли она вытряхнуть ее на дорогу? Эбигейл пригнулась, сердце стучало молотом. Она громко позвала на помощь, хотя знала, что никто не может ее услышать.

И тут вдруг по бокам от нее замелькали огни. Уличные фонари! Они въезжают в город! Показались первые дома. Улицы были пусты, лишь время от времени навстречу проскакивали редкие машины. Та, в которой она сидела, по-прежнему мчалась чересчур быстро.

Автомобиль позади них вдруг оказался совсем близко. К своему потрясению, Эбби увидела, что у него нет лобового стекла. Водитель, какой-то азиат, сжимал руль, прищутив глаза против капель дождя, неистово бьющих в лицо. Рядом с ним сидела маленькая бледная женщина, мокрые волосы ее трепыхались на ветру. Она что-то кричала Эбигейл, но слов было не разобрать. Что этой женщине надо? Что случилось с их стеклом?

— Помогите! — опять выкрикнула Эбигейл.

Женщина помахала ей обеими руками — помахала к себе, словно пытаясь сказать: «Давай сюда!»

Это же просто безумие! Эта женщина сошла с ума. Она думает, что Эбигейл умеет летать?

Автомобиль еще больше приблизился — теперь он был уже в каких-то шести футах. Потом в пяти. В четырех.

Они проскочили под виадуком, потом еще под одним. Эбигейл даже услышала громкое «вуф!», когда они это делали, и ощутила толчок сжатого воздуха. Она окаменела от страха.

Три фута.

Женщина опять что-то выкрикивала. Вновь и вновь.

«Эбигейл!»

Она звала ее по имени. И взмахами рук манила к себе, призывая перелететь в их машину. Эбигейл помотала головой, чувствуя, как

сердце камнем упало в груди. Неужели эта женщина хочет, чтобы она...

Эбигейл ощутила, что дорога наклонилась. Они шли на подъем. На мост. Над рекой. Ей была видна вздыбленная ветром вода внизу и прыгающие на ней маленькие лодки.

— Эбигейл! — выкрикнула женщина. — Прыгай!

Девочка нерешительно встала, ощущая вибрацию и содрогания автомобиля под ногами.

* * *

У Меган не осталось никакого выбора. Дорога впереди была перекрыта — они как-то ухитрились обойти ее. В зеркале заднего вида она видела открытый багажник и знала, что скрывающиеся за ним преследователи совсем близко.

Меган могла думать только про Лэнса Кохе. Как он холодно объявил, что ей придется сделать аборт, что он за него заплатит. Как он разорвал их отношения, но все равно время от времени лапал ее, словно чтобы подчеркнуть, что по-прежнему имеет на это право. И как воодушевила его перспектива познакомиться со своей дочерью от другой женщины — дочерью, про которую он никогда не знал.

Подонки... У нее не вышло погубить его и его бизнес, но она по-прежнему могла погубить перспективу отцовства, которая, как он думал, у него имелась.

Время покончить с этим. Время со всем этим покончить.

* * *

Эбигейл напряглась, стараясь устоять на ногах, но автомобиль вильнул вправо, ударившись в край моста, заскрежетал металл. Она свалилась обратно в багажник. Машина позади ударилась в них, металлический задок багажника со звоном согнулся и треснул. Эбигейл была уверена, что вот-вот погибнет.

Но тут скрежет умолк, и их машина опять оказалась на дороге, далеко от края.

Похитительница попыталась сбросить их с моста. Она хотела убить их обеих.

Она попытается еще раз. Больше времени не осталось.

Эбигейл встала, подумав: «На счет три. Раз...»

И тут же прыгнула.

* * *

Ханне было видно, что в конце моста Митчелл с Клинтом перекрыли дорогу. Их автомобиль блокировал два правых ряда. Другая машина, наверняка реквизированная для этих целей, перекрывала две встречные полосы.

Меган тоже это видела.

Когда ее машина вдруг ударилась в отбойник моста, у Ханны внутри все обмерло. Она увидела, что Эбигейл не удержалась на ногах, понимала, что никак не может это остановить, что автомобиль вот-вот слетит в реку.

Но ограждение как-то выдержало. Автомобиль Меган вильнул влево, возвращаясь на дорогу. Ханна вскрикнула — она даже не понимала, отчего или почему. Меган пыталась покончить с собой и прихватить с собой Эбигейл. В заключительной попытке отомстить мужчине, который ее обидел.

И тут девочка снова встала, и Ханна закричала ей: «Прыгай!»

И Эбигейл прыгнула.

Их машина ехала чуть быстрее машины Меган, когда Эбигейл упала им на капот, подкатившись к пустому проему ветрового стекла. Ханна услышала «бум», когда голова Эбигейл ударилась о его верхнюю кромку, а остальное ее тело свалилось в машину. И тут девочка оказалась у нее на руках, с безвольно поникшей головой, и Ханна принялась рыдающе звать ее по имени, рыдающе просить Юргена остановиться, рыдать по всему тому, что может произойти.

Она так и не увидела, как машина Меган перескочила через край моста. Лишь услышала это — треск сминающегося и рвущегося металла, ругань Юргена. Все, на что Ханна могла смотреть, — это на безжизненное лицо Эбигейл у себя на руках. Глаза девочки были закрыты, кожа холодная.

Наконец машина остановилась.

— Эбигейл? Эбигейл! — все кричала Ханна.

Дождь все поливал ее, когда она приложила руку к груди девочки.

И когда ощутила, что та вздымается, а веки Эбигейл затрепетали, то была благодарна дождю, который насквозь промочил ее и скрыл слезы.

Глава 25

Бармен поставил перед Ханной стопку текилы, придвинул блюдце с лимоном и горкой соли. Проигнорировав лимон с солью, Ханна опрокинула текилу одним быстрым глотком. Скривилась, не привыкшая ко вкусу. Обычно она предпочитала пиво, но этим вечером ей требовалось что-нибудь покрепче.

— Еще одну, — попросила она бармена.

Тот посмотрел на нее, приподняв бровь.

— Смотрю, вам вроде понравилось, — заметил он, ставя на стойку еще одну стопку. Ханна смотрела на желтоватую жидкость, пока он наливал.

— Наверное, надо просто распробовать, — отозвалась она.

Бармен кивнул.

— Да, но только не с этим пойлом. Если хотите и вправду войти во вкус, то самая дешевая бутылка — не лучший выбор.

Запрокинув голову, Ханна выпила ядреную жидкость.

— Ладно, — ответила она. — Тогда налейте мне то, что считаете правильным сортом текилы.

Бармен покосился на Бернарда, который сидел рядом с ней.

— Все нормально, — сказал тот. — Я отвезу ее домой.

Бармен что-то буркнул про себя, отворачиваясь к рядам бутылок.

— Итак, — произнес Бернард. — Просто не могу удержаться, чтобы не заметить, что за последний месяц ты уже три раза успела поменять напарника.

— Как это так? — спросила Ханна, вертя перед собой пустую стопку.

— Первым был агент Уард, — начал перечислять Бернард, загибая один палец. — Федерал. Это я еще понимаю. Федералов приглашают на все крутые вечеринки.

— На самом деле он не был моим напарником, — пробормотала Ханна, опять ощутив укол совести и отголоски сожаления, связанные с Клинтом у нее в голове.

— Потом Митчелл Лонни, — продолжал Бернард, загибая второй палец. — Насколько я понимаю, эти печальные глаза добрались и до

тебя? Я знаю, что, помимо этого, я куда как симпатичней. — Он ухмыльнулся ей.

Ханна улыбнулась в ответ, надеясь, что ее легкий румянец не будет замечен в тусклом освещении бара.

— И далее не кто иной, как мой бывший напарник, Юрген Адлер, — закончил он, загнув третий палец. — А вот это обидно. Нож в спину.

— Он не был моим напарником, боже упаси, — сердито возразила Ханна. — У него просто имелись важные сведения. Он был свидетелем по делу.

— И вот теперь ты снова со мной, — сказал Берnard, пропуская ее слова мимо ушей. — И знаешь, о чем это мне говорит?

— И о чем же?

Он дурашливо изогнул бровь.

— Что все они бледнеют перед моими исключительными детективными талантами и моей потрясающей прической!

Ханна расхохоталась.

— Ну ты и гад!

— Она может смеяться! — воскликнул Берnard с притворным изумлением. — Я-то думал, ты уже и забыла, как это делается...

Мрачное настроение, которое охватывало Ханну всю последнюю неделю, вдруг вернулось. Она нахмурилась.

— Ханна, изложу все попросту. Ты спасла девочку, вернула ее благодарным родителям, а похитители больше никогда никого не обидят. Дело закрыто, так что давай отдыхать и веселиться.

— Угу. Девочка и ее родители душевно травмированы, три человека мертвы... Я и вправду отлично справилась.

— Устрой себе перерыв.

— Она как минимум дважды едва не погибла, Берnard! — сказала Ханна. — Я могла бы сообразить быстрее, если б не настолько погрязла в собственных... — Она помедлила. — Ну, ты понял.

Он помотал головой.

— Ты не можешь просто забросить собственную жизнь всякий раз, когда открывается новое расследование.

— Ты видел заголовки по этому делу?

Берnard кивнул.

— Ты типа как в одиночку спасла Эбигейл Лисман. — Он ухмыльнулся. — Просто офигительно!

— Ну да, и это не единственная чушь, которую они прогнали. Видел, какой они изобразили Меган Шаффер? Якобы ее использовал Даррел Симмонс, который и был стоящим за всем этим криминальным гением. Выставили ее бедной слабой женщиной, которая в итоге покончила с собой от страха и сожаления.

— Ну да... — Бернارد пожал плечами. — А тебе-то какое дело?

Ханна ничего не ответила. Она и сама не знала, почему это ее так задевает, но это было так. Опрокинула третью стопку текилы, которую ей вручил бармен. Если вкус был и лучше, то у нее явно не хватало дегустаторского таланта, чтобы это оценить.

— А еще я видел коротенькую цитату Лэнса Кохе, — сказал Бернارد. — Типа он потрясен до глубины души или что-то в этом духе.

— Ну и сволочь, — в сердцах произнесла Ханна. — Все это началось только из-за его интрижки с секретаршей. И знаешь, что больше всего не укладывается в голове? Меган Шаффер похитила Эбигейл, чтобы задеть его, заставить его обанкротиться, выплатив выкуп... Но он этого не сделал! Просто бросил ребенка на верную смерть. В смысле... пусть даже Меган и ненавидела его, она все равно считала его лучшим человеком, нежели он есть на самом деле.

— Ну да, — отозвался Бернارد, согласно кивнув. — А знаешь, что еще не укладывается в голове? То, как ты зациклилась на этом деле, когда оно уже закрыто. И если цитировать «Гленмор-Парк газетт», то закрыто именно твоими стараниями. Все позади, Ханна. Ты отлично справилась. Научись наслаждаться небольшими победами в жизни. Знаешь, что я сделаю? Куплю тебе торт. Со взбитыми сливками. Устроим небольшой праздник в честь Ханны — грозы похитителей. Я приглашу весь детективный отдел.

— Я тебя убью, если ты это сделаешь, — ровным голосом произнесла Ханна, не совсем понимая, в шутку это было сказано или всерьез.

— Несильно-то напугала... Мы уже установили, что на самом-то деле ты не можешь работать ни с кем, кроме меня.

Несколько минут они посидели в молчании. Ханна думала про Эбигейл, Наамит и Рона. Про их будущее.

— Что-нибудь еще? — спросил бармен.

— Только счет, пожалуйста, — ответила ему Ханна. Потом посмотрела на напарника. — Я попытаюсь, хорошо?

Бернард улыбнулся ей.

— Это все, о чем я на самом деле прошу, — отозвался он.

* * *

Первый раз войдя в свою комнату после похищения, Эбигейл ощутила такое невероятное облегчение, что все ее мускулы вдруг разом стали ватными. Она ухитрилась добрести до своей кровати и опасно улеглась на нее. Голова все еще болела, пусть даже с того грозового вечера, когда она ею ударилась, прошла уже неделя. Всю эту неделю она провела в больнице.

Эбби была рада вновь оказаться со своими родителями, но пребывание в больнице до предела вымотало ей нервы, и она не раз ловила себя на том, что начинает безудержно плакать. Все думали, что понимают. Она ведь через столько прошла. И у нее сотрясение мозга. Так что слезы вполне объяснимы.

Но ничего-то они не понимали. Она попыталась объяснить это всего лишь раз, своей матери, но сразу же увидела замешательство у нее в глазах.

После целой недели полного одиночества в едва освещенном подвале всего казалось слишком. Слишком много врачей, медсестер и психологов. Слишком много детективов и агентов ФБР, задающих ей вопросы. Слишком много друзей и родственников, постоянно навещающих ее с подарками. Слишком много света.

И Эбигейл все никак не могла свыкнуться со своей так называемой «славой». Грейси сказала ей, что «все на свете» знают, кто она такая. И пусть она считала это преувеличением, но видела саму себя слишком на многих телеканалах, чтобы оставаться в неведении. Ее мама пыталась уберечь ее от всего этого, но это было невозможно. Семь разных пациентов больницы и две медсестры попросили сделать с нею селфи. Несколько раз к ней пытались пробраться репортеры.

Едва только получив новый телефон, Эбигейл сразу зашла на свой аккаунт в «Инстаграме», увидела знаменитые фото с требованиями о

выкупе и тысячи комментариев — и тут же вышла. Ей пришлось дать легкое успокоительное, чтобы помочь заснуть в ту ночь.

Все, чего ей хотелось, — это свернуться калачиком на своей кровати, и чтобы мама сидела рядом, глядя ее по волосам.

И вот теперь ее наконец отпустили домой. Она лежала на кровати, уставившись в потолок.

— Эбби, не хочешь чего-нибудь попить? Или поесть? — спросила ее мать, стоя в дверях. У нее был этот тон — Эбигейл уже научилась в последнее время его распознавать. Мама волновалась, но старалась этого не показывать.

— Нет, спасибо, — отозвалась она. — Я не голодна.

Эбигейл теряла вес — это тоже беспокоило ее родителей. Частично причиной было сотрясение, которое вызывало у нее дурноту, и стоило съесть чуть побольше, как сразу приходила тошнота. А частично — просто полная каша в голове.

Мать подошла и поцеловала ее в лоб. А потом вышла, практически на цыпочках, словно звук ее шагов тоже мог показаться слишком громким при столь хрупком состоянии дочери.

Просигналил ее телефон. Эбигейл глянула на экран. Сообщение от Грейси.

«Уже дома?»

Она набрала: «Ну да, только пришла».

«Все в школе про тебя спрашивают».

Девочка уставилась на экран, вся сжавшись. Вот так теперь все и будет? Она пойдет в школу, и люди будут постоянно говорить про похищение, расспрашивать ее про него, интересоваться, как она себя чувствует, перешептываться у нее за спиной?

Не может все это просто... наконец кончиться?

«Ясно. Скажи им, что я ок», — написала она.

«Помнишь, как я рассказывала тебе про новые штаны Саманты? Которые она постоянно носит?»

«Ну да».

«Угадай, кто сегодня пришел в школу в ТАКИХ ЖЕ штанах».

«Не знаю. Кайла?»

«Нет. Миссис Хьюбер!!!»

Эбигейл хихикнула. «OMG^[46]», — набила в ответ. И вдруг осознала, что смеется впервые с тех пор, как сбежала от

похитительницы. Это было... приятно.

Глубоко вдохнув, она опять зашла на свой аккаунт в «Инстаграме». Ее лицо — мрачное, с опухшими глазами — уставилось на нее с экрана. И эта мерзкая подпись, заканчивающаяся хештегом #ЭбигейлУНас.

Отметив фото, удалила его. А потом и остальные, размещенные похитителями.

Эти фотки никуда не денутся. Они были повсюду — в новостных статьях, блогах, ими делились в «Инстаграме», «Фейсбуке», «Твиттере»... Но на ее собственном аккаунте ей они ни к чему.

После секундных колебаний Эбигейл встала перед окном своей спальни, подняла телефон и щелкнула несколько фоток. Просмотрела их в «Галерее». Далеко не лучшие селфи в ее жизни, но одна фотка вроде неплоха.

Она загрузила ее. На минуту замешкалась, то начиная набирать подпись, то стирая ее и пытаясь написать что-то еще и тут же стирая тоже. Наконец просто написала «#ЭбигейлУжеДома» и нажала на «Поделиться».

ЗАГЛЯНИТЕ В ЯРКИЕ МИРЫ INSPIRIA

Темный подвал. Голые стены. На жесткой кровати лежит двенадцатилетняя девочка. Она уже не помнит, когда ее похитили, – потеряла счет времени. Кто? Зачем? Она не знает. Очень-очень страшно...

Детектив Ханна Шор из Гленмор-Парка ведет дело о похищении дочери своей подруги. Чтобы вернуть девочку домой, она объединяет усилия с ФБР. Но даже матерые агенты Бюро в растерянности: похитители разместили требование выкупа и фото похищенной в социальной сети, и...

ОНО СТАНОВИТСЯ ВИРУСНЫМ.

Ситуация быстро выходит из-под контроля.

Теперь на детективов смотрит весь мир.

Слухи распространяются со скоростью лесного пожара, а онлайн-линчеватели подливают масла в бушующее пламя.

В городок со всей страны едут доморощенные сыщики.

И НАЧИНАЕТСЯ ХАОС...

Расследование заходит в тупик – похитители рассчитали все до мелочей и не оставили никаких следов.

А время стремительно утекает. И тогда в Гленмор-Парк, отложив свое расследование в Техасе, приезжает профайлер ФБР Зои Бентли. Ее выводы становятся лучом света в кромешной тьме. Теперь детективы будут искать направленно. А главное, они поняли, что...

ЭТО ПОХИЩЕНИЕ СОВЕРШЕНО НЕ РАДИ ВЫКУПА.

ISBN 978-5-04-166675-0

9 785041 666750 >

@inspiria_books
www.inspiria.ru

- ◆ Психологический триллер
- ◆ Полицейский детектив
- ◆ Похищения детей

Mike Omer.

Web of Fear.

© 2016 by Mike Omer. All Rights Reserved.

Иллюстрации на переплете и форзаце *Филиппа Барбышева.*

ISBN 978-5-04-166675-0.

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022.

Ответственный редактор *В. Хорос.*

Редактор *В. Лебедев.*

Менеджер проекта *А. Крылова.*

Художественный редактор *Р. Фахрутдинов.*

Технический редактор *Г. Романова.*

Компьютерная верстка *Г. Клочковой.*

Корректор *М. Туаева.*

notes

Примечания

«Ризис» (*англ.* Reese's Pieces) — ароматизированные конфеты на основе арахисовой пасты, выпускаемые компанией «Херши» для североамериканского рынка. (*Здесь и далее прим. пер.*).

«Правый свайп» в приложении для знакомств «Тиндер» (горизонтальное движение пальцем по экрану мобильного или планшета) означает примерно то же, что и «лайк» в соцсетях, — таким образом пользователь подтверждает, что не прочь пообщаться с обладателем «свайпнутого» аккаунта в реале.

Лепрекон — персонаж ирландского фольклора, волшебник, исполняющий желания, который сторожит горшочек с золотом. Обычно изображается в виде старичка-гнома в огромной широкополой шляпе.

Пилатес — система физических упражнений, разработанная одним из основателей методики фитнеса Й. Пилатесом и ориентированная в основном на женщин.

Пурим — еврейский праздник, установленный, согласно библейской Книге Есфири, в память о спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии, от истребления Аманом-амаликитянином, любимцем царя Артаксеркса. Дата празднования определяется по еврейскому лунному календарю, поэтому по григорианскому календарю она каждый год разная.

6

Имеется в виду негерметичный гидрокостюм, при использовании которого вода в небольших количествах попадает к телу и нагревается от него.

Эти события описаны в романе М. Омера «Как ты умрешь».

Офицер — низшее звание в городской полиции США. Как правило, рядовые сотрудники полиции носят форму и занимаются патрулированием и охраной правопорядка на улицах. Рядовые детективы выше по званию и обычно носят гражданскую одежду.

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Эйджи (*англ.* Agey) — в данном случае это прозвище может означать и что-то вроде «агентик».

Питер Пэн — персонаж сказочных повестей шотландского писателя Дж. М. Барри и одноименного диснеевского мультфильма — мальчик, который не хочет стареть.

«Сто лет одиночества» — роман колумбийского писателя Г. Г. Маркеса, одно из наиболее характерных и популярных произведений в направлении магического реализма. Впервые опубликован в 1967 г.

«Проект „Рози“» — первая книга австралийского писателя Г. Симсиона, изданная в 2013 г. Сюжет вращается вокруг преуспевающего ученого-генетика, страдающего синдромом Аспергера, что весьма осложняет ему социальные контакты вообще и попытки завести семью в частности.

Дорожный Бегун — мультяшный страус, один из персонажей мультсериала «Хитрый Койот и Дорожный Бегун» («Wile E. Coyote and the Road Runner»).

См. роман М. Омера «Как ты умрешь».

«Майнкрафт» — одна из самых популярных в мире сетевых компьютерных игр.

Об этом рассказывается в романе М. Омера «Заживо в темноте».

Один из самых известных эпизодов фильма «Титаник» (1997) — любовная сцена, в которой героиня К. Уинслет оставляет след ладони на запотевшем стекле автомобиля. После съемок режиссер фильма Д. Кэмерон специально сохранил этот отпечаток для потомков.

reddit.com — сайт, сочетающий черты социальной сети и форума, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в интернете и обсуждать ее. Также это виртуальная площадка, на которой собираются самодеятельные расследователи дел, не раскрытых полицией.

Саурон — персонаж романа Дж. Толкина «Властелин колец», диктатор, стремящийся к власти и выстраивающий государство, в котором всему позитивному и светлому нет места.

Белковая диета, предложенная французским врачом-диетологом Пьером Дюканом, автором книги-бестселлера «Я не могу похудеть».

70,5 градуса по Фаренгейту — 21,4 °C.

CODIS — национальная база данных ДНК, созданная и поддерживаемая Федеральным бюро расследований.

Крэк — курительный кристаллический кокаин, обычно смешанный с пищевой содой; назван так из-за характерного потрескивания при нагревании.

WERS — бостонская развлекательно-информационная FM-радиостанция, принадлежащая университету имени Эмерсона. Отличается разнообразием музыкальных стилей.

«Испуганный кролик» (англ. Frightened Rabbit) — шотландская инди-рок-группа из Селкирка, образованная в 2003 г.

Имеется в виду одна из самых известных сцен этого кукольного шоу, в которой лягушонок Кермит пытается объяснить другим персонажам разного размера понятия «большой» и «маленький» на их собственном примере. Те, что покрупнее, надменно поглядывают на остальных, пока позади не появляется огромный монстр во весь экран, при виде которого все бросаются в бегство.

Рабби — обращение к раввину, главе общины и законоучителю в иудаизме.

Дрейдл — четырехгранный волчок, с которым, согласно традиции, дети играют во время еврейского праздника Ханука.

Пишер — мальчишка (идиш, пренебр.).

Ха-Шем — букв. «имя» (*ивр.*). Один из эвфемизмов, заменяющих слово «Бог», употреблять которое все в иудаизме запрещено.

Нудником — зануды (*идиш*).

Балабуста — хозяйка, домохозяйка (*идиш*).

Дрек — дерьмо (*идти*).

Песах — центральный иудейский праздник в память об Исходе из Египта, один из трех паломнических праздников.

Хамец — заготовленное, но не подвергнутое кулинарной обработке в течение установленного времени тесто, запрещенное к употреблению в Песах.

Бат-мицва (буквально «дочь заповеди») — достижение еврейского совершеннолетия девушками в возрасте 12 лет. Начиная с возраста бат-мицвы девушка обязана соблюдать заповеди (мицвот), исполнение которых предписано еврейской женщине. В США иногда отмечается и в 13-летнем возрасте, как бар-мицва у мальчиков.

В идише различаются три вида бедолаг-неудачников: шлемиль, шлемазл и небех. Обычно разницу поясняют примером: шлемиль спотыкается и проливает горячий суп на шею шлемазлу, а мыть пол за ним приходится небеху.

Мэйдл — красавица, красивая девушка (идиш).

«Базфид» (*англ.* BuzzFeed) — новостная интернет-медиакомпания, основанная в 2006 г. в Нью-Йорке.

Взрывы на Бостонском марафоне — террористический акт, совершенный 15 апреля 2013 г. на финише Бостонского марафона, в его зрительской зоне. С интервалом в 12 секунд произошли два взрыва, в результате которых погибли 3 человека и пострадали более 280 человек. За организацию и осуществление теракта были осуждены братья Царнаевы, граждане Киргизии.

42

50 фунтов — почти 23 кг.

На сто долларовых купюрах помещен портрет президента США Бенджамина Франклина.

Эта ситуация описана в романе М. Омера «Как ты умрешь».

45

70 миль в час — примерно 113 км/ч.

«Oh my God» — «О, боже мой» (<emphasis>англ</emphasis>.).